

Общественная организация «Белорусский зеленый крест»
ГУК «Брагинский исторический музей с картинной галереей»
ГУК «Музей битвы за Днепр»
ГУК «Лоевская центральная районная библиотека»

Днепровский паром

Материалы

научно-исследовательского полевого семинара
«Культурно-исторический потенциал Восточного
Полесья и перспективы развития регионального
туризма»

(11-12 августа 2016 г., г. Брагин)

Международных историко-краеведческих чтений
«Днепровский паром»

(8-9 августа 2017 г., г. Лоев)

Минск, 2017

*Материалы собраны и систематизированы сотрудниками
ОО «Белорусский зеленый крест»*

Два года подряд в рамках проекта «Развитие потенциала сети семейных клубов в Чернобыльской зоне с целью улучшения социально-экономической ситуации» в регионе проводятся научно-исследовательские встречи, посвященные историко-культурному наследию Среднего Поднепровья.

11 и 12 августа 2016 г. в г. Брагине состоялся научно-исследовательский полевой семинар «Культурно-исторический потенциал Восточного Полесья и перспективы развития регионального туризма». 6-8 августа 2017 г. в г. Лоеве состоялись историко-краеведческие чтения «Днепровский паром». Обе встречи собрали историков, археологов, этнологов, музейных работников, преподавателей различных учебных заведений и краеведов из Беларуси, России, Украины и Израиля.

Для сотрудников музеев и библиотек, экскурсоводов, краеведов, преподавателей и учащихся, школ, ССУЗов ВУЗов, а также для широкого круга читателей, интересующихся темами истории и культуры.

Данная публикация была подготовлена при поддержке Европейского союза. Ответственность за содержание данной публикации несёт общественная организация "Белорусский зелёный крест", и она ни в коей мере не отражает точку зрения Европейского союза.

Содержание

Материалы научно-исследовательского полевого семинара «Культурно-исторический потенциал Восточного Полесья и перспективы развития регионального туризма»

- Брагинскі замак у кантэксце абарончага будаўніцтва на паўднёва-
ўсходніх землях Беларусі ў XVI–XVII стст. 8
*Волкаў М., Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі,
Мінск, Беларусь*
- Брагинщина у складі Любецько-Лоевскага староства Кіўскага
воеводства 13
*Кондратьев І.В., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний
університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна*
- Асаблівасці жаночага Брагинскага строю 21
Літвінава Ю., Дайнава Вялікая, Беларусь
- Традиционные формы общения молодежи и брачное поведение
жителей Восточного Полесья во второй половине XX века: опыт
этнографического исследования 29
*Мищенко Т., филиал Брянского государственного университета,
Новозыбков, Россия*
- ### Материалы Международных историко-краеведческих чтений «Днепровский паром»
- Секция «Среднее Поднепровье VII–XIII вв. Региональное
краеведение»**
- Моховский археологический комплекс: военизированное
многофункциональное поселение эпохи Древней Руси 34
*Макушиников О.А., д.и.н., Гомельский государственный университет
имени Ф. Скорины, Гомель, Беларусь*
- Гончарная посуда в курганах конца X–XI веков в урочище Грегорово
Поле возле Лоева. Археологический контекст находок 36
*Линденков Д.Н., Гомельский дворцово-парковый ансамбль, Гомель,
Беларусь*
- Развитие епархиальной структуры на Руси в XI веке 40
Хотеев А.С., Минская духовная семинария, Минск, Беларусь
- Краеведческая деятельность библиотек Лоевского района 44
*Курдесова Н.В., Уборковская сельская библиотека, филиал Лоевской
центральной районной библиотеки, Лоев, Беларусь*

«Як многа гавораць мне родныя назвы...» (даследчая работа) <i>Хохун І., Лоеўскі дзяржаўны педагагічны каледж (навучэнка), Лоеў, Беларусь</i>	48
Гісторыя вёскі Бывалькі у назвах урочышчаў і вуліц <i>Жук А.В., Бывалькаўскі дзіцячы сад - сярэдня школа, Бывалькі, Беларусь</i>	51
Літаратурнае краязнаўства Лоеўшчыны <i>Цімошчанка Т.В., Лоеўская цэнтральная раённая бібліятэка, Лоеў, Беларусь</i>	53
Художественные особенности трилогии В.А. Купреенко «Доля маці» <i>Мельнікава Ларыса Аляксееўна, к.ф.н., Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь</i>	57
История православного прихода в д. Храковичи <i>Бондаренко Р., Спасо-Преображенская церковь, д. Селец, Беларусь</i>	61
Секция «Великое княжество Литовское и Реч Посполитая (XIV – XVIII вв.)»	
Типологія укрэпленых поселень любецькоў округі у XV–XVIII ст. <i>Бондар О.М., Чернігівський обласний історичний музей імені В.В. Тарновського, Чернігів, Україна</i>	68
Лоеўскае староство напрыкінці XVI – першай паловіні XVII ст. <i>Кондратьев І.В., к.і.н., Чернігівський нацыянальны педагагічны універсітэт імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна</i>	70
Прывілей на магдебурзькае право Лоеву від 3 серпня 1576 р. <i>Білоус Н.О., к.і.н., Інстытут історыі Нацыянальнай акадэміі навук Украіны, Київ, Україна</i>	74
К проблеме локализации и интерпретации замчища на Лоевой Горе <i>Тимофеенко А.Г., Інстытут історыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь</i>	77
Судочинство за магдебурзькім правам у містах Чернігово-Сівершчыны в XVII ст. <i>Доманова Г., к.і.н., Чернігівський нацыянальны педагагічны універсітэт імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна</i>	80
Рэлігійная сітуацыя Приднэпроўя в XVI в. <i>Юнгіна А., Рэспубліканскі інстытут вышэйшай школы, Мінск, Беларусь</i>	85
Лоеўская бітва 1649 года <i>Чаропка С.А., к.г.н., Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны, Гомель, Беларусь</i>	88
Мартин Небаба і вайсковыя дзеі на тэрыторыі Білорусі у 1648–1651 рр. <i>Коваленко О.Б., к.і.н., Чернігівський нацыянальны педагагічны універсітэт імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна</i>	91

- Лоеўскія кірмашы як фактар эканамічнага і сацыякультурнага развіцця рэгіёна 96
Анісавец М.І., Лоеў, Беларусь
- Секцыя «Период XIX – начало XX вв.»**
- Православная царква на Лоевшчыне в дакументах Государственного архива Гомельской области 102
Александрович З.А., Государственный архив Гомельской области, Гомель, Беларусь
- Землеволодіння родины Милорадовичів на території Білорусі 109
Коваленко О.О., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна
- «Святой революции»: новые факты к биографии Д.А. Лизогуба 111
Миден Э.Л., Черниговский национальный педагогический университет имени Т.Г. Шевченко, Чернигов, Украина
- Сутковское имение и его владельцы в опубликованных воспоминаниях Михаила Васильевича Сабашникова 114
Семашко К.В., Музей битвы за Днепр, Лоев, Беларусь
- Не оскудеет рука дающего. Мecenаты из Новозыбкова 119
Афонина Н.М., Новозыбковская центральная библиотека, Новозыбков, Россия
- Днепр в жизни Лоева на пересечении веков (по материалам для географии и статистики) 124
Филон А., Лоевский государственный педагогический колледж, Лоев, Беларусь
- Міське громадське управління у Суражці: формування і діяльність упродовж останньої третини XIX ст. 126
Шара Л.М., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна
- Конфессиональная ситуация в юго-восточном Полесье в первой трети XX века 129
Лебедев А.Д., к.и.н, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Беларусь
- Особливості церковного управління у північно-західних повітах Чернігівської єпархії XIX – початку XX ст. 132
Тарасенко О.Ф., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна
- Сын Лоеўскай зямлі Яўсей Канчар: старонкі да біяграфіі палітыка 135
Мятліцкая В.М., Гомель, Беларусь

До питання про українсько-російсько-білоруське прикордоння у 1917–1919 рр.	140
<i>Еткіна І.І., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна</i>	
Борьба советской милиции с бандитизмом в Лоевском уезде Гомельской губернии	144
<i>Новиков Д.С., Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Беларусь</i>	
Первенец промышленности Лоевщины: завод сухих красок «Краскоцвет»	148
<i>М.А. Алейникова, Гомель, Беларусь.</i>	
Калектывізацыя ў Лоеўскім раёне і знішчэнне вёсак і хутароў	155
<i>Колас А.В., Суткоўскі дзіцячы сад – сярэдняя школа Лоеўскага раёна, Лоеў, Беларусь</i>	
Механизация сельского хозяйства Лоевского района во второй четверти XX века	160
<i>Панков Ю.В., Гомельский дворцово-парковый ансамбль, Гомель, Беларусь</i> <i>Колос А.В., Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Беларусь</i>	
Письма и дневники солдат и командиров Красной армии (1941–1945 гг.) как исторический источник	165
<i>Смиловицкий Л.Л., д.и.н., Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль</i>	
Освобождение Комарина – первого районного центра Беларуси	183
<i>Леоненко А.А., Шульга В.М., Комаринская средняя школа, Комарин, Беларусь</i>	
Этнолингвистические исследования в Полесье	185
<i>Антропов Н.П., к.ф.н., Институт языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь</i>	

МАТЕРИАЛЫ
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО ПОЛЕВОГО
СЕМИНАРА
«КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ
ВОСТОЧНОГО ПОЛЕСЬЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ
РАЗВИТИЯ РЕГИОНАЛЬНОГО ТУРИЗМА»
(11-12 АВГУСТА 2016 Г., Г. БРАГИН)

Брагінскі замак у кантэксте абарончага будаўніцтва на паўднёва-ўсходніх землях Беларусі ў XVI–XVII стст.

Волкаў М., Інстытут гісторыі Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

На цяперашні час выяўлены толькі адзін дакумент, які дае магчымасць уявіць, як выглядаў Брагінскі замак. Гэта акт аб падзеле маёнтка Брагіна ў 1574 г. Ім карыстаўся і М. Ткачоў пры апісанні замка. Аднак знайшоў гэты дакумент, верагодна, М. Спірыдонаў, які яго пазней і апублікаваў [1]. Акрамя таго М. Ткачоў правёў натурнае вывучэнне помніка [2, с. 123–124]. Гэтыя дадзеныя дазваляюць уявіць, як выглядаў замак.

Брагінскі замак меў форму выцягнутага авала памерамі 110х60 м. Нязначная плошча ўмацавання і яго форма з’яўляюцца прыкметай старажытнасці помніка. Фактычна ён паўстаў на месцы летапіснага Брагіна, які ўпершыню згадваецца ў 1147 г. Найверагодней, абарончая сістэма замка не істотна змянілася з XII ст.

Паводле інвентара 1574 г., замак быў абкружаны напоўненым вадой ровам. Прычым пад замкам меўся вадзяны млын, гэта значыць, што на Брагінцы быў утвораны стаў і, па ўсёй верагоднасці, была паднята вада ў замкавых ірвах. М. Ткачоў сцвярджае, што па краю ўмацавання ішлі валы шырынёй 10 м і вышынёй 4–5 м. Сам жа абарончы перыметр утваралі драўляныя сцены з гародняў – зрубаў, пастаўленых у адну лінію. На гароднях размяшчалася «бланкаванне», ці баявая галерэя, накрытая дахам. Паводле інвентара, трапіць на бланкаванне можна было па «сталбу», ці лесвіцы, у «шостай» гародні. Таксама лесвіцы, верагодна, былі ў браме і ў вежы з боку Брагінкі. Самі ж гародні выкарыстоўваліся ў якасці жылля і для розных гаспадарчых патрэб. Так, паводле інвентара, у іх знаходзіліся «святліцы», «паклеты», пограбы, ці «піўніцы», спіжарні, свірны і пякарня. Выкарыстанне гародняў для розных патрэб, звязаных з замкавай гаспадаркай, было шырока распаўсюджанай практыкай на нашых землях. Таму, напрыклад, на Верхнім замку ў Слуцку ажно да пачатку XVIII ст. захавалася частка сцяны з гародняў, якія на той час ужо страцілі абарончае прызначэнне, але выкарыстоўваліся ў гаспадарчых мэтах. Што цікава, у ланцугу гародняў Брагінскага замка нават была збудавана замкавая царква ў гонар Св. Тройцы. Падобны прыклад меў месца ў Рэчыцкім замку, дзе царква была зроблена ў адной з замкавых вежаў.

Але Брагінскі замак быў больш сціплы за Слуцкі і Рэчыцкі, якія прыводзіліся для параўнання. У ім была ўсяго адна вежа з боку ракі Брагінкі. Замкавая брама, па усёй верагоднасці, была зроблена ў адной з гародняў і не ўзвышалася над сценамі. Таму ў інвентары яна не называецца вежай. Над праездам брамы мелася святліца, якая, верагодна, прызначалася для пражывання варты. Увайсці ў замак можна было па мосце, які мог мець узвод, ці пад’ёмную секцыю.

Пад аховай замка ў Брагіне развівалася адносна невялікае гандлёва-рамеснае паселішча, ці мястэчка, якое, мяркуючы па наяўнасці асобнага маста «ад места да места», як згадваецца ў інвентары 1574 г., было падзелена тапаграфічнымі ўмовамі на дзве часткі. У ім мелася царква Св. Міколы, якая, верагодна, стаяла на рынку, што з’яўлялася тыповым для гарадоў і мястэчак рэгіёна. Абедзве часткі мястэчка былі

абкружаны астрогам, ці абарончай сцяной слупавай канструкцыі. Такого кшталту астрог у першай палове – сярэдзіне XVII ст. быў шырока распаўсюджаным тыпам умацавання для гандлёва-рамесных паселішчаў і нават замка. У астрогу меліся дзве вежы, якія, па ўсёй верагоднасці, выконвалі функцыі брам у бок Мікулічаў і Глухавічаў.

Каб зразумець, чым быў Брагінскі замак, трэба звярнуцца да ваенна-гістарычных рэалій таго часу. Ваенны тэатр Вялікага княства Літоўскага ўключаў землі дзяржавы і памежныя тэрыторыі, на якіх дзейнічала яе армія у час войнаў з суседзямі. У ваенным тэатры ВКЛ можна выдзеліць шэраг тэатраў ваенных дзеянняў. Так называлі адасобленыя часткі ваеннага абшару, якія ўтваралі пэўную цэласнасць і не мелі непасрэднага ўплыву на сумежныя часткі ваеннага тэатру дзяржавы. Брагін знаходзіўся на паўднёва-ўсходнім тэатры ваенных дзеянняў. У пачатку XVI ст. асноўнай пагрозай тут былі крымскія татары і Масква. Пазней актуалізавалася пагроза з боку казакаў, якія ў канцы XVI – XVII стст. падымалі паўстанні і, як правіла, уздоўж рэчышча Дняпра, Прыпяці і іх прытокаў заходзілі на тэрыторыю ВКЛ у пошуках трафеяў і падтрымкі мясцовага насельніцтва.

Найбольш значнымі ўмацаванымі пунктамі ў гэтым рэгіёне былі Гомель, Рэчыца, Любеч і Мазыр, аб гэтым сведчыць, напрыклад, рээстр пастаўкі ўзбраення з віленскага цэйхгаўза ў 1551–1565 гг. [3]. Зрэшты на гэта ўказваюць і ваенныя дзеянні ў рэгіёне ў XVI–XVII стст. Прычын дамінавання гэтых умацаванняў было дзве. Па-першае, яны размяшчаліся на важных транспартных шляхах і ля перапраў праз рэкі. Па-другое, яны мелі сур’ёзны гаспадарчы і дэмаграфічны патэнцыял, які дазваляў узводзіць ўмацаванні і ўтрымліваць гарнізон. Апошняга, напрыклад, не было ў Лоеве, таму, нягледзячы на досыць зручнае месцазнаходжанне, там не было дастаткова моцнага ўмацавання. Сістэма абароны ў рэгіёне выкрышталізавалася ў сярэдзіне XVII ст., у час вайны з казакамі. Яна добра бачна па дзеяннях польнага гетмана ВКЛ Януша Радзівіла. Цэнтральным зваенна-лагістычнага пункту гледжання абарончым аб’ектам была Рэчыца, якую ў гэты час пачалі абносіць бастыённымі ўмацаваннямі. Ля Гомеля, Любеча і Лоева, дзе знаходзілася найбольш выгадная пераправа праз Дняпро, і былі ўзведзены дадатковыя бастыённыя ўмацаванні, якія мусілі ўмацаваць сістэму абароны гэтых паселішчаў. Прычым у выпадку Гомеля і Лоева, як зрэшты і Любеча, новазбудаваныя ўмацаванні прыкрывалі пераправы праз рэкі. Гэта сведчыць аб важнасці гэтых паселішчаў для вядзення войн.

Усе іншыя ўмацаванні ў рэгіёне, у тым ліку Брагін, мелі выразна другасную ролю. Тым не менш яны не адразу страцілі свой абарончы патэнцыял і ў спецыфічных умовах Рэчы Паспалітай яшчэ пэўны час захоўвалі сваю прыдатнасць. На пачатку XVI ст. яны маглі гарантаваць эфектыўную абарону ад невялікіх і сярэдніх татарскіх аддзелаў, якія займаліся рабаваннем мясцовасці. Падобныя рэйды рабілі і маскоўскія войскі ў час войн з ВКЛ. Вядома, што на Слуцк татары нападлі тройчы: у 1503, 1505 і 1506 гг., а ў 1507 і 1508 гг. горад бралі ў аблогу атрады мяцежнага Міхаіла Глінскага. Прычым абараняўся ў Слуцку ўсяго толькі невялікі Верхні замак, плошча якога складала 1,3 га. Такого ж класу ўмацаваннем быў і Брагінскі замак. Адзінае, што ў Слуцку, які быў галоўнай рэзідэнцыяй князёў Алелькавічаў, абаронцаў, відавочна, было болей.

Аднак да сярэдзіны XVI ст. сітуацыя змянілася. І такога кшталту ўмацаванні, як Брагінскі замак, ужо адступілі на другі план. Тым не менш яны не да канца страцілі свой абарончы патэнцыял. Брагін быў прыватнаўласніцкім паселішчам і да вайны 1654–1667 гг. ён мог гарантаваць абарону ўласнікаў і яго маёмасці ў выпадку нападу невялікіх ваенных атрадаў праціўніка, неаплачаных жаўнераў на службе ВКЛ ці казакаў, палітычных канкурэнтаў. Пры гэтым наяўнасць умацавання была важнай для развіцця паселішча побач з ім. У гэтым быў і практычны, і псіхалагічны матыў.

У выпадку буйнамаштабных баявых дзеянняў, як, напрыклад, у час вайны 1654 – 1667 гг., такія ўмацаванні, як Брагінскі замак, не было мэты абараняць. У выпадку захопу іх, як правіла, спальвалі, паколькі ўтрымліваць падобныя ўмацаванні не было мэтазгодна. Такі лёс напаткаў і Брагінскі замак, і суседні Лоеўскі. Зрэшты спальваліся нават куды больш значныя замкі, як, напрыклад, Рэчыцкі замак.

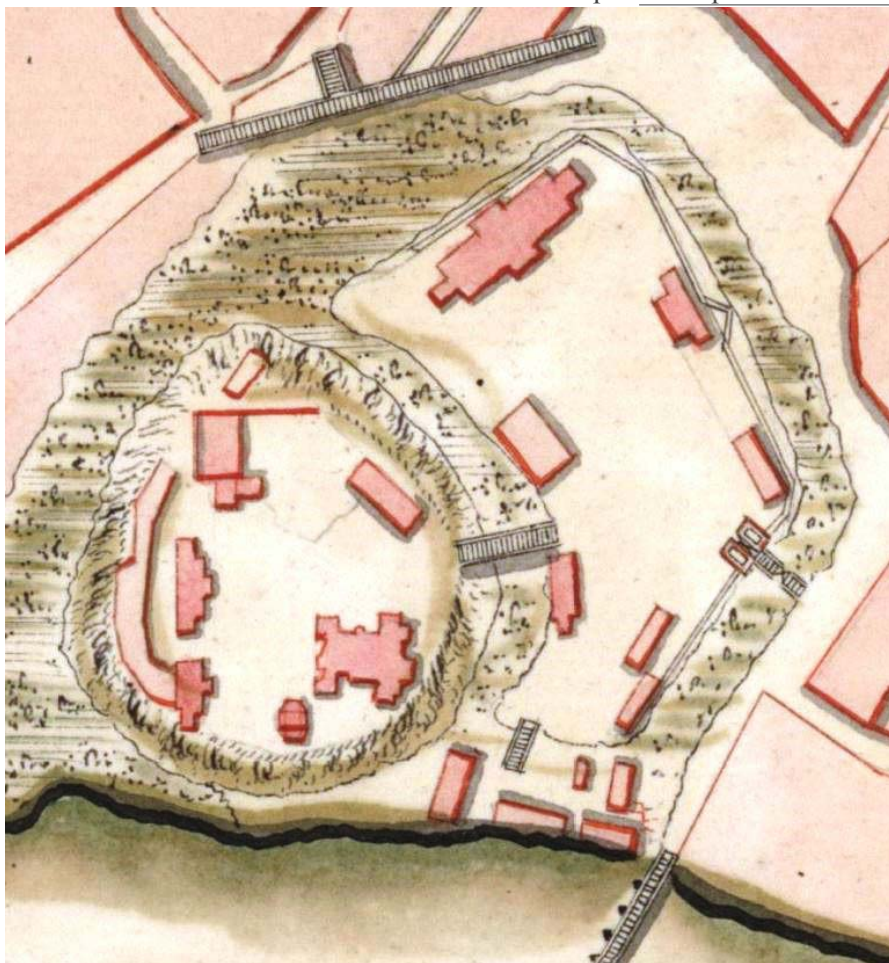
Пасля вайны 1654–1667 гг. на месцы замка ў Брагіне існаваў гаспадарчы двор, які па традыцыі маглі называць замкам. Зрэшты сам тэрмін «замак» пачынаючы з XVII ст. паступова згубіў значэнне абарончага ўмацавання.

Літаратура і крыніцы:

1. Акт о разделе имени Брягин. 1574 г. // Беларускі археаграфічны штогоднік. Вып. 1. – 2000. – С. 185–194.
2. Ткачоў М. Замкі і людзі. – Мн., 1991.
3. Nowak T.M. Sprzęt artylerii polskiej XVI wieku w świetle inwentarza z lat 1551–1565 // Studia i materiały do historii wojskowości. T. 9, cz. 2. – 1963. – S. 281–302.

Мал. 1. Брагінскі замак і Брагін. Паводле М. Ткачова, 1991.

Мал. 2. Верхні і Ніжні замкі ў Слуцку. Я. Фюрстэнгоф, п.п. XVIII ст.

Мал. 3. Замак у Рэчыцы. А. Вестэрфельт, сяр. XVII ст.

Мал. 4. Замак у Горвалі. А. Вестэрфельт, сяр. XVII ст.

Брагінщина у складі Любецько-Лоєвського староства Київського воєводства

Кондратьєв І.В., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна

Від часів Давньої Русі, коли Гомель потрапив під вплив київських князів, Брагін увійшов до складу Київського князівства. Можливо, що сама назва «Брагін» походить від скандинавського прізвища «Брага», та може свідчити про варязьку присутність у регіоні. Вперше місто згадується у Іпатівському літопису під 1147 р., у контексті боротьби князів чернігівських та київських. Наступна згадка припадає на 1187 р., коли київський князь Рюрик Ростиславич подарував Брагін молодятам – сину Ростиславу та його дружині. У 1241 р. Брагін, як і інші міста Подніпров'я, був спалений монголами [1, с. 21].

У 60-і рр. XIV ст. Брагін увійшов до складу Великого князівства Литовського і став центром волості Київського воєводства, а з 1471 р. – Київського староства. Першим відомим володарем та великокнязівським намісником Брагіна був Альберт Монівід – член великокнязівської ради (з 1387 р.), віленський намісник (1396 р.). На Городельському сеймі отримав герб «Леліва» (1413 р.). У його руках вперше об'єдналися любецькі та брагінські володіння, бо саме він отримав від великого князя Вітовта міста Брагін, Горволь та Любеч [2, с. 270].

Від Альберта Монівіда у 1424 р. обидва міста перейшли у спадок сину Івану. Ян (Івашко) Монивидович був намісником подільським та кременецьким, маршалком князя-бунтаря Свидригайла. У заповіті 1458 р. Ян Моновидович передав усі володіння разом із Любецькою, Брагінською та Горвольською волостями, у спадок синам Войцеху та Яну. Моновидовичи активно займалися військовим посиленням регіону, перетворюючи міста Наддніпрянщини у оборонні центри. Для несення служби активно залучалося як місцеве населення, так і прийшли елементи, а навколо міст виникають «осади» дрібномаєткової шляхти [1, с. 32–33].

У 1471 р. було ліквідоване Київське княжіння та створені повіти, які поділялися на волості, що були роздані на «вічному» праві. Брагінська волость опинилася у Любецькому повіті. У 1500 р. почалася війна Великого князівства Литовського з Московською державою, Любеч тимчасово відійшов до Московських володінь, а Брагін залишився у кордонах Великого князівства Литовського. За договором 1503 р. Гомель разом із Черніговом та Любечем були віддані до Москви, а Брагін та Речиця залишилися у Великому князівстві Литовському [3, с. 209–212]. У березні – квітні 1503 р. московські князі С. Стародубський, В. Шемячич, С. Бельський отримали у володіння Чернігів, Стародуб, Путивль, Рильськ, Новгород-Сіверський, Гомель, Любеч, Почеп та інші міста «с волостями» [4, с. 399]. Велике князівство Литовське фактично втратило третину своїх земель: 70 волостей, 22 городища та 13 сіл, а нова московсько-литовська границя стала проходити у 45–50 км від Києва та 100 км від Смоленська, тим самим утворюючи зручний плацдарм для вторгнення московської армії на терени ВКЛ [5, с. 47; 6, с. 28]. До того ж, Велике князівство Литовське втратило контроль над важливішою водною артерією – Дніпром. У 1503–1504 рр. до московської Гомельської волості були приєднані

Горвольська та Речицька волості, що на правому березі Дніпра, після чого річка була перегороджена дерев'яним частоколом – езом [5, с. 106].

8 липня 1506 р. прикордонна Брагінська волость була віддана Данилу Дедковичу «до вибрання пенязей» – тобто до отримання з міста певної суми грошей (на жаль, сама сума не відома, як і строк, за який той мав їх «вибрати»). У тому ж 1506 р. через Брагін пройшла Орда кримських татар [1, с. 54].

У 1507 р. спалахнула нова війна між Литвою та Московщиною, а наступного 1508 р. польське посольство у Москві зажадало повернення Любеча. У «перемирному листе» 1508 р. московського князя Василя та короля Сигізмунда I Любеч «з волостми» названий литовським, а Чернігів, Стародуб та Гомель – московськими. Цікаво, що з 1508 до 1537 р., коли до Литви був повернутий Гомель, землі Любецького староства фактично знаходились в оточенні московських володінь, за виїмком невеличкої ділянки між Сожем та Дніпром [7, с. 29–36].

У 1509 р. Брагін був пожалований князю Михайлу Збаражському у «доживотне» (пожиттєве, без права передачі у спадок) утримання. Пожалування міста Збаражському примусило брагінських міщан звернутися до короля Сигізмунда I та отримати від нього у 1511 р. охоронний привілей. На короткий період Брагін стає приватно володільницьким. Можливо, якраз із цим пов'язане проведене у 1512 р. розмежування кордонів Брагінської волості. Вже у 1514 р. Брагін був подарований М. Збаражському з «местам, корчмами, мытам и замкам на вечныя часы», але у тому ж таки році місто перейшло до князів Вишневецьких герба «Корибут» [8, с. 37–39].

Незабаром місто увійшло до складу Любецького староства, що було повернуте Литві ще у 1508 р. У 1535 р., під час війни з Московською державою, Брагін був спалений московським військом [9, с. 78]. У 1514 р. король Сигізмунд I пожалував місто відомому політичному та військовому діячу, засновнику могутнього магнатсько-князівського роду Михайлу Васильовичу Вишневецькому у довічне володіння [1, с. 297]. При цьому, половина Брагіна залишалася приватною власністю, а половина залишилася за Любечем.

Можливо, що цей своєрідний кордон проходив не по річці Брагінка (ще зараз біля міста можна візуально зафіксувати так звану «старицю» – колишне русло Брагінки), а по її невеличкій сезонній притоці, що і зараз залишилась в центрі міста.

Спостереження, зроблені під час проведення у Брагіні науково-дослідного семінару «Культурно-історичний потенціал Східного Полісся та перспективи розвитку регіонального туризму» (11–12 серпня 2016 р.), дають можливість стверджувати, що на території міста наявне не одне, а два городища. Перше – на якому стоїть готель «Верас» та пам'ятник воїнам-афганцям, а друге – навпроти, за якоюсь дрібною притокою колишньої р. Брагінка. Зараз ця зарегульована іригаційною системою річка у місті не протікає, але залишки колишнього русла ще можна візуалізувати чи побачити на супутникових картах.

У середині XVI ст. до складу Любецького староства входили не лише правобережні села водорозділу Брагінки (між річками Брагінка та Дніпро), а також три населених пункти на лівому березі Брагінки – любецькі замкові села Савичі, Пієрки (Пієрка), та можливо село Колибань. Ці населені пункти були спостережними

форпостами на березі Брагінки, так як більшість замкових сіл були розміщені саме на берегах річки – насамперед, Дніпра [1, с. 78] (див. рис. 1).

У 1564 р. Брагінська волость Любецького староства відійшла до Мозирського повіту, але через п'ять років знову повернулася до складу Любецького староства. На той момент староство складалося з трьох волостей – Любецької, Лоевської (Лоегорської) та Брагінської. Цікаво, що одні з двох замкових воріт Любеча носили назву «Брагінських».

За Люблінською унією 1569 р. територія Київського воєводства, до складу якого належала й Любецька волость, увійшла до складу Королівства Польського, тоді ж Любецький замок стає центром староства. У 1585 р. від Любецького староства було відокремлено Лоевське (хоча, староста та підстароста на Любеч та Лоев призначався один). Першим старостою, хто обійняв обидві старостинські уряди – у старостві Любецькому та «новому... Лоегорському», був О. Вишневецький [10].

У 1574 р. Брагінський замок був описаний королівськими ревізорами. Збудований князем Михайлом Вишневецьким на місті давньоруського городища, замок мав розміри 90 на 70 м, був оточений валом висотою 5–6 м та шириною у підшві більше 10 м. Стіни-городні мали бійниці, а зі сторони річки Брагінка – двоярусну дерев'яну башту-браму. До замкових воріт вів міст, остання секція якого була підйомною. На території замку знаходилась дерев'яна церква Св. Тройці [8, с. 39].

У 1581 р. в Брагіні було 32 «дими» («дим» – це будинок із димовою трубою, яка була одиницею оподаткування), 13 ремісників, 1 священник та 21 осада «загородової» (убогої чи «лезної») шляхти. Загальна кількість населення у місті становила 402 чоловіки [11, с. 26, 76].

Після смерті у 1585 р. Михайла Вишневецького Брагін відійшов до Федора Вишневецького. У тому ж році із Любецького староства було виділено нове Лоевське (чи Лоегорське), хоча «уряди» старости та підстарости у обох староствах завжди суміщалися – тобто староста Любецький був і старостою Лоевським. 11 лютого 1585 р. любецьким та лоевським старостою був призначений «до живота» князь Олександр Вишневецький. В різні часи він також був старостою канівським, корсунським, черкаським, реєстровим гетьманом. Після смерті старшого брата Федора він забрав собі і його брагінські володіння, таким чином об'єднавши місто [7, с. 29–36].

На початку XVII ст. Брагін опинився біля джерел російського «смутного часу», бо саме звідси у 1603 р. почалося сходження до влади майбутнього Лжедмитрія I, який перебував у замку тодішнього його володаря Адама Вишневецького [1, с. 140].

У 1632 р. за королювання Владислава IV розпочалася чергова війна з Московською державою. Поляновський мир 1634 р. закріпив територію Чернігово-Сіверщини у складі Речі Посполитої. Незабаром Московська держава певним чином компенсувала втрату Чернігово-Сіверщини: 1646 р. Москві був повернутий Трубчевськ з навколишніми землями, які раніше належали Великому князівству Литовському. Щоб уникнути внутрішнього конфлікту з Литвою, Варшавський сейм 1646 р. ухвалив інкорпорацію Любецького та Лоевського

староств до Стародубського повіту Смоленського воєводства Великого князівства Литовського [7, с. 29–36].

В середині XVII ст. чимало брагінчан покозачилися і увійшли до Войська Запорозького. Влітку 1648 р. козаки оволоділи Гомелем, Брагіним, Лоевим та іншими містами. Шляхтич Халецький писав з-під Речиці 3 липня 1648 р.: «тут скрізь закликають добровольців, посилають універсали, бунтують селянство [...] що хлоп, то козак, кожного треба боятися». Десять у липні 1648 р. ймовірно і почалося створення Брагінського та Речицького козацьких полків. Лоевим козаки оволоділи у серпні, опісля був захоплений і Любеч. Відомо, що мешканці Брагіна відчинили ворота козацькому війську на чолі з чернігівським полковником Мартином Небабою. Брагінський полк проіснував нетривалий час – у 1648–1649 (1650?) рр., до нього ймовірно приналежала і Лоевська сотня. Брагінським полковником був Григорій Голота, під його орудою знаходилось 1500 верхових козаків та 500 піхотинців [1, с. 217–219].

Під час війни Речі Посполитої з Московською державою у 1654–1667 рр. Брагін був зруйнований та більше не відбудовувався. Пізніше на місці замку Вишневецьких був побудований господарчий двір. Любеч залишився у складі Гетьманщини, а Лоев та Брагін – у складі Великого князівства Литовського. Хоча Лоевське староство й надалі називали як Лоевсько-Любецьке. Ще одна спроба «покозачення» Брагіна була зроблена за гетьманування Івана Брюховецького (1663–1668 рр.), коли у 1666 р. до Чернігівського полку були віднесені спустошений Лоев («впусте»), Речиця, Холмиця, Горболь, Паличі та «особные» міста Фойники і Брагін. По завершенню війни ця територія залишилася у складі Литви. У 1667 р. Лоевське-Любецьке староство були приєднані до Речицького повіту Мінського воєводства.

Не менш цікаву історію мають і села сучасного Брагінського району, які були замковими селами Любецького староства, чи приватними володіннями любецької шляхти [1, с. 299–338].

Асаревичі (Осоричі). Судячи з назви, поселення виникло до середини XIII ст. Було центром Заостровського (Захоловського чи Заоловського) «острова». Можливо, що своєю появою село Асаревичі зобов'язане брянським боярам Асаревичам, або ж поява топоніму пов'язана із словом Ясир (Ясировичі (1571 р.) – Осоричі – Озаревичі – Асаревичі). Частина села приналежала до Любецького замку (1571, 1616, 1622, 1629, 1636 рр.). Володільці: шляхтичі Болотовичі (перша половина XVI ст.), Березицькі (1577 р.), Зарецькі (опісля 1590 р.), Стецькі (1597 р.), Рисичі (Рижичі) – 1616 р., Зенковичі-Зарецькі (1633 р.), козаки Лизогуби (кінець XVII ст.).

Березки. Знаходиться на Правобережжі Дніпра, на відстані п'яти кілометрів на захід від лівобережного подніпровського села Неданчичі. Можливо, це родова маєтність шляхтичів Березицьких (1577 р.). Перша писемна згадка – 7 жовтня 1596 р. Володільці: І. Лобов (1596 р.), на його маєтність претендував В. Сосницький; князь С. Лико та К. Каменська (1614 р.), Силичі та Пушкаровські (1616 р.), любецькі старости та підстарости (1616 р.), Луція Миткевич (1621 р.), Микола Яніцький (1624 р.), Ярема Нечайов (1659 р.), Федір Сулима (1661 р.),

Сулимирські-Розсудевські – володіли частиною села за пожалуванням короля Михайла (1669 – 1673 рр.).

В'яле (Вяльє). Приналежне до Любецького замку (1615–1616, 1622, 1629, 1636 рр.), виконувало функції спостережного форпосту.

Галкі. Розташоване між селами Асаревичі та В'яле. Появу цього села, так само як і села Галків на Позноховській землі неподалік Любеча, слід пов'язати з діяльністю дрібнобоярської родини Любецького староства Гальникових. Виникло у XV–XVI ст.

Глушеч (Глушець). Знаходиться на притоці Дніпра річці Пісочинці. Час появи – XV–XVI ст. У 1571, 1615–1616, 1622, 1629, 1636 рр. було приналежне до Любецького замку, виконувало функції спостережного форпосту. Своєю назвою вочевидь зобов'язане однойменному озеру Глушеч. На відміну від села озеро належало не замку, а шляхтичам Зарецьким.

Деряжичі (сучасні Деражичі). Замкове село Любеча, перша писемна згадка – 1571 р. Судячи з назви, виникло за часів Давньої Русі. Серед володільців згадаємо Києво-Печерський монастир (щонайменше з кінця XVI ст.).

Жилічи. Назва давня, вочевидь ще з часів України-Русі. З 1571 р. – приналежне до Любецького замку, виконувало функції спостережного форпосту. Не згадане у матеріалах ревізії 1615–1616 рр., можливо, як зруйноване московським військом.

Заревський (Зарецький) «остров». Поселення знаходилось навпроти лівобережного с. Радуль (Радутовського «острова»). Сама назва вказує, що земля знаходиться за річкою (Дніпром). Родова маєтність любецьких шляхтичів Заревських (Зарецьких), Зарецьких-Зеньковичів. Ще одна Заревщина відома з 1636 р., вона також знаходилась на Правобережжі за річкою Брагінка, Заревська земля також була і біля с. Радуль.

Йолча (Левча). Час появи поселення – XV–XVI ст. Перша писемна згадка – 1571 р., коли воно описувалось як замкове село Любеча. Володільці: Іван Лобов (1596 р.), князь Семен Лико та Катаржина Каменська (1614 р.), К. Каменська (1616 р.), Луція Миткевич (1621 р.), Микола Яніський (1624 р.), Ян Яніський (1636 р.), Ярема Нечайов (1659 р.), Федір Сулима (1661 р.), Сулимирські-Розсудевські – отримали Йолчу в довічну оренду від короля Михайла (1669–1673 рр.).

Кликовичі («остров» Кликов). Зникла назва, знаходилось неподалік села Асаревичі. Назва давня – часів України-Русі. У 1622 та 1629 рр. – приналежне до Любецького замку. Основним обов'язком населення цього села була сторожева кликовщина – тобто попередження про просування ворога.

Коростинка. Точній локалізації не підлягає, знаходилась десь неподалік села Просмічі Брагінського району Гомельської області Республіки Білорусь. Перша писемна згадка – 1634 р. Володільці: Казанські-Чемериси (1634 р.) – за привілеєм короля Владислава IV.

Круки (Крюки). Приналежне до Любецького замку (1616 р.), виконувало функції спостережного форпосту. Цікаво, що це був найзахідніший форпост Любецького староства.

Лесичі (Лисичі, Лежичі, Лежнічі). Зникла назва, земля знаходилась неподалік села Хрековичі (суч. Старі Храковичі). Можливо, що назва походить від

слова «лежень». Цікаво, що ту частину шляхти, що втрачала гідність у п'ятках та «костирстві», зараховували до людей «лежних» («лезних», лежнів, голтяїв – голоти, волочачих, коланих). Володільці: бояри Демитровичі (Демидовичі) та Горчиновичі, вочевидь це гілки роду бояр Чемерисів. Володіли за пожалуванням любецького старости В. Хотимерського (1594–1611 рр.). Ще один топонім із такою назвою – хутір Лежничі, ще наприкінці ХІХ ст. знаходився північніше лівобережних подніпровських сіл Корольча та Шумани.

Малежин (сучасний Маложин). Перша писемна згадка – 1595 р. Володільці: Бивалкевичі (1595 р.), Потій Сурінов (1595 р.) – «данина» на с. Малежин, що на Бивалкевщині; Джевошевські (до 1615 р.), Розсудевські (1615 р.), 1616 р. – половина села приналежна до Любецького замку, Ядвіга Сулимирська-Розсудевська (1636 р.). Вочевидь, що із назвою села топонімічно пов'язане і урочище Малож, що у 2013 р. відійшло до України під час ратифікації міждержавного кордону України та Білорусі.

Осейкі (сучасні Севкі). Писемна згадка – 1615 р. Володільці: Джевошевські, Розсудевські (29 березня 1615 р.), приналежне Розсудевським та Любецькому замку (1616 р.), 1622 р. – знищено московським військом, у 1628 р. вже мало два городи, у 1636 р. було приналежне Ядвізі Сулимирській (Розсудевській).

Пієрки (сучасні Пірки). Село Брагінського району Гомельської області Республіки Білорусь (у 1986 р. село увійшло до зони відчуження Чорнобильської АЕС). Перша писемна згадка – 1571 р. З 1571 р. до середини ХVІІ ст. – замкове село Любеча.

Пресмич (сучасні Просмичі). Назва поселення давньоруська, у ХVІ–ХVІІ ст. це село належало до Хрековицьких земель. Володільці: бояри Чемериси (Чемериси-Казанські) – за привілеями Сигізмунда ІІ Августа, Сигізмунда ІІІ, Владислава ІV. Перша писемна згадка – 1616 р.

Пісочинка (Пісочна земля). Зникла назва, знаходилась в басейні правобережної притоки Дніпра річки Пісочинка (Пісочинка). Маєтність любецьких бояр Чемерисів – за привілеями Сигізмунда ІІ Августа та Сигізмунда ІІІ. Володільці: Чемериси (1616 р.), Казанські-Чемериси (1636 р.).

Савичі. Родова маєтність любецьких шляхтичів Савичів (1618 р.) – за листами Сигізмунда ІІ Августа та Сигізмунда ІІІ. Володільці: 1571 р. – частина села приналежна до любецького замку, Станіслав Клопоцький (1578 р.), Мехеди (перша половина ХVІІ ст.), Людвіг Рокицький (кінець ХVІІІ ст.), Брюзори (ХІХ ст.).

Селець (Сельці). На території Любецько-Лоевського староства було два села з такою назвою. Перше виникло неподалік однойменного озера, знаходилось на півночі від сіл Петрушин та Убіжичі сучасного Ріпкинського району Чернігівської області. Насьогодні зникле. Сільчанський ґрунт згаданий у привілеї 1636 р. Владислава ІV шляхтичам Тарасевичам. Ще одне поселення з такою ж назвою знаходиться на Правобережжі Дніпра неподалік Брагіна Гомельської області. Згадане в матеріалах ревізії Любецького староства 1629 р. як замкове. Обидва поселення були родовою маєтністю бояр та міщан Любецького староства Селецьких (Селицьких) – родина відома з 1561 р.

Хрековичі. Зараз село Хрековичі має назву Старі Храковичі і знаходиться у складі Брагінського району Гомельської області Республіки Білорусь. Назва топоніму дуже давня. Перша писемна згадка – 1571 р. Частина маєтності була приналежна до Любецького замку (1571, 1616, 1622, 1629 та 1636 рр.). Володільці: бояри Демитровичі – за привілеєм Сигізмунда II Августа (1548-1572 рр.), Станіслав Клопоцький (1578 р.), Димитровичі (1616 р.), Демитровичі та Горчиновичі (1622 р.).

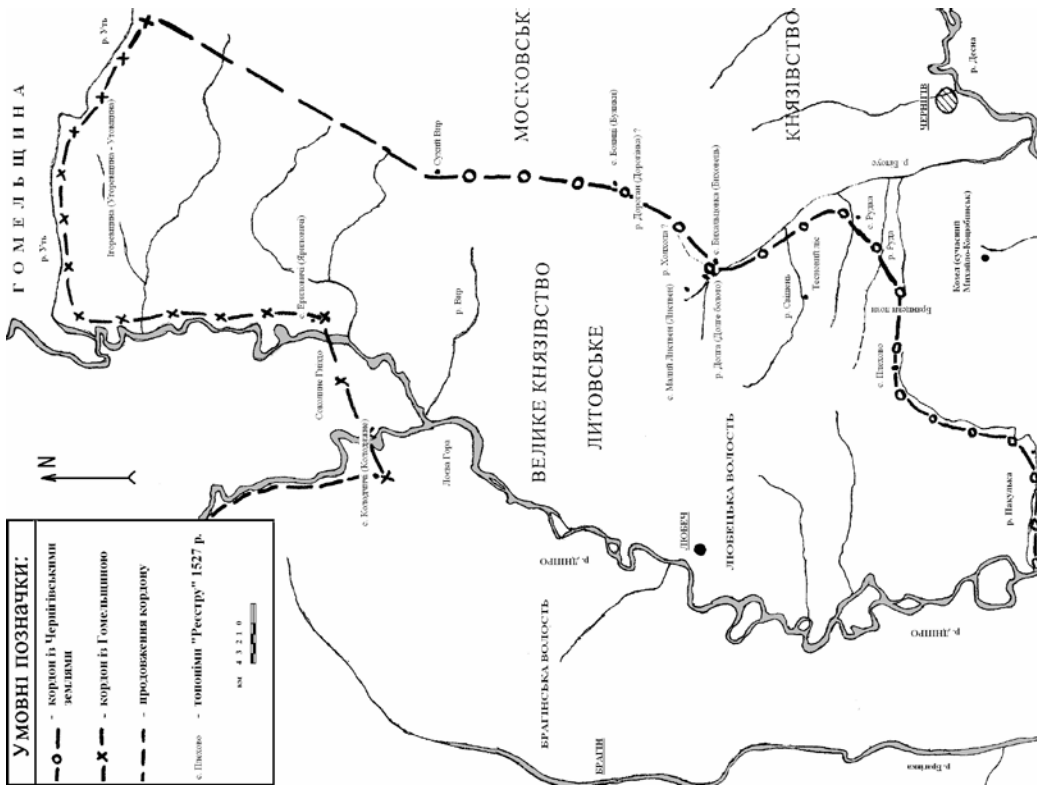
Хрушно (сучасне Грушноє). Сучасна назва – Грушноє. Село Хрушно описувалося під час проведення королівських люстрацій Любецького та Лоевського староств 1571, 1615–1616, 1622, 1629 та 1636 рр., як «служебне» село Любецького замку.

Чемериси. Розташоване на однойменній річці Чемериси, правобережній притоці Дніпра. Родова маєтність любецьких бояр Чемерисів (Казанських, Казанських-Чемерисів), родини тюркського походження. Володільці: Чемериси (Казанські) – за привілеями королів Сигізмунда II Августа, Сигізмунда III та Владислава IV.

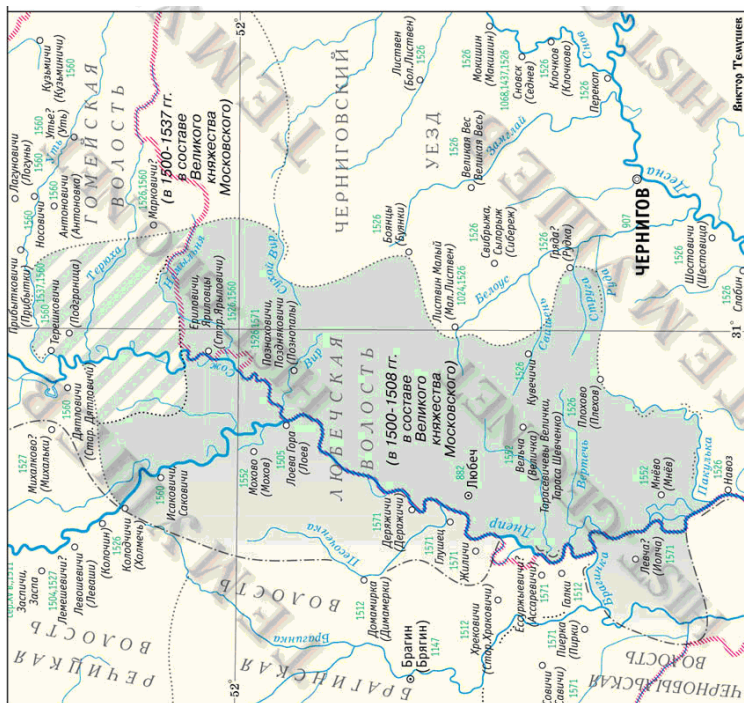
Чернотичі. Сучасна назва – Чернів. З 1986 р. село увійшло до зони відчуження Чорнобильської АЕС. Назва села дуже давня – можливою давньоруська.

Джерела та література:

1. Кондратьев І.В. Любецьке староство (XVI–середина XVII ст.). – Чернігів, 2014.
2. Насевич В. Манівідавчы // Вялікае княства Літоўскае. Энцыклапедыя у 3 т. Т. 2. – Мн., 2005.
3. Литовская метрика (1528–1547). Шестая книга судебных дел (копия конца XVI в.). – Т. СXLIX. – Вильнюс, 1995.
4. Памятники дипломатических сношений Московского государства с Польско-литовским. Т. 1 (1487–1533) // Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными. Сборник Императорского русского исторического общества. – Т. 35. – СПб., 1882.
5. Темушев В.Н. Гомельская земля в конце XV – первой половине XVI в. Территориальные трансформации в пограничном регионе. – М., 2009.
6. Волков В. Войны и войска Московского государства. – М., 2004.
7. Кондратьев І.В. Спроба локалізації кордонів Любецького та Лоевського староств у XVI – першій половині XVII ст. // Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемаадзязанне і ўзаемааўплывы: зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель, 2010.
8. Памяць: Брагінскі раён: Гістарычна-дакументальныя хронікі гарадоў і раёнаў Беларусі. – Мн., 1998.
9. Города, местечки и замки Великого княжества Литовского: Энциклопедия. – Мн., 2009.
10. Центральний державний історичний архів України у м.Київ, КМФ.-36, Оп. 1, спр. 197, арк. 2, зв. 5.
11. Jablonowski A. Polska XVI wieku pod wzylem Geograficzno-statystycznym // Źródła dziejowe. T. XX. – Warszawa, 1894.

Реконструкція І. Кондрагєва

Реконструкція В. Темушева

Рис. 1. Любецька волость у першій половині XVI ст.

Асаблівасці жаночага Брагінскага строю

Літвінава Ю., Дайнава Вялікая, Беларусь

Брагінскі строй (далей – БС) вылучаецца, паводле М. Раманюка, разнастайнымі формамі паяснога адзення, багаццем раслінных арнаменты, а таксама адметнымі шыйнымі ўпрыгожаннямі з бісеру. Умоўна можна разглядаць 2 разнавіднасці гэтага комплексу: архаічны, колішні, даўнейшы строй і больш позні яго варыянт, які сфарміраваўся ў 20–30-х гг. XX ст. і быў абумоўлены з’яўленнем крамных тканін.

Архаічны БС уключае ў сябе палатняную паліковую сарочку з характэрнымі вышытымі 8-канцовымі зоркамі на рукавах, вышывым падалом, які адкрываўся спераду з-пад чырвонага, тканага ў палоску, андарака, што насілі кубарам, падтыкаючы падол на жываце, а таксама фартушок, тканы пояс і шыйныя ўпрыгожання. У канцы XIX – пачатку XX ст. сюды далучаецца і безрукавае адзенне, якое ўжо шырока бытавала на тэрыторыі Беларусі і было «важнай часткай святочнага комплексу адзення, асабліва дзявочага касцюма і ўбрання маладых жанчын» [2, с. 7]. Традыцыйна замужнія жанчыны ў гэты час яшчэ насілі чапцы і наміткі, якія пазней замянілі на хусткі.

Больш позняя разнавіднасць БС характэрызуецца рэвалюцыйнымі зменамі ў арнаментыцы сарочак, фартухоў і выкарыстаннем крамных тканін. На змену старажытным геаметрычным арнаментам прыходзіць раслінны, што было звязана з шырокім бытаваннем так званых бракараўскіх узораў, якія з’явіліся дзякуючы прадукцыі парфумернай кампаніі «Брокер и Ко». На сарочках і фартуках усё часцей вышывалі курчавыя кветкавыя матывы і гронкі вінаграда.

Папулярнай на Брагіншчыне, як і ў суседніх Церахоўскім раёне Гомельскай вобласці, а таксама ў памежных Чарнобыльскім раёне Кіеўскай вобласці і Гарадніцкім і Чарнігаўскі раёнах Чарнігаўскай вобласці [2, с. 23] становіцца спадніца з нагруднікам, злучаная шырокім поясам, якія шылі з крамных баваўняных і віскозных тканін (сацін, штапель) і насілі з паркалёвымі сарочкамі [2, с. 23]. М. Віннікава дае падрабязнае апісанне крою гэтай адзежы: «Спадніца з нагруднікам вылучалася даволі складаным кроем і тэхналагічнымі асаблівасцямі пашыву. Пярэдня частка станіка рабілася на гэстцы, мела невялікі прамавугольны выраз і зашпільвалася пасярэдзіне на гузікі. Пазушны разрэз афармляўся планкай, шырыня якой адпавядала шырыні пояса. Нагрудная частка станіка збіралася фестончатай зборкай і нашывалася паверх гэсткі. Спінка станіка мела рэльефныя швы, якія імітавалі больш складаны крой. Адметным аздабленнем нагрудніка былі дробныя трохвугольныя зубчыкі з рознакаляровай тканіны, ушытыя па перыметры гарлавіны, і вузкія канты па краях пояса і пазушняй планкі. Спадніца па таліі (ззаду і з бакоў) збіралася ў дробныя складкі, на падол нашываліся каляровыя стужкі. У 1950-х гг. дзяўчаты і маладыя жанчыны насілі такую адзежыну з паркалёвымі блузкамі, што ўпрыгожваліся кампазіцыямі з паліхромных раслінных матываў, вышытых крыжыкам або гладзю. Пры гэтым пад спадніцу з нагруднікам надзявалі ніжнюю, больш доўгую палатняную спадніцу, падол якой быў аздоблены вышыўкай і карункамі. Спераду, згодна з даўняй традыцыяй, прыпіналі паркалёвы фартушок з вышыўкай» [2, с. 23].

Адметнай рысай БС з'яўляецца бісернае шыйнае ўпрыгожанне, якое мае назвы «кружка», «лавачка», «лучка». В. Пярмінава піша: «Кружкі ўяўлялі сабой арнаментальную стужку, плеченую з рознакаляровага бісеру, шырынёй каля 3 см, нашытую на такой жа шырыні тонкую тканіну. Для надання круглай формы вырабу ў тканіну ўшывалі палоску бяросты і тоўстай тканіны, магчыма, лямцу. Разнастайнымі былі варыянты арнаменту на кружках – у асноўным ромбавідныя і крыжападобныя элементы, аналагічныя арнаменту тканых і вышываных вырабаў. Бісерныя ўпрыгожанні часта былі шматколерныя, у іх гарманічна спалучаліся чырвоны, сіні, зялёны, жоўты, белы, чорны колеры; сустракаліся і чорна-белыя з рамбичным узорам» [3, с. 7].

Каштоўнымі ў гэтым рэчышчы бачацца дзённікавыя запісы М. Раманюка, зробленыя падчас этнаграфічных экспедыцый у Брагінскі і Хойніцкі раёны (1969, 1971, 1973 гг.), дзе аўтар фіксуе не толькі рэгіянальныя назвы бісерных упрыгожанняў, спосабы іх пляцення, але і апісвае іншыя жаночыя аздабленні: «У вёсцы Грушнае (Брагінскі раён) – «**пляцёнка**» («**пляцёначка**») – шыйнае ўпрыгожанне са штучнага бісера, які нанізвалі на нітку і нашывалі на латку або кару (луб). Таксама людзі назвалі «маніста», «каралі», «занізкі».

«Занізкі» насілі таксама і ў вёсцы Спярыжжа (Брагінскі раён). У адрозненне ад каралёў яны вырабляліся з пацер дробнага памеру, звязаных адразу ў тры-чатыры нізкі. Акрамя «занізак» насілі «каралі», медныя і срэбраныя персні, завушніцы купленыя. «Болей каралёў у гаюноў¹, мы бліжэй да мястэчка, да Брагіна, то меней чаплялі», – гавораць спярыжжы» [4, с. 27].

«У вёсцы Камарын (Брагінскі раён) занатаваны «лучка», «лавачка». «Лучка» – шыйнае ўпрыгожанне ў выглядзе ашыйніка-абручыка. Назва яго розная, у в. Калыбань – лучка, а ў г. Камарын – «**лавачка**», «намісто». Спачатку бісер нанізвалі на 10 нітачак і пляцеца, а пасля нашывалі на бяросту ці раменьчык шырынёй тры сантыметра. Носіцца разам з маністай» [4, с. 27].

«"Лавачка", як выплечены з бісера пасак, нашыты на чорную аксамітную стужку, таксама зафіксавана ў вёсцы Гдзень (Брагінскі раён). Гэта ўпрыгожанне тут сустракаецца ў наступным варыянце – «кружкі», з рознакаляровага бісеру, які нашывалі на бяросту ці цвёрдую паперу. У дзённіку пазначана: «кружкі» называлі ў Чыкалавічах, а на Украіне «**пляцёнка**» або «лучкі».

Прыведзеная інфармацыя дазваляе казаць аб існаванні разнастайных варыянтаў аднаго і таго ж віда ўпрыгожання, зафіксаванага пад адрознымі назвамі ў многіх рэгіёнах Брагінскага раёна. Знешне даволі падобныя вырабы адрозніваюцца паміж сабой спосабам выканання і спалучэннем колераў, арнамантам» [4, с. 34].

М. Раманюк абагульняе сабраную інфармацыю і вылучае наступныя тэхналагічныя прыёмы вырабу бісерных упрыгожанняў:

«1. Бісер нанізвалі на нітку, а затым нашывалі на латку або кару (луб); (**пляцёнка**).

2. Бісер нанізвалі на пэўную колькасць нітачак (10), спачатку іх спляталі паміж сабой, а пасля ўжо нашывалі на бяросту ці раменьчык шырынёй тры сантыметра; (лучка).

¹ Гаюнамі анзывалі жыхароў поўдня Брагінскага раёна, што жылі па гаях [4, с. 15].

3. Выплецены з бісера пасак нашывалі на менавіта чорную аксамітную стужку; (лавачка).

4. Рознакаляровы бісер нашывалі на бяроству або цвёрдую паперу (кружкі)» [4, с. 34].

У распаўсюджанні кружак на Брагіншчыне бачыцца ўплыў суседніх украінскіх традыцый. Падобныя бісерныя ўпрыгожанні сустракаюцца на Падоллі і Валыншчыне – «сілянкі», «плетінкі», «пупчыкі», «драбінкі», «галочки», «очки», у Галічыне – «гердани», «герди», якія часам мелі выгляд шырокага каўняра, што закрываў грудзі. Падобныя вырабы былі папулярныя і ў румынскай частцы Букавіны пад назвай «маржэле» (margele).

Як бачым, Брагінскі строй, нягледзячы на ўплывы памежных украінскіх земляў, захаваў сваю адметнасць і непаўторнасць сярод іншых комплексаў усходне-палескага рэгіёну і з’яўляецца адной з найважнейшых каштоўнасцяў матэрыяльнай культурнай спадчыны Брагіншчыны. Бісерныя ўпрыгожанні, як візітоўка гэтага краю, сёння могуць быць такімі ж папулярнымі, як і сучасныя жаночыя прыкрасы, а для майстроў-рамеснікаў – гэта яшчэ і адна з крыніц натхнення на стварэнне рэчаў з нацыянальным каларытам.

Крыніцы і літаратура:

1. Раманюк М. Беларускае народнае адзенне. – Мн., Беларусь, 1981.
2. Віннікава М.М. Гарсэт, кабат, шнуроўка: безрукаўка ў беларускім народным адзенні: практычны дапаможнік. – Мн., Медысонт, 2010.
3. Пярмінава В.У. Бісерапляценне ў беларускай традыцыі. – Мн., Медысонт, 2015.

Фота 1. Жаночы строй, в. Чыкалавічы Брагінскага р-на // Раманюк, М. Беларускаяе народнае адзенне: альбом. Мінск, 1981. Іл. 187.

Фота 2. Жаночы строй, в. Верхнія Жары Брагінскага р-на // Раманюк, М. Беларускаяе народнае адзенне: альбом. Мінск, 1981. Іл. 189.

Фота 3. Брагінскі строй. Аددзел старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі. Фота Ю. Літвінавай.

Фота 4. Брагінскі строй і кружка. Са збораў аددзела старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі.

Фота 5. Брагінскі строй. Са збору аадзела
старажытнабеларускай культуры Цэнтра даследаванняў
культуры, мовы і літаратуры НАН Беларусі.

Фота 6. Жаночы строй, г. Камарын. Фота М. Раманюка //
Пярмінава, В. Бісерапляценне ў беларускай традыцыі.
Мінск, 2015. С. 16

Фота 7. Пляцёнка, 1930-я гг., в. Хракавічы Брагінскага р-на. Фота М. Раманюка // Пярмінава, В. Бісерапляценне ў беларускай традыцыі. Мінск, 2015. С. 16

Фота 8. Рэканструкцыя кружкі з в. Гдзень Брагінскага р-на. Аўтар В. Пярмінава. Фота В. Пярмінавай

*Фота 9. Яўсеенка Кацярына Якаўлеўна. 1942 г., г. Камарын // Пярмінава, В.
Бісерпляценне ў беларускай традыцыі.
Мінск, 2015. С. 15*

Фота 10. Пляцёнкi В. Пярмінавай. Фота С. Клепікавай

Традиционные формы общения молодежи и брачное поведение жителей Восточного Полесья во второй половине XX века: опыт этнографического исследования

Мищенко Т., филиал Брянского государственного университета, Новозыбков, Россия

Современное состояние института семьи вызывает споры о кризисе моногамии и трансформации матримониального поведения. Междисциплинарные изыскания (лингвистические, этнографические, исторические, социологические) вносят свой вклад в изучение данной проблемы. Предлагаем вашему вниманию обзор исследования, посвященного традиционным любовно-брачным отношениям в Восточном Полесье (поддержанного Грантом РГНФ-БРФФИ № 15-24-01551 е(м)).

Историко-этнографическая область Полесье – особый регион, состоящий из отдельных географических зон, обладающих своей этнической спецификой, историей принадлежности к различным государственным образованиям.

Территория нашего исследования ограничена несколькими локусами Восточного Полесья. Часть из них расположена по течению рек Ипуть и Беседь (бассейн Сожа, российско-белорусское пограничье в пределах Брянской и Гомельской областей). Другая часть – район Орловско-Калужского Полесья – регион на границе Брянской, Калужской и Орловской областей, заключенный в треугольнике Жиздра-Болхов-Карачев, где проходит водораздел между Окой и Десной (Волжским и Днепровским бассейнами рек). Калужско-Орловское Полесье граничит с великорусским этническим регионом.

Цель проекта – исследование исторической памяти и современного состояния традиций регулирования любовно-брачных отношений демографических групп в локальных местных сообществах.

Достижение поставленной цели осуществлялось несколькими методами.

Во-первых, нами были изучены периодические издания и научные труды русских и белорусских ученых XIX–XXI вв. в области этнографии, фольклористики и лингвистики (в том числе гендерной).

Во-вторых, зафиксированы на фото- и видеоносителях материалы из Новозыбковского краеведческого музея. Подробно изучены фонды библиотек г. Ветка, г. Болхов и г. Жиздра, а также проанализированы и отобраны необходимые материалы в краеведческих музеях, музейных комнатах и домах культуры Болхова, Жиздры, Добруша, Ветки и Новозыбкова.

В результате выполнения полевого гранта были осуществлены экспедиционные выезды в 20 населенных пунктов, которые отбирались через установление контактов с муниципальными органами власти, работниками Домов культуры, краеведческих музеев. Осуществлялась «обратная связь» с фольклорными коллективами, руководителями сельских домов культуры, библиотекарями, которым были переданы систематизированные материалы полевых исследований (фото- и видеозаписи исполнительниц на дисках). Работники культуры на местах предоставляли для фото- и видеофиксации краеведческие издания, рукописные

альбомы по истории сел, предметы материальной культуры края, в том числе традиционный женский и мужской костюмы.

Демографическую группу респондентов составили женщины 1920–1948 г.р., жительницы сел и малых провинциальных городов, не имеющие высшего профессионального образования. Таким образом, молодость опрошенных пришлась на военные и послевоенные годы, до начала 1960-х гг. включительно, когда советские культурные учреждения в деревне окончательно вытеснили традиционные формы общения молодежи, а фольклорная составляющая обрядов была смешана или заменена советской песенной культурой и «новой обрядностью». Методом «глубинных интервью» от респонденток собраны различные виды информации: устные истории-мемораты о собственных пережитых или наблюдаемых практиках и нормах любовно-брачных отношений, рождественские «величальные» песни, тексты для «подблюдных» гаданий, свадебные обрядовые песни, хороводные, городские романсы, описания некоторых магических практик (гадания, «закликание Мороза», вождение Козы, Русалки).

Встречи молодежи в большинстве своем были связаны с календарным циклом народных праздников, среди которых наиболее отчетливо выделяются Святочный, Пасхальный и Троицкий циклы. Собрания молодежи имели различные наименования: посиделки (посиденки), вечера (вечорки), гуляния (гулянки, гульбища), банкеты, хватеры (квартиры). Ведущая роль в их организации принадлежала девушкам, которые вкладчину платили хозяйке, заботились о накрытом столе, керосиновом освещении и др. От Рождества до Крещения продолжались Коляды – наиболее шумная и многолюдная часть зимних гуляний. Запрета на Коляды не было даже у старообрядцев, но щедровать ходили только в полесских селах. Образование молодой пары мог символизировать обычай «вешать холостому парню/девушке колодку», описанный нами в ряде публикаций. Существовал определенный танцевальный этикет для парных танцев: нельзя отказать парню в приглашении, даже если он плохо танцует или не нравится девушке. Указывалось на возможность парня «наказать» девушку за гордость или грубость: ударить, оттолкнуть, не пускать на вечорки (игрища).

Традиционный обрядовый фольклор отражает и бинарность в восприятии пола. Так, в обряде колядования под окнами домов молодыми женщинами и девушками исполнялись песни, адресованные мужчинам и женщинам с учетом их половозрастных особенностей и социального статуса (ребенок, девица «на выданье», хозяин дома и т.д.). В поздравлениях для мальчика/парня прославлялись щедрость, смелость, бесшабашная удаль, девушка в таких щедравальных песнях могла быть представлена в качестве награды-пожелания. В «величальных» девичьих песнях подчеркиваются качества, соответствующие народным представлениям о женской добродетели: красота, скромность, трудолюбие. Хозяину, помимо богатства, желали умницу-жену.

Специфически «женским» элементом святочной обрядности выступают гадания. В обрядовом фольклоре исследуемых восточнополесских локусов участие молодых парней в святочном гадании сводилось лишь к подкарауливанию девушек, шуточной краже обуви. В процессе полевых исследований был выявлен единичный

случай участия парня в гаданиях, при этом смысл предсказания будущего сводился к определению судьбы девушки, связанной с парнем. К «мужской» части святочного обрядового комплекса опрошенные отнесли обряд «вождение козы», связанный с использованием антропоморфной маски козы, в которую рядили юношу. Женской практикой, связанной с сохранением урожая и благополучия в доме, являлся обряд приготовления кутьи и зазывания Мороза. В последующих праздничных циклах одно из центральных мест занимает игра «выбивание яиц» на второй день Пасхи. На территории Брянско-Гомельского пограничья (полесских и старообрядческих поселений) данная игра является по сути мужским праздничным собранием. В Жиздринско-Болховском полесском локусе в «выбивание яиц» на Пасху могли играть все, независимо от пола и возраста. В отличие от Брянско-Гомельского Полесья, в Жиздринско-Болховском нами не зафиксирован обычай святочного «вождения козы» парнями, однако все респонденты упоминали и описывали множество общих игр на лугу, на открытой местности, участниками которых были люди разного возраста и пола: лапта, битки, ляпалки, чижики, городки и др. Троицкий обряд, связанный с культом растительности, фиксировался в каждом из изучаемых нами локусов Восточного Полесья. В большинстве случаев респонденты переживали этот обряд как исполнение троицкой традиции, подчеркивали его эстетическую сторону. Однако нами были зафиксированы случаи деления растений на «женские» (береза, липа) и «мужские» (дуб, клен, вяз), причем последние наделялись магическими приворотными свойствами. Приворотными свойствами привлечения мужчины в дом, по мнению одной респондентки, обладает калина.

Свадебный обряд изученных локусов Восточного Полесья представляет собой целостную картину нравов и обычаев, смысл символики которых на современном этапе частично утрачен. Бытование практик «контроля тела» связано с пониманием перехода молодых людей в иное состояние в ходе исполнения свадебных торжеств. Главным субъектом инициации молодой пары оказывалась невеста, так как она, а не жених переживала наиболее глубокие перемены. Однако часть публичного «контроля тела» заключалась в проверке возможностей «молодого» к последующему деторождению, что диктовало обязательность «первой брачной ночи» молодых супругов. Доминантой свадебного действия является проверка невесты на «честность» («почестность», «честь»), что создается не только предметами-символами (акциональный аспект), но и словесными актами (пением, пословицами, поговорками). Заметим, что сакральный характер смысловой напряженности обрядового «контроля тела» характерен только для полесского локуса по течению реки Беседь, где граничат Ветковский район Гомельской области Беларуси и Красногорский район Брянской области России. Смысл обряда важен для респондентов, так как от «чести» невесты зависит физическое здоровье не только всей семьи мужа, но и всего его хозяйства. В противном случае преследуют неурожай, болезни и падеж скота, несчастья в семье. «Позорящие практики» для наказания «нечестной невесты» и ее матери также были актуальны в 1950 – начале 1960-х гг. для этого региона. Это разбивание домашней утвари, в частности глиняных горшков, надевание на голову невесты

хомута и вождения по двору, бросание дырявой корзины, толчение в ступе. Кроме того, «нечестную» невестку могли не пустить в дом с улицы, она должна была входить во двор с огорода. В остальных исследованных территориальных локусах Восточного Полесья об этих практиках говорили как о далеком прошлом. В иных случаях процесс урбанизации и модернизации общества оказал свое влияние на формирование границ приватности и интимности во взаимоотношениях между супругами. Так, респондентки, молодость которых пришлось на 1950-е гг., упоминали о добрачной близости с будущим мужем и отказе от публичной проверки «честности» невесты, причем отказать своим родственникам мог новобрачный. В старообрядческих поселениях ссылались на фактор воспитания и религиозной принадлежности как залог невинности невесты, сравнивая себя с полесскими сельскими девушками, но отрицали необходимость публичного «контроля тела». К явлениям эмансипации, проявившимся в середине XX в. в сельских поселениях и малых городах Восточного Полесья, отнесем и выявленные в устных историях-меморатах морально-ценностные установки на свободу выбора в браке, важность любви между будущими супругами.

Наши партнеры из Гомельского государственного университета имени Ф. Скорины вели работу по гранту в несколько этапов.

На первом этапе была раскрыта сущность лексических и фразеологических эвфемизмов, а также ритуальных (магических) оскорблений, которые употреблялись в фольклорных текстах, относящихся к свадебной обрядности, бытующих на территории Восточного Полесья. На втором этапе на материале народных песенных текстов, записанных на территории Ветковского района Гомельской области, исследовано отражение социальной регламентации поведения молодежи в сфере традиционных семейных ценностей. На заключительном этапе изучены фольклорные материалы, репрезентирующие свадебную обрядность Добрушского района Гомельской области.

В ходе экспедиционных исследований собран обширный фото-, видео- и аудиоматериал, на основе которого подготовлены и опубликованы семь научных статей в различных изданиях России, Украины, Беларуси, Германии, в том числе включенных в различные системы цитирования: НЭБ, РИНЦ (импакт-фактор 0.198), международный каталог периодических изданий Ulich'Periodicals Directory (издание Bowker, США), DOI. Результаты исследований докладывались на нескольких международных конференциях: «Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований» в филиале Брянского государственного университета имени академика И.Г. Петровского в г. Новозыбкове 15–16 октября 2015 г.; «Социокультурная среда российской провинции в прошлом и настоящем» в Елабужском институте Казанского федерального университета 19–20 ноября 2015 г. Для популяризации итогов исследования в местных СМИ опубликованы две статьи, составлена электронная версия справочника гендерно-маркированных концептов, отражающих особенности регулирования интимных взаимоотношений мужчин и женщин в фольклоре Восточного Полесья.

**МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ
ИСТОРИКО-КРАЕВЕДЧЕСКИХ ЧТЕНИЙ
«ДНЕПРОВСКИЙ ПАРОМ»
(8-9 АВГУСТА 2017 Г., Г. ЛОЕВ)**

СЕКЦИЯ

«СРЕДНЕЕ ПОДНЕПРОВЬЕ VII-XIII ВВ. РЕГИОНАЛЬНОЕ КРАЕВЕДЕНИЕ»

Моховский археологический комплекс: военизированное многофункциональное поселение эпохи Древней Руси

Макушников О.А., д.и.н., Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

Картина ранних этапов становления восточнославянской государственности в центре Восточной Европы будет неполной без рассмотрения материалов Моховского археологического комплекса, расположенного на правом берегу Днепра в 7 км к северу от современного Лоева у д. Мохов. Первые его исследования провел в 1890 г. профессор В.З. Завитневич. Он обследовал здесь свыше 600 курганов (крупнейший на территории Беларуси могильник эпохи Руси) и раскопал 26 насыпей. В 2003–2017 гг. изучение памятников Мохова продолжено экспедицией Гомельского государственного университета им. Ф. Скорины под руководством автора. Нами раскопаны 43 кургана и открыты участки крупного поселения. Расцвет раннесредневекового Мохова, возникшего на месте поселений каменного, бронзового и железного веков, середины – третьей четверти I тыс. н. э., приходится на вторую половину X – первую половину XI вв.

Разнообразие погребального обряда Моховского могильника (кремации, ингумации, различное положение тел умерших, использование камней в конструкциях погребальных сооружений и др.) и облик артефактов, сопровождающих захоронения, не характерны для местного древнерусского населения южной части Верхнего Поднепровья – радимичей и дреговичей, памятники которых отмечены в непосредственной близости от Мохова (могильники Абакумы в Лоевском р-не, Шарпиловка, Терюха и Студеная Гута в Гомельском районе и др.). В древнерусском Мохове проживало разноэтничное население, не связанное происхождением с местной средой. Большая часть умерших здесь погребена в соответствии с традициями, общими для восточного славянства. Но здесь похоронены полоцкие или смоленские кривичи (об этом говорят особенности обряда, серия находок этноопределяющих браслетообразных височных колец). Неславянские погребения связаны с латгалами или земгалами (погребение в женской накидке типа «виллайне»), пришельцами из финских районов Руси (погребения с меридиональной ориентировкой умерших), людьми, придерживавшимися северных, возможно, скандинавских традиций (некоторые типы украшений, принадлежностей костюма и элементы погребального обряда).

Моховские курганы говорят о высоком социальном и имущественном статусе значительной части погребенных. Это демонстрируют находки привозных стеклянных и металлических бус, подвеска из денария чешского короля Болеслава II, обломки сребреников великого киевского князя Владимира Святославича, остатки брактеата др. Мужские погребения Моховского могильника содержат

представительную серию предметов вооружения, воинского быта и снаряжения (наконечники копий, стрел, топоры, части наборных поясов, пряжки, остатки ритуальной деревянной чаши с металлическими деталями). Часть захоронений совершена в деревянных наземных камерных гробницах. Такие гробницы, как углубленные в грунт, так и наземные (то есть «склепы»), в науке признаны элементом дружинной культуры Руси X–XI вв.

К Моховским курганам примыкало обширное поселение. Оно было расположено на пойме правого берега Днепра, а также на мысовых площадках коренной террасы (высота 15–20 и более метров), занимало площадь не менее 25 га. Археологическими исследованиями последних лет открыты остатки глинобитного гончарного горна и углубленных в материк сооружений второй половины X–XI вв. Вещевой материал поселения представлен круговой керамикой, единичными обломками кирпича (плинфы), железной шпорой и др. Технологический анализ плинфы, обломков керамики, а также глины из обнажения на окраине Моховского комплекса показал их идентичный состав. В Мохове существовали производства не только керамической посуды, но и строительного кирпича – «плинфотворение». Остается нерешенным вопрос о том, куда поступала выжженная здесь плинфа: для строительства в ближайшие города или для создания кирпичных сооружений в самом Мохове?

Часть Моховского поселения являлась городищем, то есть крепостью (ур. Причелок или Дед-Курган). С напольной стороны Причелка прослеживаются остатки распаханых валообразных насыпей. На городище может указывать и народная этимология, и расположение части памятника на искусственно подрезанных в прошлом отрогах коренной днепровской террасы. Его площадь превышает 150x150–200 м. Раскопками отмечены признаки масштабных строительно-фортификационных работ древнерусского времени. Культурный слой городища содержит обломки круговой посуды, кости животных (кухонные остатки), обломки керамических сопел для производственных печей. Встречены железные заклепка корабельной оснастки, наконечники стрел, ножи и др.

Археологические исследования в Мохове показывают следующее. В эпоху становления Древнерусского государства недалеко от места впадения Сожа в Днепр у современного населенного пункта Мохов находилось одно из крупнейших в Верхнем Поднепровье поселений, имевшее сложносоставную структуру: укрепленную часть (городище), неукрепленные посады, сезонную промысловую зону и речную гавань. Большие размеры поселения, его сложная социально-топографическая структура заставляют предполагать в нем урбанизирующуюся структуру.

Раннесредневековый Мохов сопоставим с «открытыми торгово-ремесленными поселениями» Руси IX–XI вв. (Гнездовским у Смоленска, Шестовицким под Черниговом и др.). Его крупные размеры, иноэтничный (по отношению к местным дреговичам и радимичам) и разноэтничный состав населения, его социально-обособленный и вооруженный характер поселенцев, прочие характеристики позволяют предполагать, что здесь размещалось военизированное многофункциональное поселение. Инициаторами создания и гарантами его

жизнедеятельности выступали великие князья Руси. Первые захоронения в Мохове были совершены во времена Олега Вещего и Игоря Рюриковича. Поселение активно функционировало во времена Владимира Святославича и в период противостояния братьев Ярослава и Мстислава Владимировичей. В 1020-х гг. (когда произошло временное разделение Руси по Днепру) Мохов оказался во владениях Ярослава Мудрого.

Мохов находится почти в устье Сожа, на берегу озера, которое служило гаванью (ее следы были открыты раскопками 2015 г.). Главная причина возникновения здесь крупного военизированного поселения должна лежать в сферах военно-политической и социально-экономической. Если говорить о первой, то таковой выступала необходимость для государства подчинения радимичей и дреговичей. Одной из главных задач Мохова могло быть противостояние радимичам, сохранявшим свою автономию до Пищанской битвы 984 г. В стратегическом отношении Мохов (вместе с Лоевом) как бы «запирал» главную водную артерию радимичей (Сож). Он мог являться очагом государственной экспансии в северном и северо-восточном направлениях. Мохов был крупным военным лагерем на днепровском отрезке пути «Большого полюдья». Он поэтапно создавался и укреплялся великими князьями в период «собираения» и консолидации восточнославянских земель. Понятно присутствие в Мохове воинов-кривичей (с семьями), прочих выходцев из иных территорий. Именно они, не связанные с местной этнической средой (особенно с тогдашней здешней аристократией), выступали важным инструментом подчинения аборигенного населения. Родина оказавшихся в Мохове воинов-кривичей – Смоленщина или Полотчина. Полочане могли быть наняты или выведены («нарублены») в Мохов Владимиром Святославичем после разгрома княжества Рогволода в начале 980-х гг. Именно в конце X – первых десятилетиях XI вв. в Мохове начинают распространяться кривичские височные кольца. Обряд захоронения и инвентарь многих погребений Мохова аналогичны кривичским курганам летописного Изяславля (Заславля под Минском). Следует заметить, что кривичи присутствовали в Мохове и еще ранее.

По мере ликвидации автономии, «окняжения», христианизации радимичских и восточно-дреговичских земель, возрастания роли княжеских городов (Гомия, Речицы и др.) – значение Мохова падает. Ранний Мохов выполнил свою историческую задачу по присоединению «племенных» регионов к Руси. В конце XI – XII вв. он превращается в одно из рядовых селений, а его прежние функции окончательно переходят к Лоеву (впрочем, по мнению автора, на определенном историческом этапе Мохов и Лоев были своеобразными спутниками – частями единого городского образования).

Гончарная посуда в курганах конца X–XI веков в урочище Грегорово Поле возле Лоева. Археологический контекст находок

Линденков Д.Н., Гомельский дворцово-парковый ансамбль, Гомель, Беларусь

Среди огромного разнообразия погребального инвентаря керамика занимает не последнее место. В курганах восточных славян глиняная посуда встречается

довольно часто. Лепная и круговая керамика отмечена в курганах дреговичей [1, с. 22, рис. 1], радимичей [2, с. 41], полоцких кривичей [3, с. 28, табл. 2; с. 51, 73], в курганах раннесредневекового населения Белорусского Побужья [4, с. 47] и на многих других территориях.

Комплекс археологических памятников в ур. Грегорово Поле расположен на самом юге Белорусского Поднепровья недалеко от г.п. Лоев. Он состоит из курганного могильника и поселения. Первые исследования курганов в ур. Грегорово Поле были проведены В.З. Завитневичем в конце XIX в. Он раскопал 15 насыпей из 70 [5, с. 12–13].

В 2014 г. раскопки могильника продолжены автором. Было изучено два кургана [6]. Курган 1 содержал два синхронных погребения по обряду труположения на уровне горизонта головами на запад. Погребение 1 принадлежит взрослому человеку, остатки погребения 2 – ребенку или подростку. В ногах погребения 2 аккуратно уложены кости животных со следами разделки. Среди инвентаря отмечен железный нож и бронзовая пряжка. В кургане 2 погребение не обнаружено. В двух курганах в разных стратиграфических и планиграфических условиях отмечены находки круговой керамики (рис. 1).

Во всех секторах кургана 1 на уровне горизонта встречались обломки круговой керамики. В северо-западном секторе в 2 м западнее нуля на гл. -0,59-0,64 м зафиксировано компактное скопление керамики 1. В области пояса-груди погребенного на гл. -0,59-0,60 м отмечено компактное скопление керамики 2, относящееся к XI в. Под костяком погребения 1 обнаружено несколько фрагментов стенок круговой посуды. Большинство найденных на уровне горизонта фрагментов керамики (скопления 1 и 2, отдельные фрагменты) принадлежат одному большому разбитому круговому горшку XI в. (рис. 2: 3). Его диаметр по венчику составляет 30 см, диаметр дна – 15 см. При таких параметрах высота сосуда должна составлять не менее 25 см. В верхнем заполнении ровика в юго-западном секторе также отмечено несколько обломков стенок круговых сосудов. Анализ расположения керамики и ее фактического состояния (два скопления обломков одного горшка) указывает на то, что сосуд был разбит в процессе подготовки погребальной площадки и за ее пределами (количество фрагментов не полное). Керамика в данном случае является частью погребального обряда, а не частью погребального инвентаря, который обнаружен непосредственно при погребениях.

В кургане 2 керамика отмечена в юго-восточном секторе на гл. -0,20-0,25 м. Это несколько фрагментов венчиков кругового горшка XI в. (рис. 2: 2). В центре кургана в 0,2 м южнее условного нуля в насыпи расчищен развал кругового горшка (рис. 2: 1). Горшок был установлен в обычном положении (дном вниз) в верхней части насыпи на гл. -0,14-0,22 м и в дальнейшем раздавлен грунтом. Его диаметр по венчику составляет 11 см, по дну – 7 см, высота – 13,5 см. Еще несколько фрагментов стенок обнаружено при зачистке основания горизонта в юго-восточном секторе на гл. -0,45 м. Горшок и фрагмент венчика попали в курган в процессе возведения насыпи.

В литературе сложилось довольно устойчивое мнение о том, что керамика в курганах является не только сопровождающим инвентарем, но и частью

погребального обряда [7, с. 87]. Ее наличие и расположение или же отсутствие в структуре погребальной насыпи может быть косвенным хронологическим индикатором. Такие наблюдения сделаны В.В. Енуковым при анализе хронологии Липинских курганов (Курская обл.) в Посеймье [8, с. 42]. Сюда же можно добавить и разное функциональное назначение самой керамики в обрядах разного типа [9, с. 265 – 266]. Данная ситуация отмечена и в курганах Мохова, которые расположены в 3 км от памятников в ур. Грегорово Поле. В Мохове выделено несколько основных вариантов в характере использования керамики. Это сосуды-урны, горшки с ритуальной пищей при погребениях и сосуды, которые участвовали в поминальном обряде [10, с. 128]. Последние, как правило, характерны для курганов с обрядом ингумации на горизонте или зольно-угольном горизонте. На землях Гомельского Поднепровья данная разновидность обряда в целом характерна для XI в.

Источники и литература:

1. Лысенко П.Ф. Дреговичи / Под ред. В.В. Седова. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 244 с.
2. Богомольников В.В. Радимичи (по материалам курганов X–XII вв.) / Под ред. О.А. Макушниковой. – Гомель: Изд-во ГГУ им. Ф. Скорины, 2004. – 226 с.
3. Штыхаў Г.В. Крывічы: па матэрыялах раскопак курганоў у Паўночнай Беларусі / Пад рэд. М.А. Ткачова. – Мн.: Навука і тэхніка, 1992. – 191 с.: іл.
4. Коробушкина Т.Н. Курганы Белорусского Побужья X–XIII вв. / Под ред. Э.М. Загорульского. – Мн.: Навука і тэхніка, 1993. – 133 с.: іл.
5. Завитневич В.З. Вторая археологическая экскурсия в Припятское Полесье // Чтения в историческом обществе Нестора-летописца. – Киев, 1892. – Кн. VI. – С. 11–74.
6. Линденков Д.Н. Некоторые итоги исследований средневековых памятников на Гомельщине в 2014 году // Матэрыялы па археалогіі Беларусі. – Мн.: Беларуская навука, 2016. – Вып. 27. Вынікі даследаванняў першабытных і сярэдневековых старажытнасцей Беларусі ў 2013–2014 гадах. – С. 265–273.
7. Бліфельд Д.І. Давньоруські пам'яткі Шестовіці / Відп. ред. В.Й. Довженок. – Київ: Наукова думка, 1977. – 236 с.: ил.
8. Енуков В.В. Липинские курганы в контексте вопроса о «роменских ингумациях» // Славяно-русские древности Днепропетровского Левобережья: матер. конф., посвященной 75-летию со дня рождения К.Ф. Сокола / Под ред. В.В. Енукова. – Курск: Курск, гос. ун-т, 2008. – С. 39–69.
9. Кадиева Е.К. Круговая керамика из курганов Ярославского Поволжья X – XII вв. и ее использование в погребальном обряде // Сообщения Ростовского музея / Государственный музей-заповедник «Ростовский кремль». – Ростов, 2000. – Вып. X. – С. 257–267.
10. Линденков Д.Н. Керамика в погребальном обряде Моховского могильника X–XI вв. на юго-востоке Беларуси // Новые материалы и методы археологического исследования: Материалы II Международной конференции молодых ученых. – М.: ИА РАН, 2013. – С. 127–129.

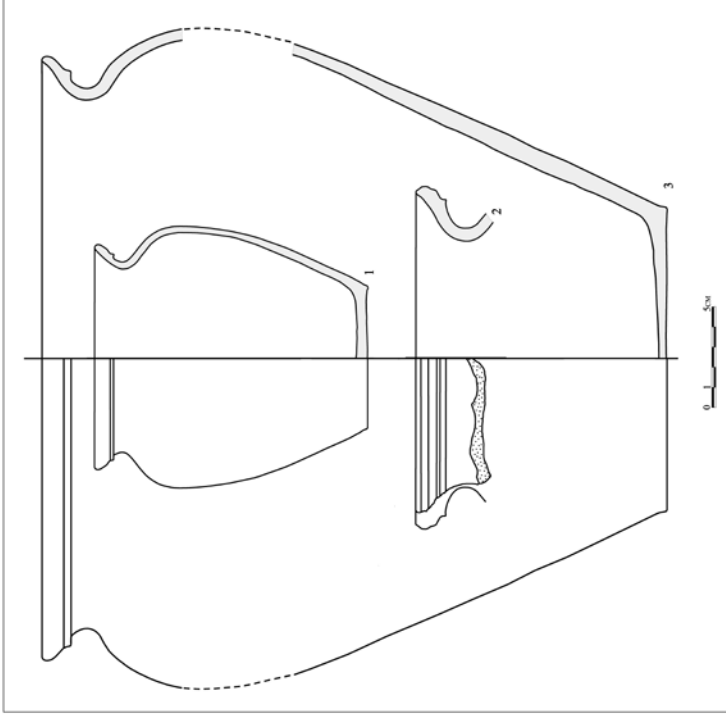

Рис. 2. Керамика из курганов в ур. Грегорово Поле.
1-2 – курган 2; 3 – курган 1

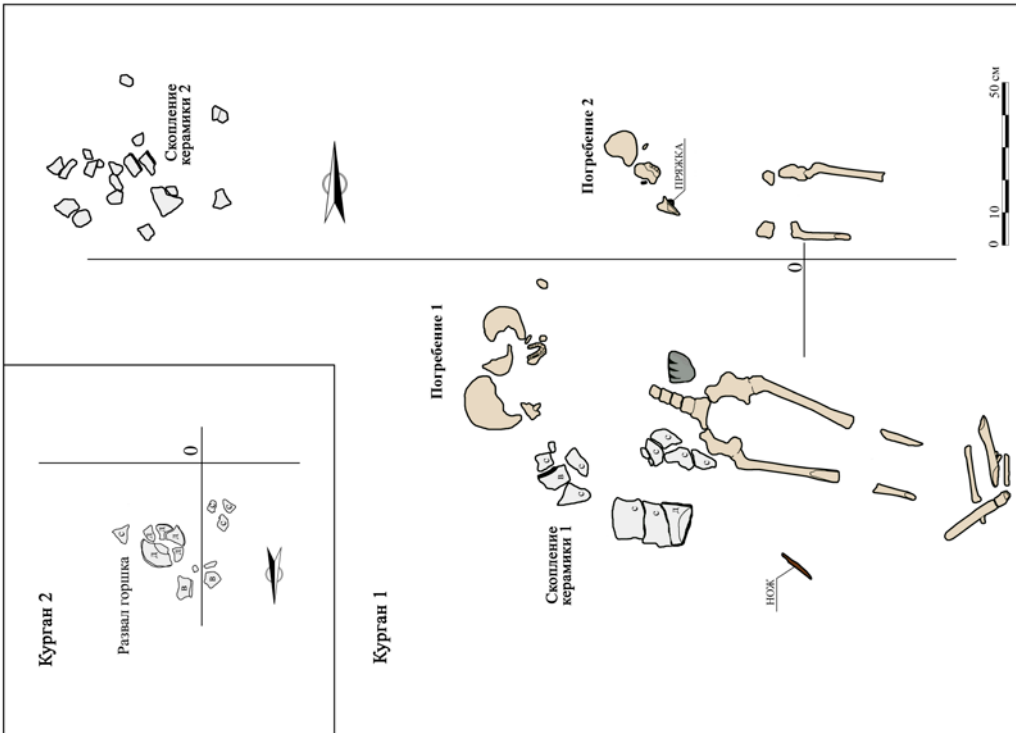

Рис. 1. Расположение керамики в курганах

Развитие епархиальной структуры на Руси в XI веке

Хотеев А.С., Минская духовная семинария, Минск, Беларусь

Поставленный для рассмотрения вопрос представляет интерес в нескольких отношениях. Во-первых, развитие епархиальной структуры Русской митрополии в начальный период ее истории имеет связь с Крещением Руси и поэтому ведет к изучению обстоятельств этого события, довольно скудно освещенного в письменных источниках. Во-вторых, можно проследить зависимость церковной организации от территориально-государственной структуры Древней Руси. И наконец, в-третьих, из далекой исторической перспективы можно посмотреть на увеличение числа епископских кафедр в Русской Церкви, число которых в настоящее время достигло 301.

В самом деле, уже в Никоновской летописи учреждение первых епархий представляется как спланированный, почти единовременный акт. Согласно ее записи, у первого митр. Михаила были шесть епископов от «Фотия патриарха», с которыми он совершал свои миссионерские путешествия, а затем князь Владимир разделил Русскую землю между двенадцатью сыновьями и «во всех княжениях соборные церкви епископам сотвори», второй митр. Леонт в 992 г. поставил епископов в Новгород, Чернигов, Ростов, Владимир, Белгород «и по иным многим градом» [7, с. 64–65]. Степенная книга прямо связывает разделение Руси при Владимире с учреждением епархий: «Задумал блаженный Владимир обсудить благой замысел с отцом своим, преосвященным митрополитом всея Руси Леонтием, чтоб разделить ему всю землю Русской его державы в наследие сыновьям своим и учредить в городах епископов в довершение благочестия. <...> И повелел обо всем им с епископами советоваться: как язычников в благочестивую веру обращать, и как капища идольские разорять, и как всяческое нечестие истреблять, и как церкви Божии воздвигать, и как самим им от всякой нечистоты и от всякого обмана и неправды удаляться» [11, с. 113–114]. Такое представление о начале епархиальной структуры на Руси было воспринято церковной историографией и стало традиционным [4, с. 22; 2, с. 37; 3, с. 182–183]. Сравнение с устройством греческой Церкви даже навело акад. Е.Е. Голубинского на следующее рассуждение: «Если бы поставить своей задачей сделать епископов так же близкими во всяком смысле к их паствам, как это было в Греции, нужно было бы учредить епископий ни как не менее ста два», но поскольку каждого епископа нужно было достойно содержать, «громчайшая Россия по необходимости имела быть разделена на такое малое количество епархий, что каждая наша епархия равнялась десяткам двум-трем епархий греческих» [1, с. 332–334]. Отсюда следует вывод, что иное епархиальное деление привело к иному по сравнению с Грецией характеру церковного управления, то есть более авторитарному.

Однако отмеченная схема скорее соответствует представлению о том, как «должно было быть» или «как могло быть», но остается открытым вопрос о том, как же все было ближе к действительности. Ведь любые намерения по необходимости увязываются с реальными возможностями и имеющимися обстоятельствами.

В самом деле, с большей или меньшей степенью последовательности поименованные русские епископы появляются в летописях с 70–90-х гг. XI в. Исключение составляют списки митрополитов Киевских и епископов (а затем архиепископов) Новгородских [6, с. 473]. Именно в это время фигурируют названные под 992 г. Никоновской летописью епископы Неофит Черниговский, Стефан Владимирский и Никита Белгородский [13, с. 207, 210, 211]. Возможным объяснением такого переноса по дате имен названных епископов служит то, что они были записаны в церковные помянники (синодики), что велось при кафедрах и монастырях, без указания лет правления. Поскольку в XVI в. стала доминировать схема единовременного учреждения большинства русских кафедр при митр. Леонте, имена первых епископов, указанных в поминальных списках, были увязаны с хиротониями под 992 г.

При рассмотрении вопроса о развитии епархиальной структуры в Древней Руси следует принять несколько исходных положений: что Русская митрополия была образована в 996–997 гг., как утверждает Я.Н. Щапов на основании перечня греческих митрополий [13, с. 28]; что и в Древней Руси действовало правило производить церковное деление согласно делению гражданскому (38 пр. Трулльского собора); что неизменным оставалось правило поставлять нового епископа двум или трем епископам (1 Апостольское пр.). Отсюда следует, что раз Русская Церковь была устроена на началах особой митрополии, она должна была изначально состоять из трех-четырех епархий. К концу XI в. на Руси становятся известными 8 епархий: Киевская (митрополичья), Новгородская, Белгородская, Владимирская (на Волыни), Переяславская, Черниговская, Ростовская, Юрьевская. Если к ним прибавить еще Полоцкую и Туровскую, основанные, вероятно, также в изучаемый период, то получится 10 епархий (оставим в стороне вопрос о статусе епархии Тмутараканской).

Согласно канонам, рукоположение каждого епископа в своей митрополии совершает митрополит (28 пр. IV Вселенского Собора). В свою очередь, посвящение или назначение каждого нового главы Русской митрополии совершалось в Константинополе после получения известия о кончине прежнего митрополита. По дальности расстояния перемена занимала по меньшей мере один год [13, с. 191]. Это порой приводило к задержкам в посвящении русских епископов. В частности, после смерти еп. Новгородского Иоакима Корсунянина в 1030 г. в качестве преемника намечался его ученик Ефрем, но поскольку в это время умер и митр. Киевский Иоанн I, поставление затянулось, и Ефрем так и не принял посвящения: в 1035 г. в Новгород митр. Феопемптом был поставлен Лука Жидята [9, с. 136]. Еще одним обстоятельством, влияющим на епископские хиротонии в Киеве, были княжеские усобицы вокруг этого стольного города: 1015–1018 гг., 1024 г., 1068–1069 гг., 1073 г., 1076 г. Так, во время борьбы между Ярославичами, при митр. Георгии (1055 – 1077), русские епископы собирались, видимо, не часто. Известно, что они были вместе в 1072 г. ради прославления свв. Бориса и Глеба [8, с. 78].

Для изучения структуры епархиального деления важно рассмотреть вопрос о государственном делении Древней Руси. В настоящее время считается принятым, что Русская земля до XII в. не знала уделов или вотчин (за исключением Полоцкой

земли, которая стала уделом потомков Изяслава Владимировича). Основой административного деления была система наместничеств, которые учреждал киевский князь. В тексте первого договора с греками 907 г. такими центрами управления отмечены Киев, Чернигов, Переяславль, Полоцк, Ростов, Любеч и неназванные другие города, в которых сидели «великие князья», подчиненные киевскому князю [8, с. 17]. Князь Владимир в 988 г. роздал своим сыновьям города Новгород, Полоцк, Туров, Ростов, Владимир (Волынский), Муром, Овруч (в земле древлян), Тмутаракань [8, с. 54]. Князь Ярослав распределил между своими сыновьями Киев (вместе с Новгородом), Чернигов, Переяславль, Владимир (Волынский) и Смоленск [8, с. 70]. Сходство и различия при распределении городов объясняются факторами как объективными (величина города и его области, богатство), так и субъективными (воля великого князя). Очевидно, что единой и неизменной картины государственного деления Русской земли в XI в. не существовало. Следовательно, и епархиальное деление Русской митрополии имело в рассматриваемый период изменяющийся характер. Можно утверждать постоянное нахождение архиерейских кафедр в Киеве и Новгороде, что же касается других городов, то необходимо учитывать перемены административного управления при каждом переделе великокняжеского наследства. Епархия, получившая начало при одних обстоятельствах, могла недолго существовать при других. Ситуация стабилизировалась естественным образом с развитием удельной системы в XII в., когда для каждого амбициозного князя иметь в своем городе епископскую кафедру стало делом престижа.

Примечателен факт существования в 70–80-х гг. XI в. кроме Русской еще двух митрополий (титулярных?) в Чернигове и Переяславле. Это связывается с установлением т.н. «триумвирата» Ярославичей, а именно с укреплением взаимного паритета трех соправителей [5, с. 102–103; 13, с. 60]. Однако подобное объяснение представляется не убедительным. Весьма спорно, что их областни-княжения были равными [12, с. 45]. Кроме того, идея совместного действия Изяслава, Святослава и Всеволода предполагает церковное единство, а разделение Русской Церкви на митрополии становится зримым знаком обособления. Думается, что учреждение новых митрополий в Чернигове и Переяславле обусловлено не столько внутривластными обстоятельствами, сколько церковными: то была попытка развить епархиальную структуру по греческому образцу основанием нескольких митрополий. Вероятно, эта идея вынашивалась еще Ярославом, который не только умножал церкви, но и инициировал самостоятельное посвящение митр. Илариона, а также строительство соборов в честь Св. Софии в Киеве лично и в Новгороде вместе с сыном Владимиром. По всей видимости, та же киевская артель зодчих принимала участие и в возведении Софийского собора в Полоцке [10, с. 31 – 32]. Строительство таких крупных и величественных храмов предполагает их особые функции как кафедральных соборов. Софийский храм в Киеве задумывался как митрополичий [8, с. 66], думается, что и другие две Софии имели то же назначение.

Наконец, следует сказать несколько слов об учреждении самих русских епархий в XI в. Отрывочность и скудость летописных известий о начале русской иерархии позволяет говорить об этом только с большей или меньшей степенью вероятности.

Исходя из того, что для организации правильного порядка замещения епископских кафедр необходимо наличие двух-трех архиереев, начальное количество епархий на Руси было не меньше трех-четырёх. Киев и Новгород, естественно, были в числе первых кафедральных городов. Что же касается других городов, то здесь можно строить только предположения. По причине удаленности Новгорода у митрополита должен был быть ближайший помощник. Таковым стал епископ Белгородский (в настоящее время это с. Белгородка в 13 км юго-западнее Киева). В первой половине XI в. вероятно образование епархий в Чернигове, Переяславле, Полоцке и Турове. Во второй половине XI в. были учреждены Владимиро-Волынская, Ростовская и Юрьевская епархии. Такое распределение епархий по времени их основания делается по принципу, что образование епархии не должно намного отстоять от времени первого упоминания своего епископа [13, с. 207–213].

Подводя итог отмеченным наблюдениям, хочется высказать сомнение в обоснованности традиционного для церковной историографии взгляда на планомерное учреждение большинства епархий Русской митрополии при св. князе Владимире. Предпочтительнее выглядит взгляд на это дело как на растянувшийся во времени процесс. Постепенным наращиванием числа епархий можно объяснить, в частности, появление трех митрополий на Руси в период правления старших Ярославичей. Кроме того, изменчивость административной структуры Древнерусского государства, усобицы, перерывы между служениями митрополитов, вызванные кончиной одного и назначением другого, затрудняли развитие епархиальной структуры митрополии на Руси в XI в. Становление системы удельных княжений в последующие века способствовало закреплению епархиальных кафедр в удельных городах, но при этом и для самих русских митрополитов, и для константинопольских патриархов стало характерным стремление сохранить единство Русской (Киевской) митрополии.

Источники и литература:

1. Голубинский Е.Е. История Русской Церкви. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 1997. – Т. 1. Ч. 1. – 968 с.
2. Доброклонский А.П. Руководство по истории Русской Церкви. – М.: Издательство Крутицкого подворья, 2009. – 936 с.
3. Карташев А.В. Очерки по истории Русской Церкви. – М.: Терра, 1993. – Т. 1. – 687 с.
4. Макарий (Булгаков), митр. История Русской Церкви. Кн. 2. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1995. – 704 с.
5. Назаренко А.В. Митрополии Ярославичей во второй половине XI века // Древняя Русь: вопросы медиевистики. – 2007. – № 1. – С. 85–103.
6. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. – М.: АН СССР, 1950. – 561 с.
7. Никоновская летопись // Полное собрание русских летописей в 43 томах. – Т. 9. – СПб., 1862. – 256 с.
8. Повесть временных лет / Подгот. текста Д.С. Лихачева. – СПб.: Наука, 1996. – 669 с.

9. Псковские и Софийские летописи // Полное собрание русских летописей в 43 томах. – Т. 5. – СПб., 1851. – 277 с.
10. Раппопорт П.А. Зодчество Древней Руси. – М.: Наука, 1986. – 160 с.
11. Степенная книга // Полное собрание русских летописей в 43 томах. – Т. 21. – Ч. 1. – СПб., 1908. – 342 с.
12. Цукерман К. Дуумвираты Ярославичей: к вопросу о митрополиях Чернигова и Переяславля // Дньєслово. Збірка праць на пошану дійсного члена Національної академії наук України Петра Петровича Толочка з нагоди його 70-річчя. – К.: Корвінпрес, 2008. – С. 40–50.
13. Шапов Я.Н. Государство и Церковь Древней Руси X–XIII веков. – М.: Наука, 1989. – 232 с.

Краеведческая деятельность библиотек Лоевского района

Курдесова Н.В., Уборковская сельская библиотека, филиал Лоевской центральной районной библиотеки, Лоев, Беларусь

Государственное учреждение культуры «Лоевская центральная районная библиотека» состоит из 14 библиотек: Лоевская центральная районная библиотека и 13 сельских библиотек. Краеведение сегодня по праву считается одним из основных направлений в работе библиотек.

Основа всей краеведческой деятельности библиотек – краеведческий фонд, который используется читателями и сотрудниками библиотек для удовлетворения краеведческих запросов читателей, для выявления необходимых материалов, при подготовке и составлении изданий краеведческого содержания, для организации мероприятий краеведческого характера.

Библиотеки ведут краеведческие картотеки, которые отражают материалы о своем крае, документах, которые находятся в краеведческом фонде. Своеобразным дополнением к фонду краеведческих документов являются тематические папки-накопители: «Памятники истории и культуры Лоевского района», «Улицы Лоева», «Наши знаменитые земляки», «История названий деревень», «Народные мастера и умельцы – наши земляки», «Фольклор. Фольклорная поэзия» и др.

Библиотеки района в 2014–2016 гг. работали в рамках районной целевой краеведческой программы «Возвращение к истокам», целью которой было объединение всей библиотечной краеведческой деятельности в г.п. Лоеве и районе. В рамках программы были проведены районные конкурсы: фотоконкурс «В объективе – Лоевщина», «Из глубин в современность: историко-культурная деятельность библиотек».

Все чаще библиотеки для проведения массовых мероприятий сами создают электронные презентации, считая их одним из наиболее эффективных и зрелищных способов представления информации. Электронные презентации «Памятники архитектуры Лоевского района», «Чем и кем славен наш город?» востребованы в работе библиотеки, проведении мероприятий.

Стало доброй традицией проведение в библиотеках фольклорных праздников, которые рассчитаны на читателей разных возрастных групп. В библиотеках района

на протяжении многих лет ведутся альбомы «Летопись села», где отражены основные вехи его истории. Здесь записаны воспоминания местных жителей старшего поколения о событиях, свидетелями которых они были. История каждого населенного пункта на территории нашего района является по-своему уникальной и представляет интерес для изучения.

Изучая историю своего района, своего села, библиотекари, наряду с письменными документами, начали собирать (и в эту работу включились читатели библиотеки) предметы материальной культуры. Это материалы этнографического, исторического, декоративно-прикладного характера своей территории, а именно: старинные предметы обихода, уникальные народные костюмы, вышивки, украшения и т.д.

Примером такого подхода в организации краеведческой деятельности можно назвать создание этнографических и краеведческих уголков при сельских библиотеках, когда наряду с книгой формирование и раскрытие предметно-иллюстративного материала становится единым. Этнографический уголок придает библиотеке некую индивидуальность. В Малиновской сельской библиотеке оформлен этнографический уголок «Святлица», где представлено 99 экспонатов. В Севковской сельской библиотеке оформлен краеведческий уголок «Наша святлица», представлено 50 экспонатов.

Работу в области изучения края, сохранения культурных традиций своего района ведут все сельские библиотеки. Подробнее остановлюсь на опыте работы в содействии возрождению и сохранению исторического, культурного и литературного наследия на примере своей библиотеки.

Услугами Уборковской сельской библиотеки пользуются 400 читателей. Информационный ресурс библиотеки составляет 13 396 экземпляров отраслевой и художественной литературы. Краеведение всегда было и остается одним из приоритетных направлений в работе Уборковской библиотеки. Все это прежде всего нашло отражение в оформлении библиотеки. Здесь присутствует деревенский колорит, национальный дух, просматривается связь прошлого и настоящего.

Библиотека предлагает ряд нестандартных, неординарных мероприятий. Как пример – мероприятие «уличного» формата «А к нам буслик прилетел!». В последнее время в нашей деревне появилось много гнезд с аистами (бусянок). Дети с интересом слушают рассказы библиотекарей о приметах и поверьях, связанных с аистами. Путешествие по улицам, где находятся гнезда аистов, фотосессия, народная игра «Буслик», подготовка экологических буклетов, изготовление фигурок птиц в технике оригами – все это несет огромный познавательный потенциал, помогает в приобретении краеведческих знаний.

Библиотеки способны не только хранить и распространять накопленные знания, но и содействовать их развитию, создавать первичные документы. Летописная работа стала своеобразным «оберегом» для библиотек. Историю жизни сел, хозяйств, библиотек библиотекари дополняют многочисленными наглядными материалами: фотоальбомами, ксерокопиями архивных документов, памятниками устного народного творчества, картотеками.

В библиотеке оформлен альбом «История деревни Уборок», в котором собран материал от основания деревни и до наших дней. Материал основан на воспоминаниях старожилов, сведениях из Гомельского государственного архива. Современные компьютерные технологии предоставляют широкие возможности для сохранения и популяризации летописного материала. Летопись переведена в электронный формат.

В краеведческой деятельности библиотеки важно все, а особенно регулярная каждодневная работа с населением, ведь ценные сведения можно почерпнуть каждый день. При обслуживании пенсионеров на дому прошу их рассказать о том, что им помнится, поделиться фотографиями прошлых лет. Так возникла идея оформления книги «Земляки», материал для которой постоянно пополняется. В процессе этого поиска удалось найти фотографию Героя Социалистического Труда Боброва Сергея Гавриловича, директора колхоза имени Ленина.

Появились в краеведческом архиве библиотеки сведения и о другом Герое Социалистического Труда, уроженце деревни Уборок, Железняке Викторе Игнатовиче, с ним удалось наладить переписку. Совсем недавно нашлось фото Барановой Нины Васильевны, Заслуженного учителя Беларуси, уроженки нашей деревни, которая преподавала в Уборковской школе белорусский язык и литературу. Так возвращаются из небытия имена, без которых была бы не полной историческая летопись нашего села. Но живут среди нас и простые сельские труженики, которые добросовестно трудятся на благо своей малой родины, многие из них имеют ордена и медали. Так, в библиотеке собран материал о тружениках сельского хозяйства, об истории развития совхоза имени Ленина (сегодня это КСУП «Урожайный»), оформлена «Книга Народной Славы» куда вошли фотографии передовиков хозяйства с рассказами об трудовом и жизненном пути каждого из них.

Великая Отечественная война не обошла стороной и нашу деревню. Сегодняшние поколения знают об этом только из фильмов и рассказов ветеранов. Пользуется популярностью альбом «Минувших лет святая память». В этом альбоме собран материал из истории Великой Отечественной войны деревни Уборок, о Героях Советского Союза, похороненных на братском захоронении, участниках партизанского движения, уроженцах деревни Уборок, материал об истории памятника в колхозном саду, где захоронены семьи партизан, о партизанском отряде «За Родину», действовавшем на территории Лоевского района.

«Летопись Уборковской сельской библиотеки» последовательно фиксирует события от истоков до наших дней. Она включает в себя сведения с начала организации избы-читальни в 1919 г. и до современного периода, отражает все направления работы, статистические данные.

Оформлен «Музей на столе», где представлены этнографические материалы из жизни наших предков, путешествие по околицам деревни Уборок с рассказом о названиях улиц, материалы эколого-краеведческих встреч.

Знакомство детей с обычаями наших предков воспринимается более действенно, когда они сами принимают участие в подготовке праздников, окунаются в атмосферу игры, находят для себя много поучительного. Библиотека ведет работу

с подрастающим поколением по возрождению фольклорных и национальных традиций наших предков. Так, во время работы фольклорного клуба «Свята» были восстановлены и показаны обряды наших предков «Калядная зорка», «Гуканне вясны», «Камаедзіца», «Свята першай разоры», «Свята Вялікзень», «На Купалу ночка мала», «Масленіца», «Юраўскі карагод», «Ідуць жнеі зажнынаць» (Зажынкi), «Спас – усяму рабочы час», «Дзе пабачу талаку, туды ногі валаку» (Дажынкi).

Иногда в поисковой краеведческой работе библиотеки встречаются драгоценные жемчужины. Так, недавно разыскали воспоминания Казимира Никиты Андреевича, жителя деревни Уборок, семья которого переселилась в эту местность еще до войны. Из таких маленьких находок складывается большая история деревни Уборок.

Хочется отметить работу библиотеки по литературному краеведению. С 1998 г. в библиотеке работает литературная гостиная «Верас», одной из целей которой является сбор, оформление, пропаганда литературных материалов, написанных жителями деревни Уборок.

Постоянно действует открытая полка «Літаратурная гасціная «Верас» запрашае», где собран материал о поэтах и писателях нашей местности. Есть много талантливых читателей библиотеки, которые пишут стихи, – они собраны в папку «Мае першыя радкі». Юная поэтесса литературной гостиной Татьяна Швед стала участницей международного конкурса «Поющая строка», и заняла 2-е место со стихотворениями «Молитва», «Тем, кого с нами нет». Ее стихи помещены в книге «Наперакор. На радасць. На ўспамін...».

Весь собранный краеведческий материал в библиотеке размещен в открытом доступе на выставках «Веска Уборак і яе жыхары ў люстэрку часу» (где представлены фотографии наших земляков, в разное время проживавших и работавших в организациях нашей деревни), «Іх лёс з нашай вескай спалучаны» (материал о наших славных земляках), «Веска мая, я часцінка твая» (о современной жизни деревни), «Як жывеш, Лоеўшчына?» (эколога-краеведческая деятельность Лоевщины), «Беларускі рушнік» (эта экспозиция несколько раз выставлялась на обозрение в библиотеке, представлены работы нашей мастерицы Валентины Бернацкой, также эта выставка была представлена на Дне белорусской письменности и печати в Рогачеве в 2016 г.).

Весь краеведческий материал с книгами, экспонатами, альбомами представлен на развернутой краеведческой выставке «Зямля, якой ты часцінка».

В библиотеке с 1994 г. ведется краеведческая картотека, в которой собран материал из печати, а также статьи из книг о нашей с местности, изданных в разные времена о нашей местности.

Собранный краеведческий материал не застаивается на полках, библиотека активно пропагандирует его для использования путем проведения мероприятий: краеведческие встречи «Па аколіцах роднай вескі», праздник деревни «Веска мая, я часцінка твая», вечера встреч «Спасибо вам, ветераны!», день родной земли «Родные просторы», день творческих встреч «Паэзіі чароўныя радкі» и многие другие мероприятия, где используется краеведческий материал.

В библиотеке используются различные формы работы, одной из которых на сегодняшний день является перевод накопленного материала в электронный формат, который позволит собрать воедино материалы разных лет, сделать работу с ними более удобной и доступной широкому кругу читателей. Очень интересной мне показалась идея собрать материал о кулинарных рецептах нашей местности (эта работа уже ведется), о происхождении названий деревень, которые находятся на территории нашего сельского совета. Начата работа по сбору старинных песен. Хочется собрать воспоминания старожилов нашей деревни под названием «О том, что помнится».

В заключение особо хотелось бы отметить, что библиотечное краеведение уверенно становится целенаправленной, результативной, востребованной обществом деятельностью.

«Як многа гавораць мне родныя назвы...» (даследчая работа)

Хохун І., Лоеўскі дзяржаўны педагагічны каледж (навучэнка), Лоеў, Беларусь

Уласныя назвы населеных пунктаў нашай краіны – вельмі цікавая тэма. У Беларусі ёсць шмат гарадоў, вёсак, вуліц з незвычайнымі назвамі, кожная з якіх мае сваю цікавую гісторыю ўзнікнення. Але мяне ўразіла тое, што большасць маладых людзей не ведае нават, адкуль пайшла назва іх роднага паселішча. Вынікі апытання навучэнцаў нашага каледжа паказалі, што гісторыю ўзнікнення назвы нашага пасёлка і навакольных вёсак ведае меншасць з навучэнцаў. Таму ў наш час праблема беларускай тапанімікі вельмі актуальная. Уласныя назвы з'яўляюцца неад'емнай часткай гісторыка-культурнай спадчыны любога народа: яны ствараліся на працягу многіх стагоддзяў, а таму змяшчаюць надзвычай багатую інфармацыю пра матэрыяльную і духоўную культуру народа. А калі знікаюць нейкія геаграфічныя найменні, знікае і частка гістарычнай інфармацыі, культурных каштоўнасцяў беларускага народа.

Менавіта па гэтай прычыне прадметам даследавання выбраны назвы населеных пунктаў Лоеўскага раёна.

Мы намагаліся з дапамогай цэласнага аналізу назваў населеных пунктаў даследаваць працэс іх узнікнення і фарміравання, паказаць сувязь тапонімаў з гістарычным мінулым Беларусі, з гаспадарчай і духоўнай дзейнасцю нашага народа, з яго самабытнай мовай і культурай.

Гісторыя ўзнікнення і развіцця Лоеўскага раёна складаная. Ён быў утвораны ў 1926 г. Але ў 1962 г. раён быў рэарганізаваны, яго тэрыторыя перададзена Брагінскаму і Рэчыцкаму раёнам. 1 жніўня 1966 г. Лоеўскі раён быў узноўлены [7].

На сённяшні дзень у склад Лоеўскага раёна ўваходзяць 70 населеных пунктаў.

Дзеля ўстанаўлення паходжання іх назваў мы звярнуліся да шматлікіх і разнастайных крыніц: лінгвістычных, геаграфічных, гістарычных, фальклорных, энцыклапедычных, сучаснай перыёдыкі, вусных сведчанняў мясцовых старажылаў і ўласных назіранняў. У выніку мы прыйшлі да некаторых высноў:

Айконімы (уласныя назвы населеных пунктаў) можна класіфікаваць паводле паходжання:

1. Назвы, якія характарызуюць асаблівасці навакольнай мясцовасці або яе знешні выгляд, канкрэтныя прыродныя аб'екты: Ліпнякі (навокал расло шмат ліп), Малінаўка (вакол вёскі густой сцяной стаяў лес, у якім было шмат маліны), Страдубка (вакол стаялі высокія старыя дубы), Шчытцы (вёска хнаходзілася на ўзвышаным шчыце), Уборак (каля сасновага бора), Мохаў (знаходзіўся каля балота, на якім расло шмат моху), Ручаёўка (сярод непраходнага лесу быў вялікі ручай, на беразе якога і пачалі будаваць дамы) і інш.

2. Назвы ўрочышчаў, на месцы якіх ўзніклі вёскі: Астравы, Вулкан, Вышкаў, Добры Рог, Пустая Града, Свірэжа, Тучкі.

3. Назвы паводле характару забудовы: Дамамеркі (дамы пад мерку), Цясны (цесная забудова).

4. Утвораныя ад імён заснавальнікаў: Абакумы, Карпаўка, Хамінка (тры браты, якіх звалі Абакум, Карп і Хама, выбралі сабе месца для пасялення), Аўрамаўка, Грамыкі, Грохаў (ад імя памешчыка Гроха, які валодаў гэтай вёскай), Міхалёўка (ад імя лесніка Міхася, які даглядаў за лесам, што рос на месцы вёскі), Лоеў [6, с. 6 – 7], Новая Баршчоўка (надзелы на месцы вёскі куплялі жыхары вёскі Баршчоўка Рэчыцкага раёна), Ястрабка (заснавальнікам вёскі быў беглы салдат-разбойнік па прозвішчы Ястраб), Іванькаў, Ісакавічы, Казіміраўка, Мікалаеўка.

5. Назвы, якія адлюстроўваюць характар паводзін іх першажыхароў: Арол, Бывалькі (бывалыя людзі), Бодры, Смелы, Удалёўка [8].

6. Утвораныя ад найменняў відаў гаспадарчай дзейнасці і промыслаў: Дзяражычы (навза ўтварылася ад слоў «дзяржаць» і «жыць»; тут жылі малодшыя дружыннікі Чарнігаўскага князя, быў пост ад набегаў варагаў), Кашовае, Новакузнечная, Рудня-Каменева (жыхары займаліся дабычай руды, залежы якой знаходзіліся ў гэтым месцы), Рудня-Бурыцкая (жыхары займаліся выплаўкай жалеза з балотных руд) і інш.

7. Звязаныя з рэлігіяй: Папоўка, Райск.

8. Утвораныя ў перыяд рассялення хутароў і калектывізацыі: Васход, Майск, Марс, Новая Дзярэўня, Пабядзіцель, Прагрэс, Рэкорд, Слава, Пярэдзелка.

Але больш за ўсё мяне зацікавіла гісторыя ўзнікнення паселішча Сяўкі і паходжанне яго назвы. Бо гэта месца, дзе я нарадзілася.

Вёска Сяўкі размешчана на адлегласці 35 кіламетраў на паўднёвы захад ад Лоева на рэчцы Песачанка, якая ўпадае ў пойме Дняпра ў возера Лутаўскае. Мясцовае паданне сведчыць, што заснаваў вёску пан Сева, які пабудаваў на востраве сярод балот хутар і жыў на ім са сваёй сям'ёй. Паступова вакол «хутара Сяўкі» пасяліліся іншыя сяляне, ўтварылася вёска Сяўкі.

Па сведчанню Яўсея Сцяпанавіча Канчара, вёска Сяўкі была ўтворана вольнымі і беглымі сялянамі ў другой палове XV ст. на ўзвышаным Сяўкоўскім востраве сярод плёсавых балот і непразных лясоў і хмызнякоў. Гэты востраў здаўна быў пад пасевамі. Ад назвы вострава і паходзіць назва вёскі. Па паданні, запісаным Яўсеем Сцяпанавічам, засеіваў вёску і доўгі час быў кіраўніком яе абшчыны Ціт Ільчоў. Яшчэ адно паданне сведчыць, што шмат зрабіў у гэтай мясцовасці для ўкаранення хрысціянскай веры, ідэй братэрства і чалавекалюбства хрысціянскі

прапаведнік з Візантыі Аляксей Панамарчук, ад якога затым пайшоў пашыраны тут род Панамарчукоў.

Пасля Люблінскай уніі вёска знаходзілася ва ўласнасці князя Збароўскага, затым князя Януша Радзівіла. Ёсць падставы меркаваць, што гэтыя магнаты валодалі Лоеўскім староствам, а Сяўкі былі прыпісаны да яго.

У выніку даследавання мы даведаліся, што на працягу шматлікіх стагоддзяў вёска Сяўкі была ўласнасцю графа Міхаіла Станіслава Юдзіцкага, войта рэчыцкага, потым – князя Прозара, а пасля належала памешчыку Забэле.

На працягу свайго існавання вёска дынамічна развівалася: у ёй павялічвалася колькасць гаспадарак і жыхароў (1816 г. – 21 двор, 1850 г. – 28 двароў, 1897 г. – 62 гаспадаркі, 381 жыхар). Ужо ў XIX ст. ў вёсцы дзейнічала школа граматы, на мяжы XIX і XX ст. было арганізавана асушэнне балот і створаны абшчынны хлебазапасны магазін і сельскагаспадарчая кааперацыя [7].

У 1915 г. ў Сяўках было адкрыта народнае вучылішча, якое ў 1917 – 1918 навучальным годзе наведвалі 75 вучняў.

У 1924 г. вёска ўвайшла ў склад Лоеўскай воласці, тут працавалі 3 кузні, воўначоска, ветраны млын, існавалі шавецкі і кравецкі промыслы.

У 1930 г. ў Сяўках быў створаны калгас «Кастрычніцкі».

Жыхары вёскі Сяўкі прымалі актыўны ўдзел у барацьбе з нямецка-фашысцкімі акупантамі, 69 з іх загінулі на франтах Вялікай Айчыннай вайны. 24 кастрычніка 1943 г. падчас баёў за вызваленне вёскі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў вёска была цалкам спалена.

Пасля вайны вёска Сяўкі была занова адбудавана. Калі Лоеўскі раён на працягу 1962–1966 гг. быў расфарміраваны, мая вёска апынулася ў складзе Брагінскага раёна. У ліпені 1967 г. вёска Сяўкі стала цэнтрам адноўленага Сяўкоўскага сельскага савета Лоеўскага раёна.

Па перапісе 1999 г. ў Сяўках налічвалася 345 жыхароў, існавалі будынкі сельсавета і адміністрацыі калгаса «Дняпровец», базавая школа, дзіцячы сад, Дом культуры, бібліятэка, магазін, аддзяленне сувязі, комплексны прыёмны пункт бытавога абслугоўвання.

У заключэнні хочацца адзначыць, што ўсе геаграфічныя назвы маюць свой сэнс, і паходжанне кожнай з іх можна растлумачыць, нават калі на першы погляд гэта здаецца вельмі цяжкім.

У дадзеным даследаванні мы пастараліся даць агульнае ўяўленне пра паходжанне назваў населеных пунктаў Лоеўскага раёна, каб прабудзіць цікавасць моладзі да родных мясцін.

Мы вывучылі літаратуру пра тапаніміку як навуку, высветлілі значэнне і паходжанне геаграфічных назваў Лоеўскага раёна, прасачылі іх сувязь з жыццём насельніцтва, са светапоглядам і вераваннямі людзей, прыродай, сістэматызавалі назвы населеных пунктаў у адпаведнасці з этымалогіяй па розных прыкметах.

Такім чынам, у выніку праведзенага даследавання мы прыйшлі да наступных вывадаў:

1. Пераважаюць тапонімы, утвораныя ад прозвішчаў і імёнаў насельнікаў або заснавальнікаў, асаблівасцей геаграфічнага месцазнаходжання, гаспадарчай і прамысловай дзейнасці жыхароў.

2. У назвах населеных пунктаў Лоеўскага раёна адлюстравалася самабытная, складаная гісторыя.

У той жа час далейшае вывучэнне ўтварэння назваў населеных пунктаў Лоеўскага раёна патрабуе больш глыбокага аналізу архіўных крыніц, што вызначае магчымыя шляхі працягвання даследчай працы.

Літаратура:

1. Багамольнікава Н. Я тут жыву: лексіка-семантычная характарыстыка гелонімаў гомельшчыны // Роднае слова. – 2013. – № 2 – с. 41–43.
2. Бардовіч А.М. Школьны словаўтваральны слоўнік беларускай мовы. – Мн.: Аверсэв, 2006. – 512 с.
3. Ненадавец А.М. Гомельшчына ў легендах і паданнях. – Мн.: Беларусь, 2001. – 416 с.
4. Новак В.С. Лоеўшчына... Бэзавы рай, песенны край: сучасны стан традыцыйнай культуры Лоеўшчыны / Гомель: Сож, 2007. – 472с.
5. Рогалеў А. Назвы роднай зямлі. Мір // Роднае слова. – 2011. – № 6 – с. 54–59.
6. Рудчанка А.А. Лоеў: пяць стагоддзяў. – Гомель: АРТІС, 2005. – 96 с.
7. Википедия. Свободная Энциклопедия [Электронный ресурс] / <http://wikipedia.ru>
8. Краязнаўчы сайт Гомеля і Гомельшчыны. Духоўная культура. Міфалогія [Электронны рэсурс] / Nashkraj.info

Гісторыя вёскі Бывалькі у назвах урочышчаў і вуліц

Жук А.В., Бывалькаўскі дзіцячы сад - сярэдняя школа, Бывалькі, Беларусь

Мая вёска Бывалькі знаходзіцца на правым узбярэжжы Дняпра ў самым маляўнічым кутку Гомельшчыны. Але зараз размова не аб тым, наколькі прываблівы мой родны куточак. Ужо даўно мяне цікавіць гісторыя назвы вёскі Бывалькі. У дзяцінстве тата расказваў мне казку аб тым, як у старажытныя часы малады хлопец навучыўся разумець мову птушак. І якіх толькі аповедаў аб далёкіх краінах не наслухаўся хлопец, і дзе толькі не бывалі тыя птушкі! Але заўсёды яны вярталіся назад, на радзіму. І паколькі самі птушкі «бывалыя», то і мясцовасць назвалі Бывалькамі. Прыгожая казка, але вельмі далёкая ад рэчаіснасці.

Больш верагоднай падаецца версія ўзнікнення назвы, якая звязана з першымі пасяленнямі людзей на тэрыторыі паблізу вёскі. У былыя часы на правым беразе Дняпра рос густы лес. Цудоўнае месца для таго, каб хавацца. Менавіта такое месца і патрэбна было для жыцця «бывалых» людзей. Такімі лічыліся людзі, якія мелі праблемы з законам (беглыя катаржнікі, хлопцы, што ўцякалі ад 25-гадовай службы ў царскай арміі), прыгонныя сяляне, што пайшлі шукаць лепшай долі, закаханыя пары, якім па нейкіх прычынах не дазвалялі ўступіць у шлюб. Так і ўзнікла на заліўным лузе першае пасяленне людзей. У наш час узвышша на лузе, дзе жылі

мае продкі, мясцовыя людзі называюць Селішчам, што сведчыць аб праўдзівасці падання.

З году ў год Дняпро паказваў свой нораў, затапліваючы пасяленне, таму людзі перабраліся на больш высокі бераг, дзе зараз і знаходзіцца мая вёска.

Але гэта толькі адна з версій ўзнікнення назвы нашай вёскі, бо дасканала невядома, як называлі сваю вёску першыя пасяленцы. Вядома, што найбольш старажытнае пасяленне называлася Церазіно. Гэтая назва вельмі нагадвае назву сучаснага пасёлка гарадскога тыпу ва Украіне (укр. Терэзіно, Белацаркоўскі раён Кіеўскай вобласці). Верагодна, «бывалыя» людзі, што заснавалі пасяленне, назвалі вёску ў памяць аб сваёй малой радзіме. Такая версія пацвярджаецца яшчэ і тым, што да гэтага часу мясцовыя жыхары выкарыстоўваюць дыялекты ўкраінскай мовы.

У двух кіламетрах на поўнач ад Церазіно знаходзілася вёска Мікалаеўка. З цягам часу пасяленні разрасталіся і ў выніку зліліся ў адно пасяленне, якое і атрымала назву Бывалькі. Але такая версія ўзнікнення назвы вёскі мае адзін вялікі недахоп: чаму менавіта пасля аб'яднання вёсак Церазіно і Мікалаеўка ўзнікла неабходнасць у новай назве?

Існуе яшчэ адна версія ўзнікнення назвы вёскі. Каля 300 гадоў таму ў мясцовых лясах лютавала банда рабаўнікоў – так званыя «Малайцы». Бандыты нападлі на купцоў, рабавалі цэрквы, наводзілі жах на любога падарожніка, які апынуўся ў нашай мясцовасці. Памяць аб тых падзеях захоўвае прымаўка, якая ходзіць у народзе да нашых дзён: «Хто ў Бывальках не бываў, той і гора не відаў!» Сучасную назву вёскі Бывалькі звязваюць з дзеяннямі той банды, бо рабаўнікі часта бывалі ў нашай мясцовасці.

Назвы мясцовых урочышчаў таксама цесна звязаны з дзеяннямі бандытаў. Каля вёскі Бывалькі знаходзіцца роў, які называецца Брэйскі. Менавіта ў гэтым месцы бандыты часта нападлі на праязджаючых гандляроў і заможных сялян. Абрабаванаму нагала брылі галаву. Для бандытаў гэта быў своеасаблівы знак: калі чалавек быў безвалосы, на яго не нападлі. Ну а калі зноў паспеў абрасці валасамі, то, пэўна, і каштоўнымі рэчамі ўжо «аброс».

Пакончылі з дзеяннямі бандытаў царскія салдаты. Але перад гэтым атаман банды ў лесе каля вёскі Шчытцы ўбачыў ікону велікамучаніцы Параскевы (зараз на месцы, дзе явілася ікона, пабудавана капліца). У святым вобразе атаман пазнаў жанчыну, якую некалькі дзён назад яны намагаліся абрабаваць. Атаман зразумеў гэта як святы знак, таму пакінуў свой атрад і пешшу выправіўся у Кіева-Пячэрскую лаўру, каб замаліць свае грахі. З атаманам рушылі некалькі чалавек. А праз некаторы час астатнюю частку банды арыштавалі царскія салдаты. Прагналі іх праз Бывалькі ў напрамку Брагіна. На полі, па якім гналі бандытаў, у пачатку 20-га стагоддзя пачала будавацца вуліца, якую па старой памяці называюць Пагон (вуліца Баяна Даўлетава).

Старыя назвы вуліц жывуць да нашага часу: былую вёску Церазіно мясцовыя жыхары называюць Старое Сяло, вуліцу імя Кузьмы Грыба называюць Мікалаеўкай. Вуліца імя Ермакова мае дзве назвы: усходняя частка вуліцы называецца Ветракі

(у былыя часы тут знаходзіліся ветраныя млыны), заходняя частка – Царквой (там некалі была драўляная царква).

З дзейнасцю банды звязана не толькі гісторыя назвы вёскі Бывалькі. Старыя жыхары вёскі расказвалі легенды аб шматлікіх скарбах, якія засталіся пасля бандытаў. Час ад часу людзі спрабавалі адшукаць скарбы, але легенды так і засталіся легендамі, бо матэрыяльнага пацвярджэння не атрымалі. Магчыма, увесь скарб бандытаў быў арыштаваны царскімі салдатамі, а магчыма, гэта былі толькі жарты нашых продкаў. Менавіта я схіляюся да апошняга, бо жартоўныя гісторыі ў нашым краі любілі заўсёды. Некаторыя з іх жывуць і да нашых дзён. Чаго толькі каштуе гісторыя аб тым, як жыхары вёскі спрабавалі зваліць сухую елку. Дарэчы, мясцовыя жыхары расказваюць, што сухая елка сапраўды расла на беразе мясцовага возера. Чаму яе хацелі зваліць – невядома, але вырашылі зрабіць гэта з дапамогай кабылы. Вершаліну елкі прывязалі да жывёлы і пагналі яе на круты ўзгорак у бок вёскі. Дрэва моцна нахілілася, але кабыла паслізнулася на гліне. Хвоя хутка выпрасталася, і кабылу адкінула ў бок Дняпра, дзе лавілі рыбу жыхары вёскі Радуль (Рэпкінскі раён, Украіна). Тая ўпала амаль побач з лодкай. Смешная легенда. Магчыма, у адпаведнасці з ёй і сталі бывалькаўцы называць жыхароў Радуля «кабыльнікамі».

У вёсцы Бывалькі да нашых дзён жыве яшчэ адна традыцыя: кожны чалавек мае сваю мянушку. Часта трапная мянушка замяняе яму афіцыйныя пашпартныя дадзеныя і пераходзіць з пакалення ў пакаленне. Нават старыя не ведаюць, хто такі, напрыклад, Іваноў Іван Іванавіч, а запытайся ў іх, дзе жыве Пулька – адразу раскажуць. Мае продкі насілі і носяць мянушку Калугавы. Хто быў той першы Калуга, я не ведаю, але спадзяюся, што ён быў добрым чалавекам. Па-іншаму і быць не можа, бо ў нашай вёсцы заўсёды жылі добрыя, працавітыя і шчырыя людзі.

Літаратурнае краязнаўства Лоеўшчыны

Цімошчанка Т.В., Лоеўская цэнтральная раённая бібліятэка, Лоеў, Беларусь

Сёння няма неабходнасці даказваць, наколькі важнай з’яўляецца роля бібліятэкі ў развіцці сучаснага грамадства. Яе дзейнасць у якасці аднаго з найважнейшых сацыяльных інстытутаў садзейнічае развіццю адукацыі, навукі, распаўсюджванню ведаў, умацаванню адзінай культурнай прасторы, а ў канчатковым выніку – фармаванні новага інтэлектуальнага грамадства.

Лоеўская цэнтральная раённая бібліятэка працуе ў розных напрамках – патрыятычнае выхаванне, краязнаўчая дзейнасць, фарміраванне здаровага ладу жыцця, эстэтычнае і духоўнае развіццё падростаючага пакалення, экалагічная адукацыя і асвета насельніцтва. Асаблівая роля бібліятэкі заключаецца ў садзейнічання развіццю літаратурнай творчасці і выдавецкай дзейнасці тых, для каго кніга – неад’емная частка жыцця.

Каб даведацца аб тым, што адбываецца на літаратурнай ніве роднага краю, неабходна дакрануцца да парасткаў прыгожага пісьменства літаратараў-аматараў, пісьменнікаў-землякоў, вывучыць карані літаратурнай спадчыны. На Лоеўшчыне ёсць шмат сваіх паэтаў і пісьменнікаў. Яркае адлюстраванне атрымала творчасць

самадзейных паэтаў у рабоце бібліятэкі. Вось ужо на працягу 36 гадоў запальвае свае агні клуб аматараў паэзіі «Гучальнае слова».

Клуб аматараў паэзіі «Гучальнае слова» быў створаны ў 1981 г. і аб'яднаў паэтаў, пісьменнікаў Лоеўшчыны і ўсіх тых, хто шчыра любіць паэтычныя радкі. Шматгадовая гісторыя клуба аматараў паэзіі прыкметная сваімі прэм'ерамі і прэзентацыямі кніг, вечарамі паэзіі, сустрэчамі з творчымі людзьмі, цікавымі суразмоўцамі. За гады існавання клуба адбыліся сустрэчы з паэтамі і пісьменнікамі Міхасём Даніленка, Іванам Шамякіным, Алай Канапелькай, Нінай Загорскай, Алесем Слесаренкам, Грыгорыем Андрыяўцом, Васілём Ткачовым і іншымі. Пастаянны старшыня клуба Кукара Аляксандр Уладзіміравіч, былы настаўнік беларускай мовы і літаратуры Лоеўскага педагагічнага каледжа, з'яўляецца аўтарам і сааўтарам 8 зборнікаў і кніг паэзіі. Асабліва хочацца адзначыць выхад зборніка Аляксандра Кукары «Вядомыя асобы Лоеўшчыны», дзе ў кароткай, змястоўнай форме прадстаўлены матэрыял аб найбольш вядомых людзях Лоеўскага краю. У цяперашні час аўтар вядзе працу па стварэнні пашыранай версіі зборніка аб знакамітых людзях Лоеўшчыны.

Клуб аматараў паэзіі «Гучальнае слова» аб'ядноўвае не адно пакаленне прафесійных паэтаў. У цяперашні час у працы аматарскага аб'яднання прымаюць удзел 25 чалавек. Захаваць літаратурную спадчыну Лоеўшчыны, зберагчы сваё, роднае, асаблівае, непаўторнае беларускае слова, перадаць нашчадкам – мэта работнікаў бібліятэкі і ўдзельнікаў клуба «Гучальнае слова».

Мы, жыхары Лоеўскага раёна, з поўным правам можам ганарыцца сваімі землякамі – стваральнікамі прыгожага пісьменства. Гэта нашыя мясцовыя паэты – Алесь Кукара, Іван Лямешка, Мікола Мельнічэнка, Галіна Сусла, Галіна Петруненка, Аляксандр Мельнік, Анатоль Івашка, Уладзімір Бабраўнічы, Міхаіл Бутанаў, Тамара Татарынава, Лідзія Долбікава, Наталля Кудраўцава і інш.

Каб данесці словы прыгожага пісьменства да чытачоў, бібліятэка ажыццяўляе выдавецкую дзейнасць, якая займае асаблівае месца ў літаратурным краязнаўстве. З дапамогай бібліятэкі выдаюцца зборнікі асобных аўтараў і калектыўныя зборнікі.

Так, пры садзейнічанні бібліятэкі выйшаў зборнік «Песні над Дняпром», у які ўвайшлі вершы 35 аўтараў Лоеўшчыны. Паэтычныя радкі, прадстаўленыя ў зборніку, – з'ява непаўторная, унікальная. Вершы адлюстроўваюць прыгажосць роднай зямлі, пафас стваральнай працы, любоў і павагу да роднай мовы, да сваіх продкаў.

Выдадзены зборнік «Над хвалямі дняпроўскімі». Сюды ўвайшлі вершы, легенды, паэмы, песні, пародыі, эпіграмы, байкі Лоеўшчыны. Асаблівай адметнасцю зборніка з'яўляецца раздзел «Песні роднага краю», які змяшчае вершы аўтараў, пакладзеныя на музыку. За час працы клуба падрыхтаваны і выдадзены наступныя аўтарскія зборнікі: Іван Лямешка «Музыка душы», Мікалай Мельнічэнка «Над стромай Дняпра», Алесь Кукара «Пад зорным небам», «Ведае сэрца», «Над хвалямі дняпроўскімі», «Узлёт», «Жаўрукова песня», «Над Лоевай гарой», Наталля Кудраўцава «Святло душы маёй» і інш.

Выпуск разнастайнай друкаванай прадукцыі з'яўляецца адным з напрамкаў дзейнасці бібліятэкі. Аддзелам бібліятэчнага маркетынгу выдаюцца прыгожыя

закладкі, якія прапагандуюць творчасць мясцовых аўтараў, невялікія персанальныя альбо тэматычныя буклеты. У фондзе беларускай літаратуры вылучаны творы пісьменнікаў – нашых землякоў, аформлена шмат папак аб жыцці і творчасці пісьменнікаў. У пачатку года друкуем і раскладваем у кніжным фондзе запрашэнні на паседжанні клуба аматараў паэзіі.

Мясцовыя пісьменнікі і паэты, якія з'яўляюцца для бібліятэкі не выпадковымі рэдкімі гасцямі, а сапраўднымі сябрамі і аднадумцамі, садзейнічаюць распаўсюджванню беларускай кнігі не толькі напісаннем твораў, але і актыўным удзелам у масавай рабоце бібліятэк. Традыцыйна ў бібліятэцы праводзіцца шэраг мерапрыемстваў, прысвечаных іх жыццю і творчаму шляху: тэматычныя і літаратурна-музычныя вечары, прэзентацыі, літаратурныя і паэтычныя гадзіны, агляды творчасці, вечары-партрэты.

Прэзентацыя паэтычнага зборніка Алеся Кукары «Зямное прыцягненне», творчы вечар «Натхненне сэрца і душы» да юбілею паэта Мікалая Фёдаравіча Мельнічэнкі, «Літаратурная візітка» – сустрэча з паэтам Васілём Філіпенкам, выхадцам з Лоеўшчыны, юбілейны вечар-сустрэча з Іванам Лосікавым «З каханнем да кожнага радка..», літаратурна – музычная кампазіцыя «А памяць святая...», прысвечаная Дню Перамогі, літаратурная старонка «Тваё каханне захаваю...», дзень паэтычных сустрэч «Паэзіі рака невычарпальная», літаратурная сустрэча «Галасы, закаханыя ў беларускую паэзію» – вось няпоўны пералік мерапрыемстваў, якія садзейнічаюць папулярызацыі творчасці пісьменнікаў на іх малой радзіме. У выніку супрацоўніцтва з пісьменнікамі-землякамі, іх родзічамі, мясцовымі краянаўцамі і чытачамі ў бібліятэцы сабрана мноства звестак, дакументаў і матэрыялаў па літаратурнаму краянаўству.

Удзельнікі клуба аматараў паэзіі «Гучальнае слова» не абмяжоўваюцца сустрэчамі ў межах свайго клуба, а прымаюць самы актыўны ўдзел у культурным жыцці раёна. Выезджаюць з творчымі вечарамі, прэзентацыямі зборнікаў у сельскія бібліятэкі, школы, арганізуюць сустрэчы з творчымі асобамі суседніх раёнаў.

У рамках акцыі «Культурныя сувязі. Сустрэча з паэзіяй» у г. Рэчыца адбылася сустрэча ўдзельнікаў клуба аматараў паэзіі «Гучальная слова» і паэтаў рэчыцкага клуба творчых сустрэч «Стрыжань». Затым наш раён прымаў гасцей з Рэчыцы. У чытальнай зале адбылося пасяджэнне калег па творчаму цэху, на якім літаратары мелі магчымасць абмяняцца меркаваннямі, творчымі задумкамі і планами, пазнаёміцца з творчасцю гасцей. Удзельнікі клуба творчых сустрэч «Стрыжань» і калегі з Рэчыцкай цэнтральнай раённай бібліятэкі падарылі падборку кніг мясцовых аўтараў і кніг аб Рэчыцы.

Прэзентацыя зборніка вершаў ураджэнца г. Рэчыцы Мікалая Алегавіча Арбузава «Святло ў начы» прайшла ў пачатку мая ў цэнтральнай раённай бібліятэцы. Такія сустрэчы вельмі ўплываюць на чытачоў бібліятэкі. Далучэнне да беларускай літаратуры, атрыманне новых ведаў спалучаецца з эмацыянальным уздымам, атрыманым падчас сустрэчы з талентавітым пісьменнікам. Сустрэчы чытачоў з пісьменнікамі – гэта заўсёды ўрокі любові да роднай мовы і літаратуры.

Кніжныя выставы – адна з самых эфектыўных форм прыцягнення ўвагі чытачоў да прыгожага пісьменства. Наглядная інфармацыя добра ўспрымаецца

аўдыторыяй, павялічвае прыток карыстальнікаў, падахвочвае многіх людзей звяртацца да літаратурных крыніц, здольна палепшыць імідж бібліятэкі. Для прыкладу можна назваць такія выставы, як «Родная мова, крыніца празрыстая», «Добры дзень, кніжка беларуская», «Пад ветразем роднага слова», «Паэтычны голас нашых землякоў» і інш.

Відавочным на сённяшні дзень становіцца наступнае: дзейнасць бібліятэк, якія актыўна рэалізуюць распрацаваныя праграмы і творчыя праекты, накіраваныя на папулярызацыю літаратурнага краязнаўства, з'яўляецца даволі эфектыўнай і дае станоўчыя вынікі. Для больш сістэматызаванай і мэтанакіраванай работы па папулярызацыі кнігі, здольнай прывіць павагу да Айчыны, малой радзімы, гісторыі свайго народа, быў распрацаваны фарс-праект «Беларускую кнігу – у кожны дом», асноўнай мэтай якога з'яўляецца стымуляванне цікавасці жыхароў Лоеўшчыны да чытання беларускай літаратуры, папулярызацыя твораў мясцовых пісьменнікаў і паэтаў, а таксама іншых выданняў на роднай мове, павышэнне ролі чытання мастацкай літаратуры ў культурным жыцці. Каб данесці да кожнага чытача каштоўнасці роднай мовы і паказаць яе прыгажосць, самабытнасць і непаўторнасць, бібліятэкары на працягу года запрашалі сваіх чытачоў на гадзіны далучэння да паэзіі, гадзіны-разважанні, роздуму, літаратурнага апавядання, падарожжы па літаратурных мясцінах, літаратурныя замалёўкі. Тэматыка мерапрыемстваў праекта самая разнастайная: «Сэрцам слухаю, душою гавару...», «Роднага слова верны абаронца», «Са спадчынай продкаў – у будучыню...» і інш.

У рамках праекта аматары беларускай мовы і літаратуры прынялі ўдзел у літаратурна-паэтычнай імпрэзе, паэтычных вечарах і гадзінах, у час якіх гучалі чароўныя паэтычныя радкі нашых паэтаў.

Акрамя фарс-праекта «Беларускую кнігу – у кожны дом», імкненне дзяцей і дарослых чытаць беларускія творы падтрымалі: праект летняга чытання «Сонца на кніжнай старонцы», бібліятэчны праект па развіцці чытацкай культуры «Чалавек, які чытае», праекты «Літаратурная карта Лоеўскага раёна», «Жывыя крыніцы слова беларускага», конкурс перасоўнай аўтабібліятэкі «Ёсць у нас такі чытач».

Выключную ролю ў развіцці літаратурнага краязнаўства адыграла рэалізацыя праграмы «Вяртанне да вытокаў». Мэта праграмы – захаванне дакументальнай і літаратурнай спадчыны Лоеўскага раёна як часткі культурнай спадчыны Беларусі і забеспячэнне свабоднага і неабмежаванага доступу да іх, эфектыўнае выкарыстанне інфармацыйных рэсурсаў, арганізацыя комплексу культурна-асветніцкіх мерапрыемстваў для стымулявання развіцця цікавасці жыхароў да гістарычнай, культурнай і літаратурнай спадчыны Лоеўскага раёна. Праграмныя мерапрыемствы дазваляюць умацаваць партнёрства і ўзаемадзеянне з мясцовымі краязнаўцамі, арганізацыямі і ўстановамі, якія ажыццяўляюць краязнаўчую дзейнасць. У рамках праграмы праведзены шэраг цікавых і займальных мерапрыемстваў: рэкламна-інфармацыйная акцыя «За ведамі – у бібліятэку!», асветніцкая акцыя «Знаёмыя імёны – новыя сустрэчы», краязнаўчае падарожжа па гістарычных і памятных месцах Лоеўскага краю «Чым і кім слаўны наш горад?». Актывізуюць краязнаўчую дзейнасць і прафесійныя бібліятэчныя конкурсы: «З глыбінь у сучаснасць:

гісторыка-культурная дзейнасць бібліятэк», «Памяць на стагоддзі – і даты, і падзеі, і асобы».

Наперадзе плённая, руплівая праца ў напрамку літаратурнага краязнаўства, захавання літаратурнай і гістарычнай спадчыны, шмат цікавых задумак, скіраваных на тое, каб не сціхала мілагучная беларуская мова землякоў. Мы не спыняемся на дасягнутым, шукаем найбольш цікавыя і змястоўныя формы работы і працуем заўсёды на вынік.

Художественные особенности трилогии В.А. Купреенко

«Доля маці»

Мельнікава Ларыса Аляксееўна, к.ф.н., Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа Нацыянальнай акадэміі навук Беларусі, Мінск, Беларусь

Произведение может считаться художественным, когда в нем присутствует образная система, которая явно проявляется как в форме этого произведения, так и в его содержании. Содержание трилогии В.А. Купреенко позволяет отнести ее к особому жанру художественной литературы, который созвучен документальной прозе, однако в отличие от нее, не основан на опросе свидетелей событий, о которых пишет автор. В.А. Купреенко сам является свидетелем большинства описываемых им же событий. А остальные – результат очень подробных и детально точных мемуарных рассказов его родных: отца, бабушки и, особенно, матери. Именно мать стала героиней этой трогательно исповедальной, насыщенной событиями и переживаниями героев, связанными с различными этапами в жизни и истории страны, трилогии писателя В.А. Купреенко.

Действие повести разворачивается в белорусском Полесье, время – начало 20-х годов, гражданская война, локальные войны, бандитизм, погромы, коллективизация, которая далеко не благо для сельчан, а насильственно насаждаемая политика властей, новых, непонятных для местных жителей. Затем война, оккупация и их трагические последствия. Подробно день за днем описывается история семьи матери, традиционной белорусской семьи, которая включает в свой состав множество родственников, родителей, братьев и сестер. Не забываются родные бабушки и дедушки, двоюродные и более дальние сестры и братья, а также кумовья, чьи освещенные узы не менее крепки, ведь духовное родство очень важно для белорусской семьи. И потому именно кум едет за крестниками на север, в Котлас, где они находятся со своей мамой в ссылке. Он немедленно откликается на просьбу матери об этом, высказанную в письме, потому что знает, что каждый день умирают дети раскулаченных родителей там, в суровом месте с жесточайшими условиями существования. А потом родственники, близкие и дальние, растят этих детей как своих собственных, не ожидая благодарности, а считая совершенно естественным даже в самое голодное время делиться каждым куском, часто последним.

Помощь родным и просто соседям по селу – естественная и органичная потребность белорусского сельского жителя. И когда во время спасения еврейской семьи хозяева сами находятся на волоске от смерти, и когда благодарные евреи спасают от тюрьмы одну из своих спасительниц – нет места для гордости

от совершенного. Все происходит органично и естественно. Просто нормально, потому что для них норма – это человеческие отношения, сопереживание и отношение к ближнему как к самому себе, уверенность, что при необходимости или если случится беда, и тебе помогут родные, близкие и просто знакомые люди.

Страшные картины, связанные с голодомором на Украине и Кубани, нарисованы автором, как художником-живописцем с натуры, где нет особых устрашающих эпизодов, все предельно точно и как бы задокументировано. При этом яркие детали достоверны и убедительны, оставляют такое сильное впечатление, которое не стирается из памяти. Деталь – основной стилеобразующий элемент прозы В.А. Купреенко. Он проходит сквозной нитью через все произведение автора, начиная от описания быта крестьян в 20-е годы прошлого века. Их каждодневный изнурительный труд на земле и в собственном хозяйстве двадцатилетняя девушка воспринимает как данность и не мыслит себя без работы, поскольку пример старшего поколения постоянно перед глазами. Труд – это и основной элемент воспитания, к которому приучаются с раннего возраста.

Биография Купреенко-филолога объясняет и основной элемент образности – язык произведения. Трилогия писателя – стремление сохранить для поколений последовательность событий, происходивших на полесской земле в течение полувекowego периода. Описание быта, обрядов, особенностей питания и отдыха – все это на примере одной семьи прослеживается автором в свойственной ему повествовательной манере, которую характеризует несуетный, подробный рассказ, характерный для доверительной беседы близких по духовности и менталитету людей. Произведение не претендует на высокий профессионально-писательский уровень. Но несмотря на это, автор владеет писательским мастерством, заставляющим читателя с вниманием и интересом следовать за описываемым действием трилогии, ожидая его продолжения и развития.

Принадлежность к миру Полесья проявляется не только в содержании повествования, но и в языке писателя, который и в своей авторской речи остается верен родному говору Брагинщины. Выстраивая диалоги, которые составляют значительную часть текста, он максимально точно старается передать особенности говора, приблизить речь героев к реальному произношению, порой практически использует транскрипцию тех или иных слов. Именно профессионализм филолога-языковеда дает возможность показать в диалогах отличие слов местного говора от сходных языковых проявлений других территорий, в том числе связанных с украинским языком.

Особенностью языкового материала является его насыщенность лексическими эквивалентами литературного белорусского языка. Поэтому часто в тексте автор сам дает соответствующие пояснения либо позволяет читателю выводить семантику особого слова из близкого контекста. Иногда, увлекаясь описанием деталей быта, писатель использует эти слова и в своей авторской речи. Часто словоформы, совпадающие лексически с литературными белорусскими, имеют отличное от них словообразование либо ударение, которое меняет внешний облик привычного белорусского слова (*макоцер* – *макацёр*, *краек* – *краёк*). Существует также разница в роде существительных местного говора и литературных белорусских: *шухля* ж. –

шувель м., гладышка ж. – гладышак м., бярэ м. – бярэмя ср., покут м. – покуць ж., учаране м. – учарэні ж. В некоторых случаях различие проявляется в семантике слов: так в семантике прилагательного *дзябёлы* отсутствует отрицательная коннотация, а в значении глагола *канючыць* добавлена не свойственная ему семантика ‘дрыжаць, калаціцца ад страху’.

Большинство слов имеет лексические эквиваленты в литературном белорусском языке либо указанные в словарях областные (диалектные) формы: *варэйка* – ‘гліняны чыгунок’; *вясельнікі* – ‘удзельнікі вяселля’; *глыжка* – ‘даволі ёмісты кавалак, камяк, напрыклад, сыру ці масла, акруглай формы’; *застаронак, застаронкі* – ‘бакавіца’; *хатуль, хатулёк* – ‘скрутак, пакунак, клунак, клуначак’; *кулідка* – ‘луста, скібка’.

В тех же случаях, когда словарные соответствия отсутствуют, помогает контекст и формальная близость сходных лексем: *завіца* – *залвіца*, *кухлікі* – *куфель, куфлік*; *просцілкі* – *посцілкі*; *порацца* – *поркацца*; *незабарам* – *неўзабаве, затухкаў* – *застукаў, затупацеў*, *крышаны* – от *крышыць* и др.

Словосочетание *паземны вецер* соответствует словарному *абл. пазёмкавы вецер*: «Толькі пад вечар, калі суняўся **паземны вецер** і белы снег так іскрыўся вакол, Фёдар Максімавіч сказаў усім ісці ў хату. Пры гэтым ён адзначыў, што завірухі некалькі дзён не будзе, бо пад вечар узмацяняецца мароз, а гэта значыць – заўтра будзе добрае марознае надвор’е».

Писатель в ряде случаев дает собственные пояснения при использовании в тексте местных названий реалий, предметов и явлений: *балванець* – ‘світаць’: «Канчаліся такія скокі, калі пачынала **балванець**, ці **світаць**, на ўсходнім баку неба»; «Ноч была светлая, зорная, без ніводнай хмаркі на пацямнелым небе. Усё гаварыла за тое, што заўтра будзе цёплае бязвоблачнае надвор’е. Калі нашы падарожніцы падышлі да Зарэчча, то на ўсходзе ўжо добра пасвятлела – пачынала **світаць**.

– Як бачыш, Ганна, ужэ балванее на ўсходзе, – прамовіла Прося, – значыць хутка паявіцца зара».

Среди слов, обозначающих предметы одежды, встречаются, например, мужская *шапка-кучомка* и женская *хутка-гарысоўка*. Значение слова *бунда*, по словам В.А. Купреенко, ‘квяцістая сукенка для дзяўчынак-падлеткаў’: «Прося ціхенька ўстала, баялася лішні раз павярнуцца на сenniку, каб не будзіць сваю малодшую сястру Таню, надзела сукенку (у сёлах Палесся называлі яе **бунда**, што азначала летнюю квяцістую дзявочую адзежыну), выйшла са спаленкі ў залу, у цемнаце якой цікаў насценны гадзіннік. Яна ўзяла з брыжа грубка запалкі, чыркнула і паглядзела на цыфэрблат: было дваццаць мінут на сёмую.

– Значыць, хутка і світаць будзе, – падумала яна».

Слово *бунда* употребляется и в других славянских языках, например, в чешском языке слово *bunda* также называет предмет одежды и обозначает женскую и мужскую куртку.

Часто в тексте встречается название *салонікі* – «так называлі на Брагіншчыне абчышчаную бульбу, пасоленую ў час варкі»; «Калі ўжо добра развіднела, яны ўдваіх сталі завіхацца ў хаце: Прося намыла свіной картопляй чыгуны, затым стала лупіць большую бульбу на **салонікі**, або пасоленую бульбу для снадання. Маці

завіхалася каля печы, засоўваючы чыгуны за бакі і падпальваючы бярэтай сухую лазу. З кожнай хвілінай усё відней станавілася ў хаце, хоць не ўціхала завіруха.

– Няўжо цэлыя суткі будзе лютаваць мяцеліца? – неўразумела прагаварыла Прося. – На двор не вуйдзеш з хаты.

– Суткі не суткі, а да абеда будзе гусці, – адзначыла маці. – Я думала, што да дня сціхне вецер, аж не. А цяпер і да абеда такая непагадзь, што ж, прыйдзеца чакаць, нікуды не дзенешся».

Своеобразие отличает и использование фразеологизмов, например, *не падаў знаку жывога чалавека* – ‘не падаваў прыкмет жыцця’: *«Макар Пятровіч заўважыў на голасу Прасі, што нешта трагічнае здарылася. Ён бягом праз гарод прыбег сюды. Удваіх з Прасяй сталі клікаць, але былы яго сусед не падаў знаку жывога чалавека. Тады сусед памацаў пульс – але яго не было. Яму і Прасі стала ясна – Раман Міхайлавіч ужо не жылец, ён адышоў у вечнасць, у небыццё».*

Характерной языковой особенностью является использование форм глагола первого лица единственного числа, которое в современном языке свойственно первому лицу множественного: *я дадзім работу; я ведаем*. Эта архаичная форма также сохранилась в некоторых современных славянских языках.

Особенности синтаксического оформления фразы постоянно встречаются и в авторской речи, в частности, любой вопрос начинается с союза *а*: *а што? а хто? а куды?*

Картины быта нарисованы с этнографической точностью и с полным ощущением присутствия читателя в описываемом месте. К тому же в некоторых случаях, как, к примеру, в приводимом ниже отрывке текста, созвучие лексем и контекст дают объяснение слову *млінцы*.

«Прося ў гэты час перад сьнеданнем разам з сястрой Таняй выціралі ў бакавых пакоях пыл. А маці пякла млінцы на вуголлях ад сухіх лазовых палак у печы. З піскам пякліся яны на жару ў вялікай патэльні, дно якой залівалася тонкім слоём белага нутранага сала. Так за гадзіну ці мо болей уся млінцовачка была апарожнена. Пасля млінцоў скварылася сала, потым былі знойдзены чатыры яйкі, амаль напалову высахлыя з восені. Сьнеданне як заўсёды праходзіла ў поўнай цішыні, бо сядзеў за сталом бацька і глядзеў, каб ніхто не парушыў гэтага правіла. Ужо даўно не кіпеў самавар у хаце, а сённы быў настаўлены. Сёлета яго ўжо ставілі другі раз: першы на Каляды, Ражство, а другі – на Масленіцу. Пасля сытнага і такога смачнага з начыненымі млінцамі сьнедання, чай, завараны дамашнімі лекавымі травамі, з якіх душыца была асноўнай, завярышаў гэтую незвычайную ранішнюю трапезу».

Именно профессия филолога-лингвиста позволила использовать авторское словообразование, а возможно, живое употребление, которое бытует в данной языковой среде. Так появляются новые слова, органично включаемые в авторскую языковую систему, например: *прастарэкваць* – от *прастарэка* ‘краснобай, говорун’.

Завершить этот краткий лингвостилистический очерк, своеобразную аннотацию книги известного филолога, но пока еще неизвестного писателя В.А. Купреенко, следует, на мой взгляд, эпизодом из второй части трилогии, очень важным для понимания личности писателя, патриота не только своего родного уголка Полесья,

с которым была связана вся его нелегкая жизнь, но и страны, частью которой был и он сам, и этот удивительный край.

«Глянуўшы яшчэ раз на новую суседку, спытала ў яе: – А вы, відаць, пэрэселенці? – Не дачакаўшыся адказу Прасі, сказала ёй: – У нашай станицы тэпер багата стало пэрэселенціў.

– Так, мы прыехалі сюды як перасяленцы, – адказала ёй Прося.

– А здалёку вы прыйхалы? – запытала гэтая пажылая жанчына.

– Мы прыехалі сюды з Беларусі, – адказала Прося.

– А дэ это Білорусь?

– Як вам сказаць, яна за Украінай. Мы ехалі праз усю Украіну.

– Дак Білорусь там, дэ і Польшча?

– Не, Беларусь не Польшча і не Расія, – сказала Прося.

– От, чого нэ чула, того нэ чула, – адказала суседка. – Чула, што е Украіна, Польшча, Расія, а што така е Білорусь – не чула. Это можэ абласць яка, чы якэ місто?

– Не, ета не місто і не вобласць, а такая краіна з такой назвай...»

История православного прихода в д. Храковичи

Бондаренко Р., Спасо-Преображенская церковь, д. Селец, Беларусь

Первые сведения о Храковичах и других населенных пунктах данного прихода мы находим в документах, относящихся к правлению великого князя Литовского и короля Польского Сигизмунда Августа (Старого). В то время в Храковичах было 6 дворов, в Асаревичах 3 двора и в Жиличах 3 двора. Упоминаются Песочна (ныне Новая Гребля), Мечовщизна и остров Просмык. Все указанные селения входили в состав Любецкого повета Киевской земли. После Люблинской унии Храковичи, как и вся остальная Брагинщина, стали частью Польского королевства и в XVIII столетии административно входили в состав Овручского повета Киевского воеводства.

В различные годы Храковичи принадлежали Демитровичем, Клопоцким, Горчиновичам, Юдицким и другим помещикам. По присоединении к Российской империи с 1793 по 1796 г. они находились в составе Речицкого уезда Черниговской, а затем Минской губерний. В церковном отношении территория подчинялась Киевскому митрополиту, а затем униатским митрополитам, пребывавшим в Радомышле. По присоединении из унии в 1795 г. – Черниговскому, а затем Минскому преосвященным.

Храм

Когда был построен первый храм, можно лишь предполагать. Возможно, свет на это прольет исследование документов, находящихся в Институте рукописей Национальной Библиотеки Украины, где имеются визиты Брагинского деканата за 1750 г. В 1776 г. в четверти версты от села прихожанами строится новый деревянный храм, посвященный перенесению мощей Святителя Николая. На то, что он заменил собой существовавший ранее храм, указывают хранившиеся в церковном архиве книги, начиная с 1745 г. По состоянию на 1879 г.: кровля железная, окна

расположены в два ряда, дверей трое. Снаружи вся окрашена крыша медянкою, а стены белилами. Крыша в здании была еще довольно крепка, хотя и требовала значительного ремонта. Потолок был устроен сводообразно к открытому куполу, стены побелены, пол деревянный, к отоплению храм не был приспособлен. Солея возвышалась на 5 вершков, на ней были устроены клиросы.

Столярной работы иконостас, покрашенный в светло-синий цвет, с крашенными карнизами и рамами, состоял из 37 не художественного письма икон, расположенных в три ряда. С правой стороны алтаря имелась пристройка для ризницы и пономарни. Между утварными вещами, которые имелись в достаточном количестве, ценных или замечательных в каком-либо отношении не было. Хотя, согласно клировой ведомости за 1798 г., Храковичский храм был единственным на Брагинщине, где имелась золотая чаша. Кроме нее имелись серебряная позлащенная и цинковая. Напрестольное Евангелие было в сплошном металлическом окладе; из богослужебных книг не доставало месячной минеи. В колокольне имелось три колокола: один весом в 6 пудов и два весом по 1 пуду. На церковном погосте были погребены представители рода Скоропадских (в 1850-е гг. в д. Асаревичи проживал поверенный помещика Линца титулярный советник Александр Скоропадский с женой).

Кладбищ в приходе было 6. Приписных и кладбищенских церквей не имелось. В тоже время следует отметить, что ранее в клировых ведомостях упоминался приписной храм в честь семи мучеников Маккавейских, расположенный за версту от села. К 1845 г. он был уже довольно ветх. Как писал священник в 1819 г.: «Священнослужение не совершается, а в первый день августа всенощное бдение и акафисты с молебствиями и освящением воды при всенародном собрании священнодействуется». На месте этого храма в 1911 г. планировалось построить новую кирпичную церковь в честь святителя Николая, но исполнению этого решения помешала Первая мировая война. Ныне на этом месте (в лесу между д. Новые Храковичи и д. Чемерисы) установлен крест. Икона святых мучеников Маккавейских из их храма находилась в приходской церкви вплоть до ее разрушения. В 1907 г. в селе Асаревичи строится 2-этажная кирпичная церковь-школа во имя великомученика Георгия Победоносца, преобразованная впоследствии в отдельный приход. В 1935 г. храм в Храковичах был закрыт и разрушен. На его месте построили школу (ныне в руинированном состоянии). При строительстве на школьном дворе в 1960-е гг. подсобного помещения были потревожены отдельные захоронения. Из храмовой утвари сохранились большое писанное распятие, кадильница и напрестольный крест. Из книг: Следованная псалтирь (времен Александра II), сборник проповедей 1765 г. издания и ноябрьский том житий святых святителя Димитрия Ростовского (середины XIX в.).

Материальное обеспечение притча

По состоянию на 1798 г. храм имел пахотной земли на 15 четвертей, сенокосу – на 60 возов и остров для пастьбы скота. На 1819 г.: пахотной земли одна волока, сенокосу на 60 возов. Кроме этого, священно- и церковнослужители получали с каждого двора пашущего по 28 гарнцев ржи и денежный сбор, но по неурожайным годам собиралась только половинная часть. Капитал составлял 123 рубля 30 копеек.

На 1864 г.: штатного жалования притчу 256 руб. Земли усадебной, пахотной и сенокосной 34 десятины и под лесом 17 десятин. На 1901 г.: церковной земли до 200 десятин.

Следует отметить, что материальное положение притча было довольно скудно. Представление об этом дает прошение заштатного священника с. Хракович Иоанна Леоновича от 16 декабря 1831 г. на имя Минского архиепископа Анатолия: «Я, низжайший, уступив прошедшаго 1830-го года зятю своему священнику Иоанну Бароновскому бывший мой Храковицкий Николаевский приход; ныне живу при нем на всем его иждивении. Но как зять мой по бедности своих прихожан не только меня не может содержать на своем иждивении, но даже и сам терпит великия нужды в общежитии. – Сам же я, как по старости лет, так и по слабости своего здоровья не в силах снискивать для себя даже дневное пропитание, а тем паче одежду и прочее нужное для меня в отношении к облегчению моей болезни, – а посему всепокорнейшее прошу Ваше Высокопреосвященство, возрев на мою бедность, старость лет и слабость здоровья, также уважив на мою 16-летнюю Благочинненскую службу, положить мне вспомошествование из сиротского попечительства и одарить Всемиловнейшего своею Архипастырскою Резолюциею». Положение же низших клириков было еще хуже.

Священно- и церковнослужители

К сожалению, метрические книги и другие документы церковного архива сохранились лишь в небольшом объеме. Поэтому информацию приходилось искать в документах соседних приходов. В метрической книге Грушенской Покровской церкви за 1765–1795 гг. нашлись записи о двух Храковицких священниках. Первое упоминание следующее: «1779 года месяца мая 25 дня Аз иерей Гавриил Софониевич парох Святой Покровский Грушенский окрестих и миром святым помазах младенца Иоанна у родителей священноиерея Стефана Зелетенкевича на тот час бывший викарием Храковицким и жены его Марии». Второе упоминание: «1783 года месяца марта Аз иерей Леонтий Горачка парох Храковицкий окрестих и миром святым помазах младенца Иакова от родителей священноиерея Гавриила Софониевича пароха Грушенского, жены его Параскевии». Иерей Стефан упоминается как викарий и в 1781 г., а парох Леонтий в 1786 г.

Как уже было сказано выше, приход воссоединился с православием в 1795 г. 21 марта 1796 г. Согласно проведенной тогда переписи настоятелем являлся Павел Кириллович Комаровский (или Кошаровский). Черниговским архиепископом Иерофеем к Храковицкой церкви рукополагается Григорий Леонов сын Горачка, сын пароха Леонтия, который не дожил до воссоединения. На 1795 г. требы в приходе совершал в качестве наблюдателя Грушенский священник Марко Невский. Согласно клировой ведомости за 1798 г. Григорий Горачко был 29 лет, обучался латинскому языку в г. Мозыре. Служение его было недолгим. В 1801 г. он умирает. Последняя запись, совершенная им метрической книге, сделана 22 января. Запись о его погребении отсутствует. Над его несовершеннолетними детьми устанавливается опека. В течение 1801 г. приход окормляли: священник Грушенский Иоанн Шункевич, викарные священники Давид Китновский и Симеон Кмита.

20 ноября 1801 г. преосвященным Иовом, архиепископом Минским для прихода рукополагается в священники Иоанн Семенович Леонович. Из духовного звания, в польских школах обучался польской и русской грамоте. В дальнейшем был 17 лет благочинным. От коей должности уволен по собственному прошению. За усердные труды был возведен в сан протоиерея. Согласно клировой ведомости за 1819 г.: 48 лет, вдов, живет в собственном доме. У него дети: сын Стефан 14 лет и дочь Анна 16 лет. В 1830 г. выходит за штат, уступив свой приход зятю Иоанну Павловичу Барановскому, прослужившему здесь до 31 декабря 1834 г. и переведенному согласно прошению в Космо-Дамиановскую церковь с. Выдрица Борисовского повета. До назначения 29 октября 1835 г. настоятелем Феодора Васильевича Мигая наблюдателями за приходом являлись Грушенские священники Андрей Бирюкович и Мартин Плышевский, а также Иолчанский Стефан Мигай. После смерти 15 января 1858 г. отца Феодора, оставившего вдову Елену Феодоровну 39 лет и детей Иулиана 17, Илариона 13, Дарию 8, Михаила 5, Игнатия 3 и Ермолая 1 года, наблюдателем являлся Деражичский священник Симеон Лукашевич. 1 февраля в Храковичи из Тульгович переходит Иосиф Александрович Лукашевич. За годы своего управления приходом он показал себя как рачительный хозяин. Когда после его смерти 3 февраля 1880 г. производилось расследование по факту порубки церковного леса псаломщиком Храковичской церкви Василием Мигаем, про отца Иосифа написали: «Из церковного леса, выращенного 25-летнею заботою священника, сам священник никогда и никакого дерева не высекал, а в случае надобности в лесе и дровах для собственного потребления покупал таковые у помещика Даниловича». Наблюдателем после смерти отца Иосифа являлся Грушенский священник Симеон Бруй. Следующим настоятелем 1 апреля 1880 г. стал Иосиф Парфенович Лукашевич. Был награжден камилавкой и наперсным крестом. Согласно памятным книжкам Минской губернии он настоятельствовал по 1906 г. С 1907 г. до 15 сентября 1909 г. в Храковичах служил Адам Рубанович, а с 17 сентября 1909 г. Созонт Савич, прослуживший, впрочем, недолго. Уже 2 февраля 1910 г. был назначен настоятелем Михаил Васильевич Лишевский, который родился 22 ноября 1873 г. При нем в отдельный приход было выделено село Асаревичи. Отцу Михаилу в 1912 г. было преподано архипастырское благословение за особо усердное отношение к церковно-школьному делу. Ранее в 1905 и 1908 гг. он получил благодарность и от епархиального училищного совета. 27 августа 1907 г. он был награжден набедренником. С 1860-х гг. в Храковичах существовало народное училище – первым известным наставником являлся Иосиф Викторович Горбачевич, назначенный на эту должность 12 июля 1867 г., а 15 декабря 1868 г. рукоположенный во священника к Велико-Борской церкви.

В 1910-х гг. преподавал Владимир Миронович. После смерти отца Михаила (около 1918 г.) сюда из Новгородской епархии перешел священник Александр Спасский. В 1921 г. он согласно прошению получил указ на переход в Микуличскую Богоявленскую церковь, а на его место назначен его зять Сергей Дометиевич Лелявский, рукоположенный 5 июня 1922 г.

По всей видимости, ему в Храковичах служить не пришлось, т.к. в этом же году сюда назначается Адам Васильевич Жданович, перешедший в августе 1930 г.

в г. Жлобин и там арестованный в 1932 г. Отец Адам выжил в сталинских застенках и отошел ко Господу 16 февраля 1954 г. в должности Жлобинского благочинного. В то время приход административно подчинялся епископу Бобруйскому Филарету (Раменскому). Последним настоятелем являлся перешедший из Асаревич священник Василий Иванович Гришанович. Когда в 1935 г. церковь закрыли, он продолжал совершать требы, посещая в том числе и иные населенные пункты. В сентябре 1937 г. против него было сфабриковано дело и поступил донос от жителя д. Переносы, являющегося агентом НКВД. 17 сентября отца Василия арестовали и 30 октября 1937 г. постановлением заседания особой тройки НКВД приговаривают к заключению в исправительный трудовой лагерь сроком на 10 лет по обвинению в проведении контрреволюционной повстанческой и фашистской агитации. Виновным он себя не признал. 6 июня 1940 г. отец Василий умирает в заключении. Посмертно реабилитирован 16 января 1989 г. Во время Великой Отечественной войны в д. Просмычи в здании школы была открыта церковь во имя Рождества Пресвятой Богородицы, просуществовавшая до 1949 г. Затем духовные потребности бывшего Храковичского прихода удовлетворял схиеромонах Панкратий (Олейченко), проживавший в д. Чемерисы и совершавший богослужения у себя на дому.

Из архивных данных удалось установить число отдельных церковнослужителей и старост. Первым известным дьячком являлся Иоанн Шункевич, рукоположенный в марте 1796 г. настоятелем на половину прихода в село Грушное. В дальнейшем дьячком был не указанный по имени подданный графа Юдицкого по согласию прихожан, затем с 25 июня 1802 г. Александр Семенович Леонович, Иван Гункевич с 1829 г., Григорий Петрович Леонович с 17 августа 1853 г., Иван Антипович с 15 июня 1859 г. по 1 ноября 1873 г. Михаил Мигай с 1 ноября 1873 г., Василий Мигай до 13 августа 1890 г., псаломщик – диакон Онисим Васильевич Мигай с 4 декабря 1890 г.

Из пономарей известны следующие: Василий Яницкий с 27 сентября 1800 г., Иосиф Семенович Леонович (упом. под 1803 г.), Роман Иерофеевич Левицкий с 1811 по 1826 гг., Сильвестр Яницкий с 1826 г., Петр Лелявский (упом. под 1832 г.), Константин Иванович Васанский с 1840 г., Яков Иосифович Мигай (1846 – 1850), Василий Семенович Мигай (1850–1852), Семен Малахиевич Мигай (1852 – 1856), Моисей Кириллович Голушкевич (с 17 августа 1856 г. по средину 1890-х).

Просфорнями были Елисавета Иосифовна Мигай (конец 1830-х – конец 1850-х), Евфросиния Стефановна Шнек с 1888 г.

Известные старосты: Елисей Судаленко (под 1830 г.), Евдоким Иванович Залужный с 1842 г., Петр Иванович Диомидов (1858–1862), Онуфрий Евдокимович Залужный с 1862 г., Савва Михайлович Евфименко с 30 апреля 1875 г., Семен Федорович Шупан с 18 февраля 1880 г., Евстратий Ефименко с 3 мая 1909 г.

Приход

В отличие от других приходов Брагинщины, границы Храковичского прихода отличались постоянством. В его состав помимо села Храковичи входили деревни Чемерисы, Жиличи, Асаревичи, Просмычи, Песочна (она же Новая Гребля) и Целуйки (передана в конце 1870-х в состав Грушенского прихода). Самый

отдаленный пункт находился в 12 верстах. Численность населения прихода постоянно росла:

Год	Количество дворов	В них мужчин	В них женщин
1798	161	647	372
1879		976	1034
1901		1908	1860

На 1 января 1914 г. (в разрезе населенных пунктов), в сравнении с данными на 1 января 1875 г.:

Населенный пункт	на 1 января 1857 г.			на 1 января 1914 г.		
	дворов	мужчин	женщин	дворов	мужчин	женщин
Храковичи	59	172	176	172	692	696
Чемерисы	65	197	222	166	664	620
Просмычи	35	98	121	75	398	305
Целуйки	8	29	37	В составе Грушенского периода		
Песочна (Новая Гребля)	5	19	17	17	69	52
Асаревичи	41	148	152	92	365	356
Жиличи	27	79	95	50	204	208
Всего	240	734	820	572	2292	2237

Кроме этого, на 1 января 1914 г. в приходе проживало 10 еврейских семей (40 мужчин и 25 женщин). Следует отметить, что численность населения значительно возросла не только за счет рождаемости, но и за счет переселения в с. Храковичи на рубеже XIX–XX столетий жителей Черниговской губернии. Ими была основана д. Новые Храковичи, которая и ныне по-местному называется «Заднеп» (т.е. из-за Днепра).

В конце 1990-х гг. в Храковичах был устроен небольшой молитвенный дом. Указом № 329 от 2 декабря 1998 г. епископа Туровского и Мозырского Петра в Храковичи по совместительству командировался настоятель Селецкой Спасо-Преображенской церкви Виктор Игоревич Васюкович, «для душепопечения о православных верующих, согласно их запроса для организации прихода и строительства церкви». Впоследствии верующих окормляли и совершали богослужение в среднем 2-3 раза в год Комаринский настоятель Богдан Иванович Хомин, а с 4 января 2007 г. – Маложинский настоятель иеромонах Иоасаф (Игнатъев). После перехода иеромонаха Иоасафа в декабре 2010 г. во Владимирскую епархию, до 4 марта 2011 г. здесь совершал богослужения Комаринский священник Александр Гуменюк, а с этой даты и до ныне – иерей Ростислав Бондаренко. В декабре 2010 г. молитвенный дом был перенесен в здание, расположенное в центре села. Ныне в нем 2-3 раза в месяц совершается литургия. Антиминс из Мозырской Сергиевской церкви, священнодействован Петром, епископом

Туровским и Мозырским 21 августа 1994 г., а в Храковичи выдан 9/22 мая 2011 г. епископом Стефаном, о чем на антиминсе сделана запись. С 5 января 2017 г. вся территория бывшего Храковичского прихода входит в состав Селецкого прихода, за исключением д. Жиличи, входящей в Маложинский приход.

СЕКЦІЯ

«ВЕЛИКОЕ КНЯЖЕСТВО ЛИТОВСКОЕ И РЕЧ ПОСПОЛИТАЯ (XIV – XVIII ВВ.)»

Типологія укріплених поселень любецької округи у XV–XVIII ст.

Бондар О.М., Чернігівський обласний історичний музей імені В.В. Тарновського, Чернігів, Україна

Історична ситуація у XV–XVIII ст. навколо Любеча була складною. В першу чергу, це було пов'язано з прикордонним становищем цього краю. Постійні військові конфлікти XV–XVII ст. сприяли тому, що тут виникла ціла низка різноманітних за функціональним призначенням укріплених пунктів. На сьогодні в окрузі Любеча нараховується близько 8 значних об'єктів фортифікації.

1. Найбільшим укріпленим пунктом любецької округи був Любеч. Укріплення цього урбаністичного осередку склалися із Замку та міста. Замкові укріплення виникли у XV ст., що засвідчують результати археологічних розкопок на Замковій горі, на місці давньоруського поселення, вірогідно неукріпленого. Археологічно зафіксовано 3 значні періоди існування фортифікацій протягом XV–XVII ст. Укріплена площа замку складала 0,3 га. За планом 1650-х рр. на ньому містилося 10 башт. Укріплення самого міста було побудовані на залишках валів давньоруського часу, склалися з гостроколу та башт, займаючи площу 5 га. У середині XVII – на початку XVIII ст. по схилам міських укріплень були вирізані ронделі та редани. Навпроти Замку на горі Лисиці у 1640-х рр. були вибудовані польові шанці, для прикриття замку з протилежної гори.

2. Укріплення в с. Малий Листвен зведені в кінці X ст. та ототожнюються з літописним Лиственом (1024 р.). У 1630-х рр. на Городищі-1 виникає укріплена садиба, що належала В. Горецькому. Фортифікації у вигляді паркану проходили по периметру давньоруського валу, що зафіксовано розкопками 2012 та 2016 р. З початку XVIII ст. на території городища знаходиться садиба Лизогубів, котра також мала укріплення у вигляді гостроколу або забору по периметру давньоруських валів. Частково роль огорожі виконували споруди, що стояли по периметру городища. Остаточо ці укріплення зникли до середини XVIII ст.

Ще одна укріплена приватна садиба знаходилася в с. Суличівка. На сьогодні тут залишилася мурована оборонна башта, спорудження якої датується не пізніше другої половини – кінця XVII ст. Наприкінці XVIII ст., коли було збудовано церкву Різдва Богородиці, башту перетворили на дзвіницю. Сьогодні башта складається з одного квадратного підземного ярусу та двох восьмигранних наземних, загальна висота башти від рівня сучасної поверхні до склепіння складає 9 м. Товщина стін – від 1,8 до 1,2 м. Знаходиться сама башта на підпрямокутному мисі, що з напільної сторони має сліди дуже замуленої та засипаної канами, вірогідно, залишки рову. Належала садиба старшинській родині Добронизьких. Поряд з баштою зафіксовано рештки ще однієї споруди з мурованим фундаментом.

3. В с. Пакуль в ур. Попова гора знаходяться залишки укріплень, що відносилися до оборонного двору, котрий належав Києво-Печерській Лаврі. Коли саме він виник, точно невідомо. Утім, це сталося не пізніше другої половини XVII ст. Городище знаходиться на підвищенні тераси до 7 м над р. Пакулькою. Згідно опису середини XVIII ст. укріплення двору склалися з рову, що з трьох сторін оточував останець, та по периметру паркану «взамет». До двору вели ворота з двоповерховою надбрамною вежею. Другий поверх вежі опалювався кахляною піччю. Споруди двору розташовувалися по периметру городища, своїми стінами утворюючи оборонні конструкції там, де не було паркану. Так, тут згідно опису були чулани, комори, пекарні та лідник. Вірогідно, що тут збиралася, зберігалася та перероблялася сільгосппродукція, до моменту відправки її в Київ по Дніпру.

Ще один монастирський господарсько-оборонний двір розташовувався в с. Дніпровське (колишнє с. Навози). Згідно опису 1755 р. цей двір складався з огорожі «тином в ставне», келій з чуланом з сіньми. Також на території двору були амбар та конюшня. Вірогідно цей об'єкт згадується й в описі 1765 р. як «двор старый». Локалізується цей двір на городищі літописного містечка Навози. Сьогодні наявні відомості про ще 4 подібні двори. Утім жодного їх опису поки не виявлено, а самі вони не локалізовані.

4. Вздовж Дніпра на кордоні з Річчю Посполитою розташовувалася ціла низка форпостів. Цей кордон виник після Андрусівського перемир'я 1667 р. та існував аж до кінця XVIII ст. Перелік сіл та урочищ, в яких розташовувалися форпости, наводиться у О. Шафонського. Розпочиналися вони від Річиці та закінчувалися біля Києва. Деякі з них вдалося локалізувати.

Городище Онуфрієв скит розташоване за 5 км на південь від Любецького замку на дніпровській терасі в с. Гірки. За формою воно підпрямокутне з добре збереженими валами висотою 2,5 м. Час його спорудження невідомий, утім за топографічними ознаками воно датується XVI–XVII ст., а у 1711 р. воно згадується як старе городище. На жаль, точно ідентифікувати функціональну приналежність цього укріпленого пункту на сьогодні неможливо, імовіріше за все, це був форпост на підступах до Любеча з півдня.

У 1947 р. О. Попком були зафіксовані також городища в селах Миси та Неданчичі. Городище на північ від с. Миси мало неправильну п'ятикутну форму, розмірами приблизно 60–70 на 100–110 м, та розташовувалося прямо на березі Дніпра. Городище в Неданчичах також мало підпрямокутну форму розміром 90(?) на 60 м з округлими довгими боками. Можна допустити, що якраз підпрямокутні городища в Неданчичах, Мисах та Гірках являються залишками згадуваних О. Шафонським форпостів. Утім у 2017 р. городищ в Неданчичах та Мисах вже не виявлено. Вірогідно обидва були знищені після 1950-х рр.

Таким чином, можна зазначити, що питання про соціально-адміністративну типологію укріплених поселень XV–XVIII ст. любецької округи на Лівобережному Подніпров'ї ще не стало предметом окремого вивчення. На сьогодні можна нарахувати 4 типи цих поселень – укріплене місто, укріплена приватновласницька садиба, оборонно-господарський двір та прикордонний форпост.

Література:

1. Бондар О., Волков М., Кондратьєв І. Невідомий малюнок Любеча 1651 р. // Сіверянський літопис. – 2015. – № 4. – С. 44–56.
2. Бондар О. Замки та фортеці Чернігово-Сіверщини у XV–XVIII ст.: ілюстрований довідник. – Київ, 2015. 178 с.
3. Бондар О. Муровані оборонні комплекси на території Чернігово-Сіверщини у XVII–XVIII ст. // Археологія та фортифікація України. Збірник матеріалів V Всеукраїнської науково-практичної конференції. – Кам'янець-Подільський, 2015. – С. 156–162.
4. Вечерський В. Пам'ятки архітектури й містобудування Лівобережної України: виявлення, дослідження, фіксація. – Київ, 2005. – 588 с. іл.
5. Горобець С.М. Заснування і походження назв сіл Чернігівського району. – Чернігів, 2014. – 216 с.
6. Курданов А., Петреченко І. Описи села Пакуль 1755 та 1767 р. // «Пакуль поживемо тут». Збірник статей і матеріалів. – Ніжин, 2010. – С. 20–73.
7. Кондратьєв І.В. Любецьке староство (XVI – середина XVII ст.). – Чернігів, 2014. – 384 с.
8. Попко А. Журнал археологических разведок в районе Чернигова 1947 г. // Науковий архів Інституту археології НАН України. № 147/20.
9. Шафонский А. Черниговского наместничества топографическое описание. – Київ, 1851. – 697 с.

Лосєвське староство наприкінці XVI – першій половині XVII ст.

Кондратьєв І.В., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна

За Люблінською унією 1569 р. територія Київського воєводства, до складу якого входило Любецьке староство, увійшла до складу Королівства Польського. У 1585 р. від Любецького староства було відокремлено Лосєвське, хоча воно і залишалось сателітним, а староста на Любеч та Лосєв призначався лише один. Першим старостою, хто обійняв обидві старостинські уряди – у старостві Любецькому та «новому... Лосєгорському», був О. Вишневецький [1, арк. 2 зв. – 5]. У 1571 р. пройшла перша королівська ревізія Любецького староства, а вже у першій половині XVII ст. Любецьке та Лосєвське староства ревізувалися регулярно [2]. Матеріали королівських люстрацій дозволяють нам зробити спробу провести умовний кордон між Любецьким та Лосєвським староствами (див. рис. 1). Під час проведення королівської ревізії 1571 р. [3, S. 30] Любецьке староство нараховувало 16 замкових сіл (локалізації не піддається лише с. Кошони), з яких чотири (Лосєв, Мохів, Ісаковичі та Позноховичі) у 1685 р. увійшли до складу Лосєвського староства. У матеріалах ревізії 1615–1616 рр. згадано 17 замкових сіл Любецького замку та 8 – Лосєвського. З восьми лосєвських сіл лише села Абакуми, Каменка та Позноховичі знаходились на Лівобережжі, інші – на правому березі Дніпра. Серед службових сіл Любецького староства – на лівому березі були Губичі, Більдухи, Новоселки, Лопатні та Грабів, а 12 сіл – на території сучасної Гомельської області. Люстрація 1622 р.

нараховувала 20 «замкових» населених пунктів у Любецькому старостві (з них 5 – на лівому березі Дніпра, 15 – на правому). Лоевське староство складалось із 8 сіл (5 на лівому березі, 3 – на правому). У подимній тарифі Київського воєводства 1628 р. згадано 11 сіл (з них 6 приналежних до Любецького староства, 5 – до Лоевського). Нарешті, у 1636 р. сім сіл було приналежне до Лоева, 16 – до Любеча (див. рис. 1, табл. 1). Назви більшості згаданих у люстраціях населених пунктів відповідають сучасним назвам, хіба що окрім села Ізбинь. На думку лоевського історика-краєзнавця М. Анісовця, теперішня назва Ізбині – село Переділка. Своєю новою назвою воно завдячує графам Юдицьким, які наприкінці XVIII ст. стали будувати тут свою заміську садибу та переселили сюди кілька сімей з села Сютки.

Описувались у королівських люстраціях також і боярські та зем'янські землі. На жаль, але ці осади ніяк не розділялися люстраторами окремо на Любецькі та Лоевські, та описувалися разом. За нашими підрахунками, з більш ніж 60 боярських земель та островів лише 9 (зокрема, це Котченська, Заостровська, Пісочна (Пясочинська) землі, Меховщизна, Бивалковщина, Бельдянщина) знаходилися на Правобережжі, інші – на лівому березі Дніпра.

Таблиця 1

**Замкові села Лоевського староства
(за матеріалами королівських люстрацій):**

Назва	1571	1615–1616	1622	1628	1636
	Любецьке староство	Лоевське староство			
Лоев	Łoiow				
Ізбинь		Izbin	Izbin	Izbińce	Izbina
Мохов	Mochowo	Mochow	Mochów	Mochow	
Старий Лоев		Łojów stary	Stary Łojów		Łojów stary
Ісаковичі	Sakowicze	Isakowicze	Isakow		Izakowiec
Поповичі		Popowczy	Popowe	Popowce	Popowice
Абакуми		Abakumy	Abakumy		Abakuni
Позноховичі	Poznikow-icze	Poznochow-icze	Poznopoly	Poznochow-icze	Poznóhow-iec
Каменське (Каменка)		Kamienskich	Kamienskie	Kamieńska	Kamieńsko

У 1632 р. за королювання Владислава IV розпочалася чергова війна з Московською державою. Поляновський мирний договір 1634 р. закріпив територію Чернігово-Сіверщини у складі Речі Посполитої. Незабаром Московська держава певним чином компенсувала втрату Чернігово-Сіверщини: 1646 р. Москві був повернутий Трубчевськ з навколишніми землями, які раніше належали Великому князівству Литовському. Щоб уникнути внутрішнього конфлікту з Литвою, Варшавський сейм 1646 р. ухвалив інкорпорацію Любецького та Лоевського староств до Стародубського повіту Смоленського воєводства Великого князівства Литовського [4, с.291; 5, с.145].

У середині XVII ст. дрібна шляхта Любецького та Лоевського староств взяла активну участь у Національній революції українського народу. Уже у серпні 1648 р. козаки оволоділи Лоевом, другим після Любеча містом Любецької околиці, а незабаром і самим Любечем [6, с. 9–12; 7, с. 17]. У 1648 р. були створені Любецька та Лоевська сотні, але незабаром Любеч був захоплений литовською армією і до 1654 р. був її опорною базою на Лівобережжі. Лоев – друге за значенням місто Любецької околиці, яке після 1656 р. залишилось у складі Великого князівства Литовського і увійшло до Речицького повіту Мінського воєводства, а після утворення нової адміністративної системи Гетьманської держави Любецьке староство, у свою чергу, виявилось розподіленим між кількома сотнями Чернігівського полку.

Джерела та література:

1. Центральний державний історичний архів України у м. Київ, КМФ. 36, оп. 1, спр. 197. Волинська метрика. Книга РМ 8 (1583–1585, 1588–1593, 1595–1598, 1600, 1601, 1603 pp.), 147 Арк.
2. Кондратьев І. В. Спроба локалізації кордонів Любецького та Лоевського староств у XVI – першій половині XVII ст. // «Беларусь і суседзі: гістарычныя шляхі, узаемадзеянне і ўзаемаўплывы»: зборнік навуковых артыкулаў. – Гомель, 2010. – С. 29–36.
3. Jablonowski A. Polska XVI wieku pod wzyledem Geograficzno-statystycznym / Źródła dziejowe. Т. XX. – Warszawa, 1894.
4. Василенко Н.П. Правне положення Чернігівщини за польської доби // Чернігів і Північне Лівобережжя. Огляди, розвідки, матеріали. – Київ, 1928.
5. Крикун М. Адміністративно-територіальний устрій Правобережної України в XV–XVIII ст. Кордони воєводств у світлі джерел. – Київ, 1993.
6. Кондратьев І.В., Кривошея В.В. Нариси історії Чернігівщини періоду козацтва: Любеч. – Київ, 1999.
7. Мицик Ю. З нових документів про національно-визвольну війну українського народу (1648–1658 pp.) на Сіверщині. Частина 2 // Сіверянський літопис. – 1998. – № 6. – С. 16–26.

Рис. 1. Лоєвське староство за матеріалами королівських люстрацій першої половини XVII ст.

Привілей на магдебурзьке право Лоеву від 3 серпня 1576 р.

Білоус Н.О., к.і.н., Інститут історії Національної академії наук України, Київ, Україна

Привілей на магдебурзьке право Лоеву можна вважати цікавою архівною знахідкою, з огляду на малочисельність збережених джерел литовсько-польської доби для цього регіону. Цей документ є важливою і унікальною знахідкою для історії міста: підкреслює його виняткову роль і значення з огляду на відсутність подібних привілеїв у сусідніх міст. Досі він не був опублікований і запроваджений до наукового обігу.

Термін «Привілей» походить від лат. *Privilegium*; нім. *ein Privileg, Ausnahmegesetz, Vorrecht* – це виключне право, перевага будь-якого міста, головні і найважливіші документи в його історії. В них відображені проблеми, що визначали політичний, економічний, соціальний розвиток міста; вони надавалися володарями держави і підтверджувалися в разі потреби на прохання міської громади або власника міста.

Цікавими є обставини і місце видачі лоевського привілею. На відміну від більшості тогочасних документів, зафіксованих у книгах королівської канцелярії, він написаний не латиною чи польською мовою, а кирилицею. На початку була зазначена мотивація його надання, а наприкінці – місце і дата видачі: «дан в Ливе, 3 августа 1576 року». Палеографічний аналіз документу показує, що це є оригінальна незасвідчена копія кінця XVI ст. з пергаментного привілею, який не зберігся до нашого часу. Його копія походить з Архіву князів Сангушків, який тепер зберігається у Державному архіві Польщі в м. Краків.

Привілей був наданий польським королем Стефаном Баторієм у перший рік його правління. Коронований у Кракові 1 травня 1576 р., він зі своїм двором у липні того ж року перебував у Мазовії і Підляшші, а потім на початку серпня зупинився в Станіславові і повернувся у Варшаву. У той час він видав низку привілеїв різним містам як Корони Польської, так і Великого князівства Литовського. Так, зокрема, 1 липня 1576 р. король видав підтверджуючий привілей на магдебурзьке право білоруському містечку Лосичі (нині деревня Пінського р-ну Брестської обл.), а 3 серпня надав привілей Лоеву. Місце видачі цього привілею – містечко Лів (теперішнє село Венгровського повіту Мазовецького воєводства у Республіці Польща), у XVI ст. був судово-адміністративним центром Лівської землі Мазовецького воєводства. У лівському замку відбувалися гродські і земські суди. Лів користався з вигідного географічного розташування, оскільки знаходився на кордоні двох держав – Корони Польської і Великого князівства Литовського, на торговому шляху, вважався важливим осередком транзитної торгівлі і ремесла. У 1572 р. Лів належав до категорії міст, де могли відбуватися вибори королів, тому не було нічого дивного у тому, що король зі своєю канцелярією зупинився саме у цьому населеному пункті.

Ініціатором та отримувачем магдебурзького привілею для Лоева був Павло Іванович Сапега – представник родини Сапег (власники гербу Лис), син Івана Сапегі і Анни Сангушко. З 1560 р. він був старостою прикордонного Любецького староства, що входило у той час до складу Київського воєводства. З 1562 р.

перебував у шлюбі з Анною Ходкевич, з якою мав синів: Яна Петра і Павла та дочок – Софію, Єлизавету і Анну. У березні 1566 р. Павло Сапега отримав уряд київського каштеляна. У 1569 р. після інкорпорації Київського воєводства до складу новоствореної Речі Посполитої він став сенатором, але продовжував діяти в інтересах Великого князівства Литовського. Брав участь у Лівонській війні, помер у 1580 р., похований у церкві в м. Лейпуни.

Надання привілеїв на магдебурзьке право було складовою урбанізаційного процесу, що відбувався у містах Центрально-Східної Європи протягом XIII – XVI ст. Варто зазначити, що до підписання Люблінської унії 1569 р. урбанізація на теренах Великого князівства Литовського проходила уповільненими темпами. У післяунійний період стався справжній колонізаційний бум, який був викликаний передусім господарською активністю місцевої еліти – князів і шляхти, які будували нові замки, слободи, створювали умови для залюднення містечок. Понад 200 міст, які постали у Київському воєводстві на зламі XVI і XVII ст. – досить показова цифра, яка наочно свідчить про успішний перебіг цього процесу. І хоча переважна частина цих містечок не мала більше 100 дворів (600-700 осіб), вони ставали тими осередками, навколо яких концентрувалося суспільне і господарське життя. Близько третини з них користувались магдебурзьким правом. Від міст центральноєвропейського регіону їх відрізняла відсутність німецької колонізації, просторова, архітектурна і значною мірою соціальна неперервність розвитку. Чимало нових містечок постало на місці старих давньоруських поселень і городищ, відповідно, мали самобутній розвиток, що було притаманне і Лоеву.

Варто зазначити, що далеко не всі тогочасні міста отримували привілеї на магдебурзьке право. Усе залежало від ініціативи і зацікавленості місцевої адміністрації і міської громади у королівських містах, або від волі власника у приватних. Наприклад, Чорнобиль, який перевищував за кількістю населення тогочасний Лоев, не мав такого привілею. Подібно до інших міст-замків, мешканцям Чорнобиля надавалися привілеї на різні «вольності»: у лютому 1581 р. та грудні 1582 р. на 10 років. В обох цих королівських листах неодноразово підкреслювалося, що Чорнобиль є важливим прикордонним містом і тому «мещан сиих, которые на томъ местцу на пограничю будучы, перестерегаючи свою крепость... от неприятеля», звільняли від сплати мита, гребельного, мостового та деяких інших податків. Незалежного міського самоврядування чорнобильські міщани так і не отримали.

З огляду на прикордонний статус Любецького (від 1585 р. – Любецько-Лоевського) староства, однією з найважливіших функцій міст була оборонна. Королівська влада, декларуючи своє зацікавлення і потребу у колонізації нових земель та будівництві оборонних споруд, не мала на це достатніх коштів. З тієї причини її участь у цих процесах обмежувалася заохоченням місцевої адміністрації та приватних ініціатив. Король Стефан Баторій та його наступник Зигмунт III чинили спроби передати незаселені землі «заслуженим особам» за військові заслуги. Однак, їхні дії викликали спротив сейму, який неохоче погоджувався на передачу таких земель у приватні руки, тому пріоритет надавався прохачам від місцевих адміністрацій, чим власне і скористався Павло Сапега.

При заснуванні кожної міської осаді належало, в першу чергу, врахувати усі можливості і потребу захисту від частих нападів татарських загонів, а також потенційну загрозу з боку Московської держави. Тому закладення нового міста розпочинали з будівництва замку. Локаційні привілеї не дають можливості прослідкувати цю тенденцію. За браком міських книг такі згадки вдалося віднайти в гродських книгах, де зафіксовано інформацію про те, що майже у кожному більш-менш значному містечку Київського воєводства знаходився замок або «замочек», будувалися фортифікаційні споруди. Такий же замок побудували і в Лоеві, про що зазначалося в його привілеї:

«Иж мы хотячи местца пустые пограничные людми осадити и тое старство нашо Любецкое способнейшее и безпечнейшее учинити, позволили и злецили есмо урожоному Павлови Сопезе, кашталянови киевскому, старосте нашому любецкому и перевалскому, на кгрунте нашом влостномъ названомъ Лоевомъ городищу, которое лежитъ от замку нашего Любецкого в пяти милях на шляху татарскомъ, замockъ будовати и место осажати».

Отже, нове місто закладалося на старому Лоевому городищі, в п'яти милях від центра старства – Любеча.

У лоевському привілеї не конкретизуються умови, за якими мало організовуватися міське життя. Король покладав усе це на Павла Сапегу:

«Якож позволяемъ тымъ теперешнимъ листомъ нашимъ всимъ воецъ подданымъ панствъ нашихъ тамъ на томъ местцу Лоевомъ городищу оседати и будуватися, водле порадуку иныхъ местъ нашихъ, яко будетъ назначено черезъ того ж кашталяна киевского, старосты любецкого».

Королівська влада створювала сприятливі умови для пожвавлення колонізаційного процесу, що проявлялося зокрема в наданні жителям нових поселень, особливо прикордонних міст, податкових пільг та різних вольностей, так званої «вольнизни» від сплати чиншу на кілька років. Жителям Лоева надавалися такі вольності на 12 років, з правом відбування вільної торгівлі і шинкування спиртними напоями, щоб максимально зацікавити місцеве населення і заохотити прибульців осідати і будуватися в Лоеві:

«Которымъ всимъ людемъ и подданымъ нашимъ, которые бы тамъ на томъ местцу и кгрунте осадити хотели и осели, даемъ вольности на дванадцат год от всякихъ чинжовъ, податку и повинностей, капщизнь, чопового и всякого мыта, цла и поборовъ нашихъ такъ, иж тые вси подданые наши, которые бы на томъ местцу и кгрунте Лоевомъ городищу осели, не будутъ повинни тыхъ всихъ вышей помененныхъ податковъ и повинностей чинити, полнити и отдавати, але вольно всякими речами и куплями, якимъ-колвекъ именовъ назваными, гандлевати и купчити, торговати, корчмы медовые, пивные и горельчаные мети, и в нихъ всякимъ напоемъ шинковать безъ даванья капщизнь, чопового и всякого податку аж до выйстья тое вольности от насъ имъ даное».

При заснуванні нових поселень значна увага приділялася організації торгівлі та ремесла. В усіх без винятку привілеях на магдебурзьке право містився дозвіл на запровадження ярмарків і торгів. Найбільш поширеним варіантом було надання двох ярмарків. У Лоеві запроваджувався лише один щорічний ярмарок на свято

Петра і Павла (мабуть з огляду на малочисельність міста на той час), а також щотижневий торг по вівторках.

Як правило, мешканці таких містечок отримували дозвіл на будівництво споруд різного призначення – крамниць, ваги (для зважування товарів), постригальні, лазні та ін. Однак далеко не всім дозволялося будувати ратушу та заводити міські судові книги. Найпоширенішою практикою було проведення судочинства в замку. Ще менша кількість містечок отримала право мати міську печатку та герб міста. У лоевському привілеї зазначалося лише те, що магдебурзьке право надавалося за прикладом інших прикордонних міст. Судочинство мали відправляти перед вйтом, очевидно таки в замку, про будівництво ратуші у привілеї не йшлося:

«Надаемъ тежъ им в томъ месте право майдемборское по тому, яко въ иных местах наших пограничныхъ есть надано. Мають ся они сами также и гостей приездчихъ перед войтомъ своимъ о всякие речи судити, водлугъ права и порядку иных местъ наших вечными часы».

Тобто, згідно з привілеєм мешканці міста мали взоруватися на сусідні прикордонні міста, які на той час мали магдебурзьке право, але таких міст було обмаль.

Привілей 1576 р. сприяв розвитку міста, про що зокрема свідчать статистичні дані: якщо в 1571 р. Лоев мав лише 3 дими (тобто три домогосподарства) і статус села, то через 30 років – у 1606 р. за даними люстрації Київського воєводства – у ньому нараховувалося 186 димів (або домогосподарств) і волость з 8 селами. Ці цифри красномовно свідчать про бурхливий розвиток міста після надання королівського привілею.

Отже, значення магдебурзького привілею для Лоева було величезне – це була необхідна правова основа і значний поштовх для подальшого його розвитку. Жителі Лоева отримали самоврядування на засадах магдебурзького права і чимало пільг та вольностей економічного характеру. Сьогодні мешканці Лоева можуть пишатися тим, що їхнє місто колись належало до європейської правової сім'ї, яка об'єднувала тисячі міст, що користувались магдебурзьким правом, і розвивалось на засадах європейського міського права.

К проблеме локализации и интерпретации замчища на Лоевой Горе

Тимофеевко А.Г., Институт истории Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

В отечественной исторической и археологической литературе незаслуженно забытыми оказались средневековые малые города и замки, которые строились, как правило, на пересечении водных, сухопутных путей и в большинстве своем выполняли функции крепостей-застав. Лоев был одним из подобных населенных пунктов. Его значение заключалось в том, что он контролировал 2 стратегических направления: водное – днепровский путь и выход из р. Днепр в р. Сож, сухопутное – переправу через р. Днепр, с территории Днепровского Левобережья, на север.

Примерно в 1,5 км севернее Лоевского замчища находится селище, датируемое X – XI вв. (открыто А.И. Штеменко в 1994 г.). Оно было частью микрорегиональной инфраструктуры и также «запирало» устье р. Сож и путь по р. Днепр. Переправа через р. Днепр располагалась на мелководье в урочище Татарский Брод, в 1,2 км к югу-юго-западу от замка, около устья небольшой р. Витачь. В литературе до XVII в. топоним Лоева Гора ассоциировался с крепостью – переправой через р. Днепр. Около переправы на террасе в 2004 г. было открыто большое поселение эпохи Древней Руси. К XVII в., времени расцвета Лоева, границы города достигли северного берега р. Витачь, и необходимость в наличии отдельного поселения исчезла.

Замчище, расположенное на Лоевой Горе, очевидно, возникло в конце X – начале XI вв., по утверждению М.А. Ткачёва – на месте городища раннего железного века, и большую часть своей истории существовало как форпост. Оно занимало мыс, примыкающий к обрывистому берегу р. Днепр в устье р. Лоевки (восточная и южная стороны), с севера и запада замчище ограничивали искусственные ров и вал. Предварительно вычисленные размеры замчища до рва составляют около 30–32 м по линии 3-В, по линии С-Ю сохранилось 23–28 м площадки. Судя по приведенным размерам, можно утверждать, что при возведении Дома Культуры был срезан фрагмент площадки городища, необходимый для получения ровной строительной площадки, но не большая его часть, как считалось ранее. Судя по топографическим картам середины 1970-х гг., территория замчища не доходила до р. Лоевки (ныне – овраг вдоль ул. Советской), а заканчивалась валом и рвом в районе проезжей части современной ул. Шевелева. Судя по план-схеме М. А. Ткачёва, сделанной им в ходе работ 1983 г., берег р. Лоевки он принял за искусственно устроенные городские оборонительные сооружения. Именно поэтому его городище имеет форму полукруга диаметром около 125 м, за которым он идентифицировал застроенный ров глубиной более 2 м и шириной более 8 м [1, с. 373; 2, с. 113–114].

В Институте истории НАН Беларуси хранится небольшая коллекция керамики, собранной в ходе разведок экспедиции Белорусской академии наук 1936 г. под руководством А.Н. Лявданского и А.Д. Ковалени и снабженная подписью «25 августа. Лоев. Попова Гора». По причине утраты документации во времена Великой Отечественной войны, соотнести место сбора керамики с конкретной территорией сейчас невозможно.

В ходе работ 2004–2005 гг. на позднесредневековом замчище было разработано 4 шурфа, подъемный материал собран как на территории замчища, так и на берегу р. Днепр, непосредственно у воды. В 2015–2016 гг. было проведено археологическое наблюдение за работами на центральной площади, заложены 2 траншеи и раскоп на замчище. На площади вскрыты речные отложения, которые находятся сразу под слоем конца XIX – XX вв., зафиксировано наличие кладбища на террасе, часть которого была срезана во время устройства площадки для установки военной техники. Частично нарушенное погребение, предварительно датируемое XIX – XX в., обнаружено при перестройке подпорной стенки с севера от площадки. Глубина залегания костяка относительно современной дневной поверхности (уровень «смотровой площадки») составила 1,5 м. *Данная глубина*

совершения погребения является оптимальной и свидетельствует об отсутствии подрезки дневной поверхности в ходе многочисленных перепланировок территории замчища.

Непосредственно от южного края замчища, начиная от северного края бугра – закопанного пожарного резервуара, были разработаны 2 траншеи длиной 11 и 16 и шириной 1 м, ориентированные с юга на север. Во второй траншее, которая отстояла от современного южного края мыса замчища на 19–22 м, выявлен огромный перекоп глубиной более 1,8 м и шириной 7–8 м, с почти вертикальной южной стенкой, предварительно интерпретированный нами как ров первоначального городища, который к XVII в. был не только засыпан, но и застроен.

Раскоп площадью 69,2 м² стал продолжением траншеи в северном направлении. Он находился в непосредственной близости к объекту, истолкованному как ров городища (детинца). Основные культурные напластования в раскопе относятся к XVII–началу XIX вв. и лежат непосредственно на материке – желтом песке. Часть неглубоких материковых ям датирована XII–XIII вв. В толще слоя в переотложенном состоянии встречается достаточное количество вещей XII–XIII вв. и единичные находки XIV–XVI вв. На изученном участке в XVIII в. находилась жилая наземная постройка с печью с каменным основанием. В конструкцию постройки (фундаментные ленты) входили кирпичи, использованные вторично.

На протяжении веков городище (замчище) на Лоевой Горе и его укрепления несколько раз разрушались и перестраивались. Тот факт, что культурный слой эпохи Древней Руси и времен Великого княжества Литовского на замчище и прилегающей к нему территории почти не сохранился, свидетельствует о перемещениях больших объемов земли после этого времени. Этот факт можно связать с записью в завещании старосты Любечского и Лоевского Павла Сапеги о том, что между 1560–1580 гг. он «власным накладом своим замок и место на Лоевой горе на шляху татарским заложил» [3, S. 228]. С большой долей уверенности можно констатировать, что по указу Павла Сапеги была перепланирована центральная часть города, срыты средневековые городские укрепления, ранние культурные отложения были перемещены, вероятно, в сторону берега р. Лоевки (на запад). Сейчас мощность напластований растет по направлению с востока на запад, от берега р. Днепр к берегу р. Лоевки.

В 1576 г. населенный пункт с названием Лоева Гора получил Магдебургское право [4]. С этого момента в документах фигурировало 2 населенных пункта: Лоева Гора и деревня Старый Лоев, в которой зафиксировано самое большое количество дворов в Лоевском старостве (Инвентарь 1615–1616 гг. [3, S. 34; 5, С. 58]). Данный казус можно объяснить тем, что локация (выделение земель, относящихся к населенному пункту, имеющему Магдебургское право) была проведена в отношении только части населенного пункта, за которой было закреплено название Лоева Гора. Такая интерпретация данных сведений уместна, так как археологический культурный слой XVI–XVIII вв., времен наибольшего расцвета города, вдоль берега р. Днепр распространен почти в границах современного Лоева.

Итак, сопоставив отрывочные сведения, можно получить следующую картину:

– до сьогодняшнього дня збереглася більша частина території городища (детинця);

– непереотложенні культурні напластовання древнеруського часу поки не виявлені, однак зібрано достатнє кількість артефактів цього часу;

– в шарі знаходяться єдиничні артефакти XIV–XVI вв.;

– во другій половині XVI в. Павел Сапега провів роботи по переплануванні та перестроїці міста, в ході яких, серед іншого, була змінена його топографія;

– житлові споруди XVII–XVIII вв. стояли на місці колишніх міських укріплень, основна лінія оборони к цьому часу була перенесена приблизно на 250 м північніше, во багато раз збільшив корисну площу фортеці.

Істочники та література:

1. Археологія і нумізматыка Беларусі. Энцыклапедыя. – Мн., 1993. – 702 с.
2. Ткачоў М.А. Замкі і людзі. – Мн., 1991. – 184 с.
3. Bobinski W. Wojewodztwo kijowskie w czasach Zygmunta III Wazy: stadium osadnictwa i stosunkow własności ziemskiej. – Warszawa, 2000. – 599 s.
4. Belous N. Wprowadzenie prawa magdeburskiego w miastach województwa Kijowskiego pod koniec XV – w pierwszej połowie XVII w. // Krzysztofory. – Krakow: Muzeum Historyczne miasta Krakowa, 2009. – Т. 26. – S. 131–142.
5. Пашкевіч У. Да пытання аб уладальніках Лоева ў XVI–XVIII стст. // Гісторыя Лоеўскай зямлі. Факты. Каментарыі: матэрыялы міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, прысвечанай 500-годдзю ўтварэння г.п. Лоеў. Лоеў, 20 кастрычніка 2005 г. / ГДУ імя Ф. Скарыны. – Гомель, 2006. – С. 57–61.

Судочинство за магдебурзьким правом у містах Чернігово-Сіверщини в XVII ст.

Доманова Г., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна

Як відомо, на середину XIV ст. Чернігово-Сіверські землі втратили свою політичну самостійність, а протягом наступних двох століть поперемінно входили до складу Литви й Московського князівства. На початку XVII ст. Чернігово-Сіверщина частково повернулася до Речі Посполитої, яка за короткий час спромоглася запровадити там нові форми правління та судочинства. Насамперед стратегічно-важливі міста даного регіону (Стародуб, Чернігів, Ніжин, Мглин) у 20-х рр. XVII ст. отримали привілеї на магдебурзьке право і були звільнені від влади й суду над міщанами державців, намісників і воєвод, вони одержали самоуправління, податковий та судовий імунітет. Магістрати поставали як адміністративно-судові установи.

На думку О. Кістяківського, практичними посібниками у магістратських судах Лівобережжя у XVI – першій половині XVII ст. були кодекси Бартоша Гроїцького та Павла Щербича [1, с. 405–408]. Праці Б. Гроїцького були написані польською мовою, що значно вплинуло на поширення магдебурзького права на теренах Речі Посполитої. Вони мали практичне застосування в адміністративній та судовій

системі магістратських міст, а також були підручниками права, маючи науково-популярний характер [6, с. 99]. Найпопулярнішим трактатом Б. Гроїцького став «Порядок судів і справ міських права магдебурзького» («Porzadek sadow i spraw miejskich prawa majdeburzkiego»), виданий у 1559 р. У тому ж таки XVI ст. він зазнав п'ять перевидань, у XVII – 4, останнє ж видання побачило світ у 1760 р. [3, с. 92–93]. Традицію Б. Гроїцького щодо відтворення джерел магдебурзького права польською мовою продовжив П. Щербич. У 1581 р. він видав дві праці: «Саксонське зеркало або саксонське і магдебурзьке право, зібране в алфавітному порядку з латинських і німецьких зразків і точно та старанно перекладене польською мовою» («Speculum Saxonum albo prawo Saskie i Majdeburskie porzadkiem obiecadla z lacinskih i niemieckich egzemplarow zebrane, a na polski jezyk z pilnoscia i wiernie przelozone») та «Муніципальне право, тобто міське магдебурзьке право, заново старанно і вірно перекладене з латинської та німецької на польську мову» («Jus Municipale to ies prawo miejskie Majdeburskie nowo z lacinskiego i z niemieckiego na polski jezyk z pilnoscia i wiernie przelozone») [6, с. 96; 3, с. 93].

Внаслідок Української національної революції середини XVII ст. у сфері судочинства відбулися суттєві зміни. Царський уряд, визнавши чинність магдебурзького права, тим самим санкціонував використання старих «законних» книг. Як зазначив Д. Багалій, «нових не було, й про зложенне їх ніхто навіть не думав: ані самі міщани, ані гетьманський уряд, ані, розуміється, центральне московське правительство» [1, с. 407]. У магістратських судах поряд із німецькими «законними» книгами діяв Литовський Статут. У разі необхідності вони доповнювали один одного, хоча між ними були і певні протиріччя. Поступово Статут, Саксон та Порядок стверджувалися у судовій практиці міст Чернігово-Сіверщини. Статус міст Гетьманщини, які мали магдебурзьке право, регулювався збірниками М. Яскера¹, Б. Гроїцького та П. Щербича. Значна ж роль у врегулюванні правовідносин також належала рішенням магістратських судів і нормативним актам органів влади Гетьманщини [6, с. 348].

У другій половині XVII – першій половині XVIII ст. почали з'являтися переклади «правних книг» на «доступный русский язык», але вони були слабким відображенням «той редакционной деятельности, которая господствовала в Польше» [2, с. 250]. Гетьман І. Скоропадський універсалом від 16 травня 1721 р. наголошував на необхідності здійснити переклад «правних книг» на «руское наречіе» [7; 4, с. 145].

Використання згаданих збірників магістратами українських міст засвідчила Кодифікаційна комісія, яка взяла їх за основу в процесі впорядкування відповідних розділів «Прав, по которым судится малороссийский народ» [3, с. 95]. Хоча «Права» не були санкціоновані верховною владою і не набули юридичної сили, насамперед тому, що передбачали автономний статус Гетьманщини, вони значною мірою відобразили юридичні норми, що побутували на Лівобережній Україні у другій половині XVII – XVIII ст. [4, с. 163–164].

¹ М. Яскер – краківський міський писар, автор латинського перекладу магдебурзького права та «Саксонського зеркала» разом із глосами (1535 р.). Його твори використовували Б. Гроїцький та П. Щербич.

Кодекс містить окремі розділи «О магистрате или уряде гродском упривиліюваных и других, менших городов, о судах их градских и о других должностях» [12, с. 452–461]. Як зауважив Д. Багалій, «зладжений він головно на основі Порядка й Саксона (причому переважають відкликування до першого з них), є в них одначе й місця зі Статуту» [1, с. 415]. Підрозділи «О суде магистратовом или градском» та «О почитании в суде градском судовых и приходящих персон, також и о штрафе за непочтение» дозволяють реконструювати організацію міського суду.

До його компетенції належав розгляд цивільних та кримінальних справ. Позов до міського суду міг подати як міщанин, так і представник іншого стану, однак одна із сторін обов'язково мала бути підвідомчою магистрату. У засіданні магистратського суду в разі, коли одну із сторін представляв козак, брали участь представники сотенної або полкової канцелярії [2, с. 251; 14, с. 21]. Магдебурзьке право визначало функції міських урядовців, відтак цивільно-адміністративні справи розглядали бурмистри та райці, кримінальні – вїйт і лавники. Натомість у «Правах» вказано, що в суді мають засідати всі урядовці на чолі з вїйтом «в полном ли числе оных или не в полном, только б в магистрате от пяти ... персон меньше не было» [12, с. 453].

Склад магистратського суду змінювався в залежності від статусу позивача та характеру справи. Складність справи впливала на кількість магистратських урядовців, які приймали участь у засіданнях суду, та наявність козацької старшини. Функції лавників могли виконувати райці. Суд мав засідати щодня крім свят «по всяким челобитчским и криминальным делам, следуя оныя надлежащим правным порядком». Однак, «для отправления самонужнейших и времени нетерпящих дел» суд міг зібратися і у вихідні дні.

Характер та зміст цивільних і кримінальних справ, що розглядалися магистратами, засвідчують записи у міських актових книгах. У них акуратно протоколювалося все, що відбувалося в суді: розгляд судових позовів, допити свідків, винесення вироків. Міський суд найчастіше розглядав такі категорії цивільних справ, як суперечки за землю, спадщину, розподіл рухомого і нерухомого майна, стягнення боргів тощо.

Наприкінці XIX – на початку XX ст. зусиллями Д. Міллера, М. Плохинського, В. Модзалевського та О. Лазаревського були оприлюднені «поточні» справи Стародубського магистрату за 1690–1722 рр., витяги із Стародубської міської книги 1664–1673 рр., актова книга Стародубського магистрату 1693 р., витяги з Ніжинських магистратських книг 1657–1674 рр. [8; 9, с. 1–121; 10, с. 1–37; 11, с. 1–66]. Вони містять матеріали цивільних та кримінальних справ, а також нотаріальні записи, протоколи окремих судових засідань.

На певну увагу заслуговують кримінальні справи. Смерть вважалася найсуворішим покаранням, а звичайними формами страти були відсічення голови мечем та повішання [13, с. 121], могли застосуватися тортури, «присмалюванне» розпеченим залізом [1, с. 436]. Литовський Статут відзначався середньовічною жорстокістю. Відтак, під час розгляду кримінальних справ, особливо вже наприкінці XVII – XVIII ст. можна побачити прояви звичаєвого права. У передмові до видання «Прав» О. Кістяківський зауважив, що звичай був не лише джерелом

Зводу законів, з якого були запозичені деякі положення, його було визнано «тем неписаним правом вообщє, к которому судьи должны обращаться, когда писанное право не дает на данный случай ответа» [12, с. 107]. На це звертав увагу Д. Багалій, зазначаючи, що «будучи судьями сумління й переконання, вони, природна річ, готові були прихилитись на сторону звичаю в тім випадку, коли між ним і законом траплялись незгода» [1, с. 436].

У судових постановах Ніжинського магістрату другої половини XVII ст. під час розгляду кримінальних справ маємо посилення на Литовський Статут, «Саксонське зеркало» та «Порядок». Відтак, 9 травня 1657 р. ніжинський магістратський суд у складі лентвіта О. Цурковського, а також «при битности панов Самойла Сухопаренка, судде, Григорию Кобилецкому, атамане, Кононе Мазниченку, асауле, зсланих од его милости пана Григория Гуляницкого, полковника нежинского, и при пану Петру Забеле, сотнику борзенскому» слухав справу за позовом прочан Ониса Максимовича, Тимофія Гриненка та інших на циган Василя, Івана та Остапа з приводу крадіжки ними коней «з ночлегу за Борзною» [11, с. 14]. Вислухавши доводи обох сторін, «добре уваживши», магістратський суд скористався постановами Литовського Статуту, «о циганах писаного, прихилиючисе». Крадії були засуджені до смертної кари через повішання. Смертний вирок було виконано, про що зроблений запис.

1 червня того ж таки 1657 р. розглядалася справа про згвалтування заміжньої міщанки Вовди Панасівни Василем Волошиним та Татарченком. Під час оголошення вироку міський суд апелював до 22-го артикулу 11-го розділу Литовського Статуту та 165-ї карти «Саксонського зеркала» і засудив гвалтівників до смертної кари, «по присяженю на горле мечем карать декретом всказал». Але після оголошення смертного вироку потерпіла сторона оскаржила його, вимагаючи матеріального відшкодування. Суд «ведлуг права в порядку права меского на карте 132-ой описаного» замінив смертну кару тілесним покаранням. Гвалтівникам, «забегаючи злой распусты», мали відрізати по одному вуху та «в полку тутейшом не в кого и ништо их передержовать под горловим скаранем, не важилсе» [11, с. 25]. Втім, у 1693 р. Стародубський магістрат засудив І. Тарасова за згвалтування своєї дочки до смертної кари, зазначивши при цьому: «жеби при зобраню народа под час ярмарковий на пострах иним бил оний казиродник сегож числа мечем стятий» [5, с. 387; 13, с. 120].

Стародубський магістрат 4 травня 1674 р. у Ніжинському магістраті слухалася справа про забиття через пияцтво на смерть «шаблею» козака магістратського села Хороше Озеро Сидора Стрійциха [11, с. 65–66]. Заяву до суду на козака Гаврила Тарасенка подала дружина загиблого, в якій клопоталася лише про матеріальне відшкодування для своїх дітей-сиріт. Вона звернула увагу на те, що її покійний чоловік, «сходячи с сего света», пробачив при свідках свого «забойцу» Г. Тарасенка та просив про його помилування. На суді Г. Тарасенко визнав свою провину, зазначивши, що між ним та загиблим стався спір, який призвів до бійки. Скоєний ним злочин є ненавмисним. Втім, у винесенні вироку магістратський суд посилався на 3-й артикул 15-го розділу Литовського Статуту та засудив «забойцу на смерть», а також зобов'язав його сплатити зі свого майна вдові «головщицну» у розмірі

150 золотих. На жаль, суд не взяв до відома слова загиблого та позивачки, удови Феньки Сидорихи, щодо зміни виroku, а керувався лише буквою закону. Під час слухання даної справи у магістраті окрім ніжинського вйта О. Цурковського, «рочного» бурмістра Д. Шмерлевича, райців та лавників, «сего року на справах меских заседаючими», були присутні полковий суддя Ф. Завадський, городовий отаман В. Гуменський, полковий обозний Матвій Матвійович та козаки. Подібні справи зазвичай розглядалися лише у присутності козацької старшини та завершувалися винесенням смертних виrokів.

Загалом, до магістратів надходили найрізноманітніші за характером судові позови як від магістратських підданих, так і представників козацького стану, вйськових, які протоколювалися в міських актових книгах.

Джерела та література:

1. Багалій Д. Магдебурзьке право на Лівобічній Україні // Розвідки про міста і міщанство на Україні-Руси в XV–XVIII в. – Львів, 1904. – Ч. 2. – С. 386–442.
2. Багалей Д. Магдебургское право в городах Левобережной Малороссии // Труды Десятого Археологического съезда в Риге 1896. – М., 1899. – Т. 1. – С. 245–255.
3. Гошко Т. Нариси з історії магдебурзького права в Україні XIV–XVII ст. – Львів, 2002.
4. Гуржій О. Українська козацька держава в другій половині XVII – XVIII ст.: кордони, населення, право. – Київ, 1996.
5. Дядиченко В.А. Нариси суспільно-політичного устрою Лівобережної України кінця XVII – початку XVIII ст. – Київ, 1959.
6. Кобилецький М. Магдебурзьке прав в Україні (XIV – перша половина XIX ст.): Історико-правове дослідження. – Львів, 2008.
7. Лазаревский А. Универсал гетмана Скоропадского о переводе «книг правних» на малорусский язык // Киевская старина. – 1887. – № 9. – С. 788–799.
8. Миллер Д.П., Плохинский М.М. Стародубского магистрата книга справ поточных (1690–1722) // Сборник Харьковского историко-филологического общества. Т. 6. – Харьков, 1894. – С. 259–274.
9. Модзалевский В.Л. Актовая книга Стародубского городского уряда 1693 г. – Чернигов, 1913.
10. Модзалевский В.Л. Отрывки из Стародубской меской книги за 1664–1673 гг. – Чернигов, 1911.
11. Отрывки из Нежинских магистратских книг 1657–1674 годов / Под ред. А. Лазаревского. – Чернигов, 1887.
12. Права, по которым судится малороссийский народ. 1743. – Киев, 1879.
13. Резніков А.В. Магдебурзьке право: українські варіації на тему європейських традицій (історико-правовий нарис): Монографія. – Луганськ, 2006.
14. Швидько Г.К. Органи міського самоуправління Гетьманщини та особливості документації їх канцелярій // Наукові праці історичного факультету Запорізького державного університету. – Запоріжжя, 1999. – Вип. 7. С. 19–23.

Религиозная ситуация Приднепровья в XVI в.

Юнгина А., Республиканский институт высшей школы, Минск, Беларусь

Наиболее значимым событием религиозной жизни Великого княжества Литовского (далее – ВКЛ) и, соответственно, Приднепровья (Поднепровья)¹, в XVI в. стала Брестская церковная уния 1596 г. Казалось бы, что наконец христиане восточного и западного обряда преодолели болезненный разрыв и осуществили мечту о единстве Церкви во главе со Христом². Но на практике произошло совсем другое. Это было не соборное постановление Православной и Католической Церквей, а решение ряда православных епископов Киевской митрополии во главе с митрополитом Михаилом (Рогозой) при поддержке правительства и Римского престола. Они постановили о принятии Православной Церковью католического вероучения и переходе в подчинение римскому папе. При этом сохранялось богослужение византийской литургической традиции на церковнославянском языке. Брестская уния привела к возникновению униатской церкви на землях ВКЛ. Православная церковь по закону была упразднена.

Здесь нужно отметить, что территория ВКЛ состояла из нескольких автономных этнических областей: Русь, Литва, Жмудь. Подтверждением является официальное название государства – Великое княжество Литовское, Русское и Жемайтское [12]. Поднепровье находилось в самом центре этнической автономной области, которую называли Русью, изначально крещеную по восточному обряду (путь «из варяг в греки») [10, с. 207–210]. На территории этнической Литвы процесс христианизации по восточному обряду был прерван Кревской унией 1385 г., в результате которой языческое население было крещено по западному обряду [8, с. 10–11]. Границы между Русью и Литвой не имели формально зафиксированного статуса, но негласно признавались. Эти области имели свои порядки и обычаи, которые сформировались в предшествующие исторические периоды.

В своей внутренней политике на территории Руси власти ВКЛ всегда должны были считаться с настроениями местного населения, учитывать их порядки и обычаи. Тут сохранялись их жизненные устои и православная вера. Отсюда и лояльное отношение к русской «старине», которую до определенного момента старались не нарушать, что подтверждалось грамотами князей (по принципу «старины не рушить, новизны не вводить»). До XVI в. на землях этнической Руси католические храмы и общины были представлены в минимальном количестве и только в крупных городах [9, с. 199].

1 В данной статье речь идет о Верхнем Поднепровье – это Смоленские, Могилевские, Гомельские, Черниговские и Киевские земли. В XVI в. они входили в состав Киевской митрополии.

2 Официальное разделение Православной и Католической Церквей произошло в 1054 г. Это событие можно изучать в двух разрезах: историческом и догматическом. Исторически это очень сложное явление, в котором только при недобросовестном подходе можно всю вину переложить на одну сторону и безоговорочно «оправдать» другую. Догматически же важно не столько то, как именно разделились Церкви, сколько то, что разделяет их по существу. Важны утверждения Римской Церкви (во-первых, о самой себе – догмат о папской непогрешимости, затем о вере Церкви – учение о Святом Духе, учение о непорочном зачатии Богородицы), которые для православного идут вразрез с основной истиной христианства.

В XVI в. на территории ВКЛ получило широкое распространение реформационное движение, преимущественно в землях католической Литвы. Особенно широкое распространение получил кальвинизм, главным покровителем которого стал канцлер ВКЛ и Виленский воевода Николай Радзивилл Черный [7, с. 220–221]. Он перешел в кальвинизм в 1553 г. и начал активно насаждать его не только в своих владениях, но и в крупнейших городах Великого княжества. Его примеру последовали представители крупных родов – Ходкевичи, Воловичи, Вишневецкие, Сапеги и др., а также большая часть зависимой от них шляхты [11, с. 185]. В конце 50-х гг. XVI в. общины кальвинистов существовали почти во всех городах Беларуси, в том числе и на Поднепровье (Рогачев, Шклов, Копысь, Орша) [3, с. 64].

До середины XVI в. в ВКЛ наблюдалась взаимная терпимость между конфессиями. Религиозная политика правителей ВКЛ определялась ее связями с Польшей, Европой, Московским княжеством. Правители ВКЛ выступали верховными защитниками всех официально признанных церквей. Но начало Ливонской войны в 1558 г. и заключение Люблинской унии в 1569 г. обусловили изменение политики в пользу Католической Церкви, которая стала доминировать в государстве, а остальные конфессии подверглись дискриминации.

В 1564 г. в Польшу кардиналом Станиславом Гозием, а затем и в Вильно епископом Валерианом Протасевичем в 1569 г. был приглашен орден иезуитов. При Стефане Батории иезуиты утвердились в крупнейших городах Литвы и Руси в том числе и в Смоленске, Орше, Пинске и др. [5, с. 94–95]. Основание коллегий иезуитов на русских землях проходило при активной поддержке государственной власти. Как и в других странах Европы, иезуитский орден действовал, прежде всего, с помощью устной и печатной полемики, проповеди и школы. Наиболее эффективной стала преподавательская деятельность ордена. Коллегиумы иезуитов были образцовыми учебными заведениями, куда охотно отдавали своих детей многие православные шляхтичи. В этих условиях Православная Церковь лишилась существенной частью своих приверженцев из шляхты и городского населения [11, с. 206–207].

Деятельность иезуитского ордена была направлена на подавление реформационных учений и охрану прав Римского престола. Также одной из задач было приведение Православия в подчинение Риму. Предложения с подробным перечислением преимуществ, которые может принести «русской» Церкви и «русскому» обществу такое соединение, были изложены в опубликованном в 1577 г. сочинении Петра Скарги «О единстве Церкви Божией под единым пастырем». Петр Скарга предлагал Католической Церкви вступить в переговоры с православными епископами и вельможами на территории Великого княжества, чтобы созвать Собор для заключения локальной унии, не принимая во внимание позиции Константинопольского патриарха (Киевская митрополия находилась в ведении Константинопольского патриарха). При этом Скарга считал возможным для православных сохранение своих обрядов при условии признания власти папы и принятия католических догматов [11, с. 207–209].

После Люблинской унии правители Речи Посполитой, будучи католиками, стали способствовать распространению католичества на подвластных им территориях и ущемлять интересы православных. Обладая правом «опеки» («подаванья») над православными церквями и монастырями, они активно вмешивались во внутреннюю жизнь Православной Церкви, назначали и смещали епископов, иной раз на епископские кафедры назначались светские лица, распространилась практика раздачи епископских кафедр в качестве вознаграждения [4, с. 150–151].

В таких условиях центром сопротивления унии стали монашеские и мирские братства, которые радели о чистоте Православия и взяли на себя инициативу распространения православного просвещения в Киевской митрополии [см. 13].

В 1588 г. состоялся первый в истории Православной Церкви Киевской митрополии визит Константинопольского патриарха Иеремии II. Патриарх поддержал заботу церковной иерархии и мирян о состоянии Православной Церкви и настоял на восстановлении практики созыва поместных Соборов³ [11, с. 254–274].

В течение 1590–1596 гг. в Бресте состоялось несколько Соборов, целью которых было упорядочить церковную жизнь на территории Киевской митрополии и выработать стратегию по противодействию протестантизму и Латинскому католицизму. Однако в 1596 г. состоялось параллельно два Собора: на одном из них часть представителей православной иерархии во главе с митрополитом Михаилом (Рогозой) приняла решение о присоединении Киевской митрополии к Риму. Второй Собор, православный, низложил епископов, принявших унию. Король Сигизмунд III поддержал униатский Собор.

В 1596 г. уния была заключена, и Православная Церковь на территории ВКЛ юридически перестала существовать. Таким образом, относительно мирное сосуществование разных конфессий на территории ВКЛ (в том числе на Поднепровье) в начале и середине XVI в. сменилось открытой враждой и насилием в конце XVI в.

Источники и литература:

1. Акты, относящиеся к истории Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссиею. – Том 4: 1588–1632. – СПб.: Типография Эдуарда Праца, 1851. – 529 [53] с.
2. Веселовский А.Н. Опыты по истории развития христианской легенды: IV. Сказание о 12-ти пятницах // Журнал министерства народного просвещения. – 1876, № 185: июнь. – С. 326–367.
3. Вялікі гістарычны атлас Беларусі. Т. 2. – Мн.: Белкартаграфія, 2013. – 347 с.

3 Интересен факт, что в окружной грамоте ко всему духовенству и мирянам Киевской митрополии патриарх запрещает праздновать пятницу вместо воскресенья [1, с. 29–30]. Среди православных того времени было распространена традиция пятницу почитать больше воскресенья. Об этом явлении мы читаем в «Сказании о двенадцати пятницах» [2, с. 358], об этом же пишет монах – поэт Климентий Зиновьев («Ω женахъ пя(т)ницу пра(з)днующихъ» [6]. Здесь можно наблюдать изменение смысла поговорки «Семь пятниц на неделе» или «У бабы семь пятниц на неделе». Сейчас она говорит о человеке, который часто меняет свои решения, а раньше – о ленивом человеке.

4. Иларион (Алфеев), митрополит. Православие. – Т. 1. История, каноническое устройство и вероучение Православной Церкви. – М.: Издательство Сретенского монастыря, 2012. – 863 с.
5. Киприанович Г.Я. Исторический очерк православия, католичества и унии в Белоруссии и Литве. – Мн.: Издательство Белорусского Экзархата, 2006. – 351 с.
6. Климентій Зіновійв. Вірші. Приповісті посполиті [Электронный ресурс] / <http://litopys.org.ua/klyment/kly.htm>
7. Косман М. Кальвіністы ў культуры Вялікага княства Літоўскага // 3 гісторыі і культуры Вялікага княства Літоўскага Марцэлі Косман; пер. з пол. мовы С. Ішчанкі. – Мн.: Медысонт, 2010. – С. 211–225.
8. Косман М. Паміж Нямецкім ордэнам, Руссю і Польшчай // 3 гісторыі і культуры Вялікага княства Літоўскага Марцэлі Косман; пер. з пол. мовы С. Ішчанкі. – Мн.: Медысонт, 2010. – С. 9–47.
9. Косман М. Рэфармацыя і інтэграцыя Рэчы Паспалітай (Карона і ВКЛ) // 3 гісторыі і культуры Вялікага княства Літоўскага Марцэлі Косман; пер. з пол. мовы С. Ішчанкі. – Мн.: Медысонт, 2010. – С. 193–210.
10. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. – Кн. 1. История христианства в России до равноапостольного князя Владимира как введение в историю Русской Церкви. – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1994. – 406, [1] с.: илл.
11. Макарий (Булгаков), митрополит Московский и Коломенский. История Русской Церкви. – Кн. 5. Период разделения Русской Церкви на две митрополии. История Западнорусской, или Литовской, митрополии (1458–1596). – М.: Издательство Спасо-Преображенского Валаамского монастыря, 1996. – 559 с.: илл.
12. Статут Вялікага княства Літоўскага 1529 г. // Вялікае княства Літоўскае: энцыклапедыя. – Т. 3. Дадатак. А–Я. – Мн.: Беларуская энцыклапедыя імя Петруся Броўкі, 2010. – 696 с.: іл.
13. Флеров Иоанн, священник. О Православных братствах, противоборствовавших унии в Юго-Западной России в XVI, XVII, XVIII столетиях. – Репринтное издание. – Мн.: Православное Братство во имя Архистратига Михаила, 1996. – 200 с.

Лоеўская бітва 1649 года

Чаропка С.А., к.г.н., Гомельскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Ф. Скарыны, Гомель, Беларусь

Казацка-сялянская вайна 1648–1651 гг. ахапіла вялізную тэрыторыю, прыцягнула да ўдзелу масы насельніцтва, якія прадстаўлялі розныя яго сацыяльныя групы і пераследавалі розныя мэты. Маштабнасць падзей і значэнне вайны для далейшага лёсу беларускага народа робяць яе даследаванне надзвычай актуальным. Казацка-сялянская вайна з’яўляецца вынікам перапляцення сацыяльных супярэчнасцей, выражаных у форме рэлігійнай барацьбы [1, с. 92]. У ходзе вайны

адбылося шмат яскравых падзей, сярод якіх найбольш маштабнай падаецца бітва каля Лоева 1649 г.

У Лоеўскай бітве зышліся сілы літоўскага войска на чале з польным гетманам Янушам Радзівілам і казацка-сялянскае войска наказнога гетмана Міхаіла (Станіслава) Крычэўскага. Уначы 31 ліпеня казацкае войска Крычэўскага падыйшло да Лоева, дзе стаяў лагер дзяржаўных сіл. Дапамогу Крычэўскаму павінны былі аказаць казакі чарнігаўскага палка Сямёна Падабайлы, што размясціліся на левым беразе Дняпра. На досвітку была склікана казацкая старшынская рада, на якой ўзніклі рознагалосці адносна неабходнасці штурму шляхецкага лагера. Старшыня ўказвала наказному гетману на аслабленыя сілы казацкага войска пасля шматкіламетравага маршу, на перавагу літоўскага войска ў артылерыі, але Крычэўскі здолеў пераканаць апанентаў у неабходнасці імклівай атакі [2, арк. 249]. Сямёну Падабайлу быў адасланы загад падчас атакі фарсіраваць Дняпро [3, с. 61].

Раніцай 31 ліпеня адзін з казацкіх раз'ездаў напаў на шляхецкіх фуражыраў, частка з якіх здолела папярэдзіць Я. Радзівіла, што «непрыяцеля ў паўтары мілі бачыў на вочы» [4, с. 27; 5, s. 359]. Фактар нечаканасці М. Крычэўскі страціў, аднак ведаючы, што частка войска ВКЛ яшчэ не вярнулася ў лагер, ён вырашыў дзейнічаць неадкладна, адмовіўшыся ад рашэння, прынятага на старшынскай радзе. Такім чынам планавалася атака шляхецкага лагера сіламі кавалерыі з ходу, без падрымкі ўласнай пяхоты і артылерыі, а таксама без дапамогі палка Падабайлы. Крычэўскі спадзяваўся, што Падабайла здолее зразумець сітуацыю, аднак як паказаў ход бітвы, спадзяванні наказнога гетмана на фактар раптоўнасці былі марнымі. У выніку праведзенага даследавання крыніц, а таксама вывучэння мясцовасці можна выдзеліць чатыры асноўных этапы бітвы пад Лоевам.

Першы этап характарызуецца абаронай лагера войска ВКЛ ад атакі кавалерыі Крычэўскага і контрнаступленнем літоўскага войска, у выніку якога казакі былі адцеснены да лесу. Вялікую ролю ў перамозе шляхецкага войска на гэтым этапе бітвы адыгралі два фактары. Па-першае, гэта своечасовае вяртанне атрада Самуэля Камароўскага з-пад Брагіна і ўзважаная ацэнка ім сітуацыі, у выніку чаго яго атрад нанёс абсалютна нечаканы ўдар з тылу па левому крылу казакаў. Войска Крычэўскага было разарвана на дзве часткі, левае яго крыло было акружана. Па-другое, адсутнасцю падтрымкі войска Крычэўскага як з боку Падабайлы, які позна зарыентаваўся ў сітуацыі і сваечасова не падтрымаў атаку наказнога гетмана, так і з боку ўласнай пяхоты, якая не паспела падыйсці да месца бітвы [4, с. 27; 5, с. 47; 6, s. 359].

На другім этапе бітвы цэнтр баявых дзеянняў перамясціўся да Татарскага броду, праз які стаў фарсіраваць Дняпро Падабайла. Войска Крычэўскага было блакіравана ў лесе. Такім чынам, падтрымаць манеўр чарнігаўскага палкоўніка наказны гетман не здолеў. Баючыся ўдару з тылу, Падабайла ўвёў у бой толькі частку свайго палка – каля 3 тыс. чалавек, што дало магчымасць літоўскаму войску, якое мела больш зручную пазіцыю, не саступала колькасна і мела ў распараджэнні кавалерыю, прадпрыняць контратаку і адцясніць казакаў да Дняпра, адрэзаўшы іх ад чаўноў. Спадзеючыся неяк выратавацца, казакі паспрабавалі перасекчы

Дняпро ўплаў, аднак пад шквальным агнём значная іх частка была забіта [4, с. 28; 6, s. 360].

Пасля разгрому дэсанта Падабайлы пачаўся трэці этап бітвы. Я. Радзівіл атрымаў інфармацыю, што пяхота Крычэўскага ўжо на адлегласці каля дзвюх міляў ад месца бою. З мэтай прадухілення аб'яднання кавалерыі і пяхоты казакаў Я. Радзівіл, працягваючы блакіраваць лагер наказнога гетмана, выслаў супраць яго пяхоты значныя сілы пад кіраўніцтвам Грыгорыя Мірскага. У чвэрці мілі ад лагера Крычэўскага атрад Мірскага атакаваў казацкую пяхоту і на працягу паўгадзіны разграміў яе [4, с. 28; 6, s. 360].

Чацвёрты этап бітвы характарызуецца няўдалымі спробамі М. Крычэўскага прарваць блакаду яго лагера і з'яднацца з пяхотай, а пасля яе разгрому – наступнымі атакамі войска ВКЛ казацкага лагера. Казакі, пабудаваўшы ўмацаванні з трупаў людзей і коней, аказалі сур'ёзнае супраціўленне, у выніку якога штурмуючыя неслі значныя страты, былі паранены некалькі афіцэраў, адчуваўся недахоп пораху і куль. Гэтыя фактары ў сукупнасці прымусілі Радзівіла спыніць наступленне і адкласці штурм на раніцу наступнага дня [4, с. 28; 6, s. 360]. Начную перадышку казакі выкарысталі для адступлення. Уначы з 31 ліпеня на 1 жніўня яны лясамі і балотамі патаемна пакінулі свой лагер.

Казацкае войска панесла пад Лоевам вялізныя страты. У гістарыяграфіі і крыніцах звесткі аб колькасці забітых вагаюцца ад 7 да 30 тыс. чалавек [4, с. 29; 7, с. 136, 48; 8, с. 481]. Для высвятлення рэальных маштабаў бітвы пад Лоевам і страт, якія панеслі абодва бакі, неабходна вызначыць колькасны склад абедзвюх армій. Атакуючая на першым этапе бітвы кавалерыя М. Крычэўскага ацэньваецца ў 10–16 тыс. чалавек, колькасць палка Падабайлы вагаецца ад 6 да 10 тыс. чалавек, колькасць пяхоты М. Крычэўскага можна ацаніць у некалькі тысяч. Усяго разам казацкае войска налічвала не менш за 20 тыс. ваяроў. Сам Крычэўскі, гаворачы перад смерцю аб страце 30 тыс. чалавек, верагодна, меў на ўвазе ўвесь колькасны склад падначаленых яму падраздзяленняў, у тым ліку і чарнобыльскага палка. Гэтая лічба падаецца дастаткова даставернай, яна пацвярджаецца вынікамі допытаў палонных паўстанцаў [4, с. 28]. Завышанымі ўяўляюцца звесткі, паводле якіх войска М. Крычэўскага магло дасягаць 40 тыс. чалавек [9, с. 298].

Падчас бітвы чарнігаўскі полк С. Падабайлы, па інфармацыі Я. Радзівіла, страціў ад 2,5 да 3 тыс. чалавек, Й.Г. Шледэр прыводзіць страты казакаў у 4–5 тыс. чалавек [4, с. 28; 6, s. 360]. Параўноўваючы гэтыя лічбы, можна дапусціць, што страты С. Падабайлы склалі ад 3 да 4 тыс. чалавек. Апроч патанулых, да 3 жніўня ў 4 вялізных магілах было пахавана каля 2 700 ваяроў М. Крычэўскага [10, арк. 248]. Усяго было вырыта 16 велізарных магіл, у якіх, калі ўлічыць, што ў адну магілу памяшчалі ад 500 да 1 тыс. трупаў, магло быць ад 9 да 16 тыс. забітых паўстанцаў [4, с. 28]. Калі дадаць да гэтай лічбы колькасць патанулых, а таксама казакаў, якія былі забіты або памерлі ад ран у лясх, агульныя іх страты можна ацаніць ў 15–20 тыс. чалавек.

Страты шляхецкага войска дакладна высветліць таксама няпроста. Паводле пераліку войска ВКЛ, якое вярнулася ў жніўні ў Рэчыцу, яго колькасны склад, уключаючы 1–1,5 тыс. жаўнераў рэчыцкага гарнізона і 3 тыс. ваяроў, якія падыйшлі

з унутраных паведаў ВКЛ, налічваў каля 7 тыс. чалавек [3, с. 79; 11, с. 37]. Такім чынам, з-пад Лоева вярнуліся каля 3 тыс. чалавек. Улічваючы, што сілы Радзівіла пад Лоевам складалі каля 6 тыс., можна ацаніць страты шляхецкага войска ў 3 тыс. Такая розніца ў стратах – 15-20 тыс. паўстанцаў і 3 тыс. жаўнераў ВКЛ – не з'яўляецца дзіўнай. Адною з прычын паражэння казацкага войска і значных стратаў пад Лоевам з'яўляецца і стратэгічная памылка М. Крычэўскага, які вырашыў выкарыстаць фактар раптоўнасці і, відавочна, памыліўся, што дазволіла шляхецкаму войску знішчыць кожны з элементаў казацкага войска паасобку.

Крыніцы і літаратура:

1. Чаропка, С. Казацка-сялянская вайна 1648–1651 гадоў на Беларусі: некаторыя вынікі даследавання // Извест. Гом. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2009. – № 4 (55). – Ч. 1. – С. 92–96.
2. Львоўская навуковая бібліятэка Нацыянальнай Акадэміі навук Украіны імя В.С. Стэфаніка (ЛНБ). – Ф. Асалінскіх – Спр. 225/II. – Арк. 249-250. – Канфесата допыту казакоў.
3. Переяславський, О. Лоїв / О. Переяславський. – Каліш: б.в., 1935. – 95 с.
4. Уривки з німецькай хронікі «Театр Європи» // Сіверянський літопис. – 1999. – № 2. – С. 24–31.
5. Кислюк, О. Польський хроніст Самуель Грондський і його опис Лоївської битви 1649 р. / О. Кислюк // Гісторыя Лоеўскай зямлі. Факты. Каментарыі. – Гомель, 2006. – С. 43–48.
6. Lipiński, W. Stanisław Michał Krzyczewski. Z dziejów walki szlachty ukraińskiej w szeregach powstańczych pod wodzą Bohdana Chmelnickiego / W. Lipiński. – Kraków, 1912. – VIII, 375 s.
7. Гісторыя сялянства Беларусі са старажытных часоў да 1996 г.: у 3 т. – Мінск: Беларуская навука, 1997. – Т. 1. / Я.К. Анішчанка, Г.Я. Галенчанка, В.Ф. Голубеў і інш. – 1997. – 430 [1] с.
8. Грыцкевіч, А. Лоеўская бітва 1649 г. // Энцыкл. гіст. Беларусі: у 6 т. – Мінск, 1997. – Т. 4. – С. 390.
9. Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России, собранные и изданные Археографическою комиссией (АЮЗР). – СПб.: тип. Кулиша, 1861. – Т. 3. – С. 604, 134, 22.
10. ЛНБ. – Ф. Асалінскіх – Спр. 225/II. – Арк. 246–248. – Рэляцыя аб разгроме Крычэўскага.
11. Чаропка, С. Палессе ў полымі войнаў сярэдзіны XVII стагоддзя // Украінський культуролог. альманах. 2011. Вип. 4 (90). Україна – Білорусь. Кн. 1. Київ: ФСРМ, 2012. С. 283–332.

Мартин Небаба і вайсковыя дзеі на тэрыторыі Беларусі у 1648–1651 рр.

Коваленко О.Б., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна

Один з героїв Української революції середини XVII ст. Мартин Небаба з'явився на історичній арені 1648 р., як-то кажуть, нізвідки – його довоєнна

біографія являє собою майже суцільну білу пляму. Сучасник, польський історик Я. Рудавський, з погордою назвав М. Небабу «людиною без роду, без ймення», очевидно, натякаючи у такий спосіб на його посполите походження (якщо, звичайно, це не банальна риторична фігура) [1, s. 57]. Невідомий польський автор кінця 60-х – початку 70-х рр. XVII ст., працю якого видав К. Вуйцицький, стверджував, буцімто Небаба був «родом з Коростишева», що на Житомирщині [2, s. 101]. Щоправда, він навів інше ім'я – Антон, і це згодом породило плутанину і численні непорозуміння. Відтак, ще й досі на сторінках історичних досліджень «співіснують» два Небаби – Мартин і Антон. Ми поділяємо думку В. Липинського, який вважав, що анонімний хроніст (чи видавець?) схибив і помилково назвав Мартина Небабу Антоном. Принагідно зауважимо, що в «Актовій книзі Житомирського гродського уряду 1609 р.» згадуються піддані панів Проскур Юско і Мишко Небабичі з містечка Корнина, розташованого неподалік від Коростишева [3, с. 130].

Як відомо, початковий етап Української революції вкрай схематично й фрагментарно відображений в історичних документах, відтак достеменно відстежити перебіг подій, діяльність окремих підрозділів козацького війська та їх керманічів досить важко, а часом просто неможливо [4, с. 327]. Тим не менше, поодинокі й часом суперечливі згадки про М. Небабу (здебільшого у наративних джерелах) дають підстави гадати, що він належав до числа тих ватажків, яких Б. Хмельницький влітку 1648 р. «розослал... на всі сторони: на Білу Русь, на Сіверщизну, на Поліссє, на руську Подоллю, на Волинь з козаками, до котрих на венцей хлопства в'язалося» [5, с. 121]. Загін М. Небаби разом з іншими підрозділами, очевидно, діяв під загальною орудою П. Гловацького, а потім М. Гладкого на терені Полісся від Стародуба на сході до Пінська на заході. Тамтешня українська і білоруська людність також повстала проти шляхетського панування й допомогла козакам оволодіти Гомелем, Лоевом, Брагином, Мозирем та іншими містами і містечками.

У вересні 1648 р. ситуація на півночі України серйозно ускладнилася – виступило в похід литовське військо, що мало на меті приборкати повстання у Білорусі й витіснити звідти козацькі загони. З «легкої руки» М. Костомарова, який сприйняв на віру і довільно скомпонував непевні відомості, що містили джерела польсько-литовського походження, в історичній літературі набула поширення версія про загибель М. Небаби під час оборони бунтівного Пінська на початку жовтня [6, с. 239–240]. Гіпотетично він міг знову опинитися у цьому регіоні, щоб з іншими козацькими ватажками зупинити або хоча б затримати переможний наступ литовської армії. Однак невідомий автор докладної реляції про «пінську катастрофу» (за деякими даними тут загинуло близько 14 тис. чоловік) взагалі не наводить імен козацьких керманічів [7, с. 31–38], а добре поінформований А. Коялович згадує лишень одного з них – М. Гладкого [8, р. 21–25]. Наприкінці жовтня загони, що вели боротьбу на українсько-білорусько-литовському порубіжжі, приєдналися до війська Б. Хмельницького, який з-під Львова прямував до Замостя.

Після укладання перемир'я гетьман прибув до Києва і приступив до реалізації свого державотворчого проекту. На звільнених теренах запроваджувався новий адміністративно-територіальний устрій. Одним з перших на Лівобережжі було

створено Борзенський (Борзнянський) полк, який очолив М. Небаба. Водночас привертає увагу той факт, що в документах першої половини 1649 р. його називають не тільки борзенським, але і батуринським, і почепським полковником. Правдоподібно, на відміну від Борзенського, Батуринський і Почепський полки являли собою не військово-адміністративні, а суто військові (до того ж, можливо, тимчасові) формування, що перебували під орудою М. Небаби.

Між тим, литовський гетьман Я. Радзивілл продовжував каральні акції на півдні Білорусі, маневруючи у небезпечній близькості від умовного українського кордону. З огляду на це, у березні вздовж лівого берега Дніпра до гирла Сожу було підтягнуто значні сили на чолі з М. Небабою та А. Горкушею. Наприкінці квітня «з 2500 козаків і з великим числом досвідченої піхоти» М. Небаба зайняв Гомель. Обійшлося навіть без збройної сутички – як засвідчив сучасник, козаків до Гомеля запросили тамтешні міщани, відмовившись постачати продовольство литовському війську [9, с. 383, 391; 10, с. 211–212]. Однак невдовзі гомельську залозу довелося евакуювати, бо в травні-червні Я. Радзивілл помітно активізував свої дії у Білорусі. Козаки І. Голоти і П. Гловацького зазнали відчутних поразок під Загаллям і Річицею [11, с. 179]. Можливо, на цьому ж фронті перебував і М. Небаба – в усякому разі «Історія русів» містить розповідь про те, як його загін потопив «множество обозов с запасами» під час форсування Прип'яті литовською армією [12, с. 89].

У цей відповідальний момент Б. Хмельницький зробив несподівану рокировку: наприкінці червня М. Небабу було відкликано на Правобережну Україну, під Збараж, а його місце заступив київський полковник М. Кричевський, який ціною значних втрат і власного життя наприкінці липня 1649 р. зупинив подальше просування Я. Радзивілла вглиб України.

Після укладення Зборівського миру гетьманська адміністрація заходилася довкола складання 40-тисячного козацького реєстру. Водночас відбулися зміни в адміністративно-територіальному устрої та нові кадрові призначення. Вочевидь, саме у цей час М. Небаба очолив Чернігівський полк. Власне, відтоді і розпочинається «історичний», себто засвідчений автентичними джерелами, період у його біографії.

Чернігівський полк був розташований на північно-східному кордоні Української козацької держави і безпосередньо межував з Великим князівством Литовським та Московським царством. Відтак, тамтешньому полковникові доводилось бути не тільки вояком і адміністратором, але й дипломатом. Факти свідчать, зокрема, що М. Небаба підтримував контакти з Я. Радзивіллою та іншими литовськими можновладцями і, очевидно, мав задля цього належні повноваження від гетьмана. Загалом на литовському напрямі зовнішньої політики тривала складна і суперечлива гра. Уникнути безнадійної війни на два фронти і нейтралізувати військову потугу Литви можна було двома шляхами: гарантувати їй спокій або – навпаки – змусити зосередитись на власних проблемах, спровокувавши масштабні заворушення на соціальному ґрунті. Остаточного вибору Б. Хмельницький так і не зробив і в залежності від військово-політичної кон'юнктури волів (чи мусив) комбінувати обидва варіанти розвитку подій – дипломатичний і мілітарний [13, с. 72–76]. Заручником цієї політики, зрештою, виявився саме М. Небаба.

Головне завдання чернігівського полковника полягало у захисті північного кордону козацької держави, звідки їй повсякчас загрозувала армія Великого князівства Литовського. Згідно із стратегічним задумом Б. Хмельницького, Чернігівський полк у взаємодії з Київським та Ніжинським мав прийняти на себе ймовірний удар Я. Радзивілла, зупинити його на дніпровському рубежі й забезпечити в такий спосіб козацьке військо на Правобережжі від прориву на фланзі й удару з тилу.

На початку 1651 р. під проводом М. Небаби було зосереджено майже 20-тисячне військо, що базувалося в укріпленому таборі поблизу Ріпок. Передові частини пильнували переправи на Дніпрі та Сожі, а наказний полковник С. Окша, «висланий от его милости пана полковника Мартина Небаби», отаборився у Стародубі. Нервова, напружена атмосфера на кордоні час від часу призводила до збройних сутичок. Так, у травні 1651 р. козацька сотня була розбита під Яриловичами, а литовський загін зазнав поразки поблизу Сожу [14, с. 25]. На початку червня козаки М. Небаби оточили Гомель. Сам полковник згодом у листі до Я. Радзивілла провину за порушення спокою у регіоні перекладав на гомельську залого, яка, мовляв, спровокувала інцидент. Проте, як слушно зауважив М. Грушевський, «розміри виправи на Гомель виходять далеко за рамці такої пограничної карної експедиції». Очевидно, йшлося про інше – зірвати похід литовської армії в Україну, а в разі успіху здійснити рейд у напрямі на Бихів.

Втім змусити тамтешній гарнізон на чолі з досвідченим найманцем капітаном Монтгомері до капітуляції не поталанило, і невдовзі М. Небаба відкликав своїх вояків з-під Гомеля, а 13 червня виправив до литовського гетьмана посольство на чолі з С. Пободайлом. «Старший сотник полку Чернігівського», як його поймає названо у тогочасному документі, повів листи від Б. Хмельницького і М. Небаби із закликом до припинення військових дій. Напевне, вони розраховували шляхом переговорів відтягнути наступ литовської потуги або хоча б з'ясувати плани її командування. Але Я. Радзивілл вже ухвалив принципове рішення про початок кампанії й використав козацьких послів у своїх інтересах: їх було затримано на два тижні та ще й дезінформовано: на очах С. Пободайла литовське військо начебто вирушило на Смоленщину... [15, с. 260, 262–263, 269].

Насправді ж 20 червня Я. Радзивілл остаточно погодив план операції на терені Чернігово-Сіверщини з королем Яном Казимиром. Г. Мирський мав знешкодити козацьку залого в гирлі Сожу й забезпечити переправу головним силам через Дніпро під Лоевом. Сам Я. Радзивілл виправив з Річиці артилерію та піхоту човнами униз по Дніпру, а кіннота рушила суходолом. Вранці 26 червня 3-тисячний загін Г. Мирського зненацька напав на залого, що складалася з 300 козаків. Лише кільком з них пощастило врятуватися у нерівному бою, і вони повідомили М. Небабу, що на лівий берег Дніпра «прийшли ляхи, але їх небагато» [16, с. 317–318]. Ця інформація мимоволі ввела чернігівського полковника в оману щодо чисельності та дійсних планів супротивника. Без належної рекогносцировки М. Небаба, за словами Самовидця, «порвавшись несправне, скочил противко тому войску справному» [17, с. 61]. Відтак, у сучасників і нащадків могло дійсно скластися враження про легковажність і самовпевненість полковника, який

насправді став жертвою прикрих обставин. Перебіг останньої битви М. Небаби досить детально відтворений в історичних джерелах та науковій літературі [18, с. 36–52; 19, с. 3–12]. Правдоподібно, Я. Радзивілл відрізав частину козацького війська на чолі із старшиною, і М. Небабі довелося битися в оточенні. У бою полягли 3–4 тисяч козаків, частина потрапила у полон і після допиту була страчена. Геройською смертю загинув на полі бою і сам М. Небаба. Його звитязі віддали належне навіть вороги – Я. Радзивілл «велів поховати Небабу і висипати велику могилу». Нещодавно поталанило виявити його посмертний портрет, виконаний вочевидь придворним художником Я. Радзивілла А. Вестерфельдом [20].

Втім, незважаючи на загибель своїх керманічів, близько 10 тисяч козаків вчасно відступили до табору під Ріпками, а потім до Чернігова. Поразка і загибель М. Небаби гучно й болісно відлунували в Україні. Литовське військо таки вийшло в тил армії Б. Хмельницького, який програв битву під Берестечком. Під реальною загрозою опинилися усі здобутки повсталого українського народу. Тим часом Я. Радзивілл рушив до Чернігова, де порядкував соратник і наступник М. Небаби – С. Пободайло. Штурмувати добре укріплене місто Я. Радзивілл не наважився і, «юже там нічого не вскуравши, назад повернул на Любеч», звідки після перепочинку попрямував на Київ [17, с. 61]. Війна тривала...

Джерела та література:

1. Rudawski J.W. Historia Polska od smierci Wladyslawa IV. – Т. 1. – Ptsb.; Mohylew, 1855.
2. Pamietniki do panowania Zygmunta III, Wladyslawa IV i Jana Kazimierza / Z rekopismu wydal K.W. Wojcicki. – Т. I–II. – Warszawa, 1846.
3. Актова книга Житомирського гродського уряду 1609 р. // Ділова мова Волині і Наддніпрянщини XVII ст. – Київ, 1981.
4. Липинський В. Станіслав Михайло Кричевський: Участь шляхти у великому українському повстанні під проводом гетьмана Богдана Хмельницького // Липинський В. Твори. – Філадельфія, 1980. – Т. 2.
5. Бевзо О.А. Львівський літопис і Острозький літописець: Джерелознавче дослідження. – Київ, 1971.
6. Костомаров Н. Богдан Хмельницький. – М., 1994.
7. О бунте города Пинска и об усмирении оного в 1648 г. // Чтения в Обществе истории и древностей российских. – № 5. – Отд. III. – М., 1847.
8. Kojalowicz A. De rebus anno 1648 et 1649 contra Zaporovios cosacos gestis. – Vilnae, 1681.
9. Памятники, изданные Временной Комиссией для разбора древних актов. – Отд. III. – Київ, 1848. – Т. 1.
10. Документы об Освободительной войне украинского народа 1648–1654 гг. – Київ, 1965.
11. Смолій В.А., Степанков В.С. Богдан Хмельницький: Соціально-політичний портрет. – Київ, 1993.
12. История Руссов. – М., 1846.
13. Коваленко О.Б. Богдан Хмельницький та Януш Радзивілл // Богдан Хмельницький та його доба. – Київ, 1996.

14. Воссоединение Украины с Россией: Документы и материалы. – М., 1953. – Т. III.
15. Смирнов Я.И. Рисунки Киева 1651 г. по копиям их конца XVIII века // Труды XIII Археологического съезда в Екатеринославе. – М., 1908. – Т. II.
16. Grabowski A. Starozytnosci Historyczne Polskie. T. I. – Krakow, 1840.
17. Літопис Самовидця. – Київ, 1971.
18. Гурбик А.О. Вторгнення військ Великого князівства Литовського в Україну та оборона Києва (1651 р.) // Український історичний журнал. – 2006. – № 6.
19. Кондратьев І.В. Битва «під Ріпками» 1651 р. // Сіверянський літопис. – 2014. – № 5.
20. Мицик Ю., Березенко Б. Унікальний портрет полковника Мартина Небаби // Сіверянський літопис. – 2013. – № 4–6.

Лоеўскія кірмашы як фактар эканамічнага і сацыякультурнага развіцця рэгіёна

Анісавец М.І., Лоеў, Беларусь

Жыхары Лоеўшчыны маюць права ганарыцца гісторыяй свайго краю, якая тут на самай справе адметная, напоўненая надзвычай важнымі падзеямі з глыбокай старажытнасці да нашага часу.

Па-першае, Лоеў мае ўнікальную легенду свайго паходжання, якая не сустракаецца больш нідзе на ўсім працягу ад вытокаў да вусця Дняпра. Паводле падання, якое запісалі яшчэ ў сярэдзіне мінулага стагоддзя вядомыя мясцовыя краязнаўцы Павел Міхайлавіч Шарэпа і Іван Рыгоравіч Ермакоў, першым пасяленцам-гандляром тут быў легендарны Лой, які атрымаў для сталага жыцця свайго роду гэтае прывабнае і зручнае для гандлю ўзвышша пры ўпадзенні Сожа ў Дняпро на шляху «з варагаў у грэкі». Лой стаў першым гаспадаром Лоевай гары і ракі і збіраў тут мыта з замежных гандляроў.

Заўважым, што Лой, па легендзе, не князь або баярын, а гандляр на важным гандлёвым шляху. Такой легенды не мае ніводзін горад у Беларусі і наогул у Падняпроўі.

Аб этнічнай прыналежнасці знакамітага Лоя паданне нічога не распавядае, але сведчыць, што гэта быў чалавек з прадпрымальніцкімі здольнасцямі.

Што гэтае паданне мае права на сур'ёзнае ўспрыманне, гаворыць і зафіксаванае ў летапісах пад 1351 г. асабовае прозвішча Ходка Лоевіч, магчымага нашчадка легендарнага Лоя – заснавальніка Лоева [7].

Па-другое, у часы Вялікага Княства Літоўскага Лоеў выконваў падобна Полацку, Гродна і Брэсту гандлёвыя і абарончыя функцыі пры вялікіх рэках, і яго замак быў адначасова шчытом і варотамі на паўднёва-ўсходнім напрамку Княства.

Параўнальна нядаўна навуковец з Кіева Белавус Наталля Аляксееўна адкрыла яшчэ адну старонку гісторыі Лоева, калі адшукала ў польскіх архівах звесткі, што з ініцыятывы кіеўскага кашталяна і любечскага старасты Паўла Іванавіча Сапегі, дзядзькі славутага канцлера ВКЛ Льва Іванавіча Сапегі, 3 жніўня 1576 г. кароль і вялікі князь Стэфан Баторый надаў Лоеву поўнае Магдэбургскае права,

якім на Гомельшчыне валодалі толькі Мазыр (з 1577 г.) і Гомель (з 1670 г.). Гэта значыла, што Лоева гара пераводзілася на нямецкае права, рэарганізоўвалася сістэма мясцовага кіравання, пры якім гарадской адміністрацыі надавалася права прымаць унутраныя адміністрацыйныя, судовыя і эканамічныя рашэнні [10]. З 1585 г. Лоеў стаў цэнтрам стараства, што адкрывала перадумовы для яго развіцця ў больш значны рэгіянальны цэнтр, аднак гэтыя магчымасці не былі выкарыстаны з-за войнаў і разбурэнняў, якія напаткалі рэгіён у XVII ст. [5].

Па-трэцяе, у сярэдзіне XVII ст. Лоеўскае стараства было ў самым эпіцэнтры антыфеадальнай казацка-сялянскай вайны 1648–1651 гг. Менавіта на яго тэрыторыі адбыліся лёсавызначальныя для ВКЛ Лоеўскія бітвы 1649 і 1651 гг., у выніку якіх была захавана цэласнасць Княства.

Шмат гадоў мінула з часоў ліхалецця казацка-сялянскай вайны, якая на Лоеўшчыну прынесла вялікія людскія ахвяры і разбурэнні. Напамінкам аб гэтай вайне і яе ахвярах сёння служаць тапанімічныя назвы ўрочышчаў «Ляхава гара», «Казацкі пясок», «Разгром» і памятныя знакі, усталяваныя краязнаўцамі каля Татарскага броду, на месцы, дзе быў стан войска ВКЛ польнага гетмана Я. Радзівіла, і на Гладкім полі, дзе 31 ліпеня 1649 г. пачыналася Лоеўская бітва.

Па-чацвёртае, з лоеўскага плацдарма пачалося вызваленне Беларусі ад нямецка-фашысцкіх захопнікаў. Падчас баёў на лоеўскім плацдарме, якія вяліся з канца верасня па канец лістапада 1943 г., савецкія воіны розных нацыянальнасцяў праявілі тут мужнасць і гераізм. 365 з іх атрымалі званне Героя Савецкага Саюзу, больш за 10 тысяч загінулі і спачываюць у лоеўскай зямлі. Вялікі подзвіг савецкіх воінаў і партызан на Лоеўшчыне ўвекавечылі 27 помнікаў манументальнай скульптуры і мемарыяльны комплекс у цэнтры Лоева.

Вядома, што гарады, якія атрымлівалі Магдэбургскае права, звычайна мелі прывілеі на правядзенне кірмашовага гандлю. Першым кірмашом, афіцыйна дазволеным у Беларусі, быў кірмаш у Полацку ў 1498 г. У XV ст. кірмашы праводзіліся ў Менску і Оршы, у XVI ст. – у Гародні і іншых гарадах ВКЛ. Як сведчыць дакумент аб наданні Лоевай гары Магдэбургскага права, улады мястэчка атрымалі тады дазвол на правядзенне аднаго кірмаша на праваслаўнае свята Пятра і Паўла [10]. Але, верагодна, кірмаш на гэтае свята не паспеў трывала ўвайсці ў мясцовую традыцыю. Пачынаючы з другой паловы XVI ст. галоўным кірмашом, які праводзіўся на Лоеўшчыне, стаў Дзесяцінны кірмаш, з якім звязана паданне аб з'яўленні ў ваколіцах Лоева абраза Святой Параскевы Пятніцы – нябеснай заступніцы Лоева.

Менавіта ў гэты перыяд адбываецца росквіт местачковага кірмашовага гандлю. Кірмашы звычайна прымяркоўваліся да рэлігійных святаў ці пэўнай пары года, ад якіх часта паходзілі і іх назвы. Замежным купцам тады дазвалялася гандляваць толькі на кірмашах, таму яны ператвараліся ў цэнтры міжнароднага гандлю.

На жаль, пра кірмашы ў Лоеве пакуль што знойдзена няшмат дакументальных звестак, але і тыя звесткі, якія выяўлены, дазваляюць зрабіць выснову, што на працягу XVI–XVIII стст. Лоеў быў важным цэнтрам кірмашовага гандлю на паўднёвым усходзе ВКЛ і з'яўляўся перавалачнай базай у транзітным гандлі паміж Беларуссю і Украінай. Аб значнай ролі Лоева як гандлёвага цэнтра сведчаць

і наступныя радкі з фальклорнай песні, якую яшчэ ў 60-я гады мінулага стагоддзя, як я памятаю, спявалі ў нас на Лоеўшчыне пры застоллях:

А ў пана Івана умная жана.
Бог яму даў умную жану ў яго даму!
Умная жана сенечкі мяла.
Сенечкі мяла, шэлежкі знайшла
Ды закупіла, ды тры гарады.
Бог яму даў умную жану ў яго даму!
Што першы горад – ды славен Кіеў,
Што другі горад – ды славен Чарнігаў,
А трэці горад – славен наш Лоеў.
Бог яму даў умную жану ў яго даму!
Як Кіеў славен – то ўсё царквамі,
Чарнігаў славен – усё казакамі,
А Лоеў славен усё гандлярамі.
Бог яму даў умную жану ў яго даму!
Што ў Кіеў хадзіць – Богу маліцца,
А ў Чарнігаў – ваяваціся,
Ой, а ў Лоеў – таргаваціся,
Бог яму даў умную жану ў яго даму! [1].

Паўстае пытанне: як у тыя часы называлася форма гандлю і месца, дзе ён вёўся?

Найбольш раннім абазначэннем гандлёвага месца было слова «торг». У XIII ст. разам з нашэсцем на рускія землі мангола-татараў да нас з усходу прыйшло цюркскае слова «базар», якое ўкаранілася і ў беларускім Падняпроўі. Гэтае слова не трапіла далей на захад, бо там панавала нямецкае слова «рынак». Недзе ў XV ст. слова «рынак» прыйшло праз Польшчу і на беларускія землі. Прыкладна ў гэты ж час да нас трапіла яшчэ адно нямецкае слова – «ярмарка». Нашы продкі запазычылі ў Заходняй Еўропе не толькі гэтае слова, але і традыцыю правядзення вялікіх святочных таргоў-ярмарак, якія суправаджаліся народнымі гуляннямі і забавамі.

Але слова «ярмарка» ў Беларусі таксама не надта прыжылося, яно добра замацавалася на Русі і ва Украіне. У Беларусі ж сталую прапіску атрымала яшчэ адно нямецкае слова – «кірмаш». Права ствараць ці дазваляць ярмаркі-кірмашы ў тыя часы было адным з важных феадальных прывілеяў. Яго атрымлівалі звычайна ад вялікага князя асобныя гарады, духоўныя або свецкія феадалы.

Зараз можна меркаваць, што словы-сінонімы «базар», «рынак», «ярмарка», «кірмаш» яшчэ з Позняга сярэднявечча ўжываліся на Лоеўшчыне для абазначэння вялікіх штогадовых традыцыйных таргоў.

Уладальнікі Лоева графы Юдзіцкія, як і ўладары іншых прыватнаўласніцкіх мястэчак, мелі прывілей на правядзенне кірмашоў у мястэчку. Вядома, што ў XVIII ст. Юдзіцкія атрымлівалі значны прыбытак ад здаваемых у арэнду гандлёвых радоў на Базарнай плошчы [4]. Лоеўскія кірмашы былі ўніверсальнымі. Тут можна было набыць самыя разнастайныя тавары: прамысловыя і рамесніцкія вырабы, зерне, лён, жывёлу, сена, дровы, дзёгаць, салёную рачную рыбу (платану), макуху – жмых ад семак сланечніка і льну, што выкарыстоўваўся для корму жывёлы,

і іншае. Вядома, што ў 1861 г. на лоеўскі дзесяты кірмаш было прывезена тавараў на суму 2800 руб., прададзена – на 1 300 руб. У 1863 г. было прывезена тавараў на 3200 руб., прададзена – на 1550 руб., у 1864 г. адпаведна на 3600 і 2000 руб. [2]. Ёсць падставы сцвярджаць, што гадавы абарот усіх лоеўскіх кірмашоў складаў ад 20 000 да 30 000 руб., што было па тым часе значнай сумай. Лоеўскія кірмашы па гадавому гандлёваму абароту не саступалі вядомым беларускім кірмашам у Бешанковічах, Зэльве, Несвіжы, Свіслачы, якія звычайна былі спецыялізаваныя і больш працяглыя.

Неад’емнай часткай гандлёвага жыцця Лоева з’яўляліся таксама штодзённыя базары, аднак асноўным базарным днём лічылася нядзеля, калі большасць тавараў прадавалі з гандлёвых прылаўкаў або непасрэдна з вазоў на Базарнай плошчы і вакол яе. Асабліва ажыўлены базарны гандаль у мястэчку быў вясной.

Хуткае развіццё капіталістычных адносін, якое распачалося пасля адмены прыгоннага права, садзейнічала вылучэнню яўрэяў на перадавыя пазіцыі ў краі. Будучы заўсёды асабіста свабоднымі, яны змаглі хутка накапіць першапачатковы капітал і праявіць эканамічную актыўнасць. Большасць цагельных, канатных і смалакурных прадпрыемстваў, млыноў, паромаў праз раку ў Лоеве ў XIX ст. належалі яўрэям.

У другой палове XIX ст. Лоеў быў вядомы як буйная прыстань. Рачны паражодны транспарт злучыў Лоеў з буйнымі гарадамі – Кіевам, Гомелем і Магілёвам. Да прыстані непасрэдна прымыкала Базарная плошча, размешчаная ў паніжэнні каля падножжа Лоевай і Гілевай гор. На наберажнай Лоева ў час навігацыі дзейнічала пастаянная паромная пераправа на левабярэжную Украіну. Для паскарэння пераправы тут выкарыстоўваліся два паромы на шастах. Базарная плошча на працягу стагоддзяў была адміністрацыйным і эканамічным цэнтрам мястэчка. На ёй размяшчалася большасць адміністрацыйных устаноў.

Паводле перапісу насельніцтва ў 1897 г. у Лоеве налічвалася 4667 жыхароў (2150 з іх яўрэі – 46 %), 251 жылая пабудова, 9 млыноў, 24 крамы і гандлёвыя конторы, паштовая станцыя, валасное праўленне і мяшчанская ўправа, дзве царквы, касцёл і сінагога, штодзённа працаваў мясцовы базар.

Нягледзечы на тое, што галоўнай формай гандлю ў гэты час становіцца стацыянарны магазінна-лавачны гандаль, працягваюць дзейнічаць лоеўскія кірмашы. Пэўнае ўяўленне пра колькасць кірмашоў, а таксама іх працягласць і час правядзення па Юліянскім календары дае «Памятная книжка Минской губернии на 1913 год». Змешчаныя тут матэрыялы дазваляюць сцвярджаць, што непасрэдна ў Лоеве штогод праводзілася дзесяць кірмашоў: пяць аднадзённых, чатыры двухдзённых, адзін трохдзённый. Першы з іх быў звычайна 7-8 студзеня, на свята Хрышчэння, наступны – 2-3 лютага – на Стрэчанне, трэці – 24 лютага, на свята здабыцця главы Іаана Прадцечы, чацвёрты – 9 мая, на веснавое свята Мікалая, наступны – на сёму ю нядзелю пасля Вялікадня, у трэці дзень Святой Тройцы. У жніўні наладжваліся два кірмашы – 15 жніўня, на свята Успення Прасвятой Багародзіцы, і 29-30 жніўня, на свята Усекнавення главы Іаана Хрысціцеля. Трохдзённым кірмаш праводзіўся на зімняе свята Мікалая Цудатворцы 3, 5 і 6 снежня, а апошні, двухдзённый кірмаш наладжваўся ў чацвер і пятніцу перад Ражаствам Хрыстовым [6].

Але самым галоўным кірмашом быў двухдзённы кірмаш на «дзiesiąтуху» (у пятніцу і суботу на дзiesiąты тыдзень пасля Вялікадня), які наладжваўся кожны год летам, каля каплічкі са святой вадой – за 7 км ад Лоева за вёскай Крупейкі. Звычайна ярмаркі-кірмашы (дыялектнае «ярмалкі») не ўмяшчаліся на Базарнай плошчы (зараз Цэнтральная плошча), яны займалі таксама значную частку Базарнай вуліцы (цяпер вуліца Леніна), аж да грэблі і мастка праз рэчку Вітач, прытока Дняпра. Лоеўскія кірмашы былі сапраўднымі фэстамі, бо яны суправаджаліся багаслужэннем у цэрквах, гуляннямі, выступленнямі артыстаў з Украіны і цыганаў у спецыяльным драўляным памяшканні – Лоеўскім «ілюзіёне», дзіцячымі атракцыёнамі і іншымі забавамі.

Мястэчка з’яўлялася значным цэнтрам транзітнага гандлю, у якім таксама актыўна ўдзельнічалі яўрэі. Каля прыстані было шмат гандлёвых складоў, у якіх захоўваліся тавары, што спляўляліся вясной і летам па Дняпры, Бярэзіне і Сажы: соль, збожжа, лён, тлушч і інш. Штогод гэтых грузаў накіроўвалася ўверх па цячэнні Дняпра да 70 тыс. пудоў, уніз – да 160 тыс., а прыбывала знізу да 90 тыс. і зверху да 150 тыс. пудоў [9]. Трэба ўлічваць таксама, што на пачатку ХХ ст. перавозка лесу і драўляных вырабаў дасягала 94,5 % рачнога таваразвароту на Дняпры. Штогадовы таваразварот у гандлі лесам даходзіў у мястэчку да чвэрці мільёна рублёў [4].

Вядома, што ў другой палове ХІХ ст. лоеўскія яўрэі-гандляры Прытыцкі, Сабалеўскі, Холмецкі, Шэйхман, браты Долгіны і іншыя разбагацелі на пасрэдніцкім гандлі лесам і іншымі таварамі і пачалі будаваць у мястэчку прыгожыя вялікія дамы, у тым ліку і мураваныя. Чатыры з іх, пабудаваныя ў эклектычным стылі, захаваліся да нашага часу і з’яўляюцца помнікамі архітэктуры ХІХ – пачатку ХХ ст.

У самым канцы ХІХ ст. лоеўская яўрэйская абшчына сабрала грашовыя сродкі, замовіла і ўсталявала на Базарнай плошчы ў цэнтры Лоева на высокім камені-валуне конную статую расійскага імператара Аляксандра ІІ, з удзячнасці за тое, што ён заканадаўча значна пашырыў магчымасці яўрэяў займацца гандлем лесам і спрыяў развіццю іх гандлёвых ініцыятыў. Скульптурную выяву імператара зрабіў вядомы расійскі скульптар Паола Трубяцкі, з якім яўрэям дапамагла ўсталяваць стасункі памешчыца суседняга з Лоевам Суткоўскага маёнтка графіня К.В. Бараноўская [8]. Патрэбна адзначыць, што скульптурных выяў імператара Аляксандра ІІ было ўсталявана зусім няшмат у Расійскай імперыі, бо большасць памешчыкаў была незадаволена праведзенай ім адменаў прыгоннага права, якая пазбавіла памешчыкаў дармавой сялянскай працы, а сялянскі стан у сваю чаргу быў незадаволены высокімі выкупнымі плацяжамі за зямлю. Гэты помнік непрацяглы час быў візітоўкай Лоева на параходным шляху з Кіева ў Гомель і Магілёў. Пасля кастрычніцкіх падзей 1917 г. статуя імператара была знішчана, а камень-пастамент закапаны ў зямлю.

Далейшае развіццё магазінна-лавачнага гандлю прывяло да змянення ролі лоеўскіх кірмашоў, якія набывалі мясцовы характар. На іх гандлявалі пераважна сельскагаспадарчымі таварамі і вырабамі рамеснікаў і сялянскіх промыслаў. Пасля Кастрычніцкай рэвалюцыі падчас НЭПа кірмашы зноў ажывіліся. Удзел у іх разам з прыватнымі гандлярамі прымалі дзяржаўныя і кааператыўныя арганізацыі. У канцы 1920-х – пачатку 1930-х гадоў адбыўся канчатковы заняпад лоеўскіх

кірмашоў, хаця яшчэ і ў 1950–1960-я гады на кірмашах можна было набыць жывёлу, гліняны посуд, сярпы, косы, розную бакалею і іншае. Затым традыцыі кірмашовага гандлю ў горпасёлку канчаткова забыліся.

Сучасны лоеўскі базар толькі крыху нагадвае нам пра былыя кірмашы, але ж яму далёка да тых багатых кірмашоў-фэстаў, якія былі для нашых продкаў сапраўдным святам і доўгачаканай падзеяй.

Крыніцы і літаратура:

1. Беларускі фальклор у сучасных запісах: Традыцыйныя жанры. Гомельская вобласць. – Мн., 1989.
2. Белоруссия в эпоху капитализма: сборник документов и материалов. – Мн., 1990 – Т. 2.
3. Каганович А. Речица. История еврейского местечка Юго-Восточной Беларуси. – Иерусалим, 2007.
4. Козловский П. Магнатское хозяйство Белоруссии во второй половине XVIII в. – Мн., 1974.
5. Кондратьев И.В. Любецкое староство (XVI – середина XVII ст.). – Чернігів, 2014.
6. Памятная книжка Минской губернии на 1913 год: справочные и административные сведения. – Мн., 1912.
7. Рогалеў А.Ф. Сцежкі ў даўніну. – Мн., 1992.
8. Сабашников М.В. Записки Михаила Васильевича Сабашникова. – М., 1995.
9. Семёнов В. Россия: Полное географическое описание нашего отечества.– СПб., 1905. – Т. 9.
10. Belous N. Wprowadzenie prawa magdeburskiego w miastach województwa Kijowskiego pod koniec XV – w pierwszej połowie XVII w. // Krzysztofory. – Krakow, 2009. – Т. 26. – S. 131–142.

СЕКЦИЯ

«ПЕРИОД XIX – НАЧАЛО XX ВВ.»

Православная церковь на Лоевщине в документах Государственного архива Гомельской области

Александрович З.А., Государственный архив Гомельской области, Гомель, Беларусь

Положение православной церкви в Беларуси в XX столетии долгое время оставалось малоизученным. С начала 1990-х гг. внимание к истории христианства стало более пристальным, возрос интерес исследователей к архивным документам.

В Государственном архиве Гомельской области на хранении находятся документы, отражающие взаимоотношения церкви и государства, положение православной церкви в Гомельском регионе после Октябрьской революции 1917 г.

Сведения о строительстве церквей в м. Лоев относятся к XVIII в. Известно, что в 1746 г. была построена деревянная Свято-Троицкая церковь, а в 1759 г. возведена деревянная Свято-Николаевская церковь [1, с. 44].

В документах архивного фонда Лоевского районного агентства государственного страхования имеется дело Троицкой церкви м. Лоев, в которое включены документы за 1920-е гг., содержащие информацию о здании и имуществе церкви. Например, в страховой ведомости строений имеется следующее ее описание: «Троицкая церковь деревянная из бревен 3 вершка, ошелеванная, на каменном фундаменте, покрытие железное, отопления нет. Караульное помещение для церковного сторожа из бревен 4 вершка, на каменном фундаменте, крыша железная, отапливается». Троицкая церковь размером 280 кв. м располагалась на Базарной площади [2]. Самым дорогим имуществом церкви значится деревянный золоченый четырехъярусный иконостас. В описи имущества Свято-Троицкой церкви на 1929 г. указано, что в архиве церкви находятся исповедные ведомости, которые ведутся с 1796 г., богослужебный журнал с 1870 г., приходно-расходные книги с 1796 г., библиотека включала «полный круг богослужебных книг (60 томов)» и др. [2, л. 14–16].

С 1918 г., когда церковь была отделена от государства, советская власть разрабатывала и внедряла различные методы борьбы с религией. Тяжелые испытания выпали на долю духовенства всей страны с началом коллективизации. Не стала исключением и Лоевщина. К началу Великой Отечественной войны церкви м. Лоев были закрыты.

В 1930 г. председатель Лоевского районного исполнительного комитета Гомельского округа пишет письмо в НКВД БССР следующего содержания: «Цэнтр раёну, м. Лоеў, адчувае надзвычайную патрэбу ў памяшканнях пад культурныя установы. Няма адпаведнага нардому, клюбны п'янэраў і камсамольцаў юцяцца ў кутках, якія зусім не адпавядаюць умовам працы, як па свайму размеру, так і па санітарна-гігіенічным умовам. Школы таксама знаходзяцца ў гнілых і халодных будынках. І гэты ў той час, калі ў м. Лоеве высіцца дзьве царквы і гэтыя ачагі цемры прадстаўляюць велікалепныя памяшканні. Адна з іх, пад назваю «Троіцкая» уже даўно зачынена, як ня маючая папа, які пачаў прабуждзеньне ад папоўскага

ўсыплення, якое выразілася ў масавых пастановах і падпісках аб зачыненні, яшчэ ў мінулым годзе, пакінуў апошнюю і намесніка ня будзе мець у віду масавых пастаноў агульных сходаў і падпісак аб аддачы гэтага будынка пад культурныя ўстановы і ў гэтым годзе, якія вынесены ўсімі выбарчымі сходамі м. Лоева пры перавыбарах саветаў амаль што аднагалосна і к таму падтрыманы больш як 1000 подпісамі, і дэлегацыямі ад калгасных, піянерскіх і школьных мас к 3'езду аб паскарэнні гэтае справы» [3, л. 5].

25 марта 1931 г. президиум Лоевского районного исполнительного комитета принимает решение № 168 о закрытии Троицкой церкви в м. Лоев. В решении сказано:

На подставе пастановы Цэнтральнай камісіі па адлучэнні царквы ад Дзяржавы ад 5 сакавіка 1931 года аб здавальненні настойлівых запатрабаванняў большасці працоўных мас аб перадачы царквы пад культурныя ўстановы, із'яць царвку пад назвай «Троіцкая».

Із'яцьце царквы правесці 26 сакавіка 31г.

Для правядзення із'яцьця царквы скласці камісію ў наступным складзе: 1) ад РВК, т. Радзьвіновіча, 2) ад Райфо, т. Цалубінскага, 3) Інспектуры Асьветы, т. Стасевіча, 4) прыгласіць у склад камісіі прадстаўніка ад рэлігійнай абшчыны старасту гэтай царквы, гр. Карпенка.

Прапанаваць камісіі маёмасць зачыненай царквы перадаць наступным парадкам:

А) усе мэталевыя рэчы: званы і іншыя перадаць як металалом для скарыстання ў прамысловасці.

Б) маемасць магучую быць скарыстанай для культасветных мэт: вопратка, парча і інш. перадаць Нарасьвеце для скарыстання як дэкаратыўную маемасць.

В) астатнюю маемасць, якая мае выключна рэлігійная значэнне: абразы і інш. перадаць застаўшайся цэркві (Нікалаеўскай).

5. Абавязаць т. Васількова прадставіць у распараджэнне камісіі 10 падвод для вывазкі маемасці.

6. Даручыць тэхніку Кратовічу саставіць праэкт і прыступіць да перабудовы царквы пад культурныя асьветныя ўстановы не пазней 10 красавіка» [3, л. 8].

Лоевским райисполкомом 31 марта было принято еще одно решение, касающееся имущества церкви, которое определило передачу металлолома заводу «Пролетарий». Надо отметить, что Свято-Троицкая церковь имела 6 колоколов весом 38, 18, 6, 4, 1 и 1,5 пуда, всего 68,5 пудов. Также этим решением предусматривалась передача здания церкви для переоборудования под школу [3, л. 9].

О судьбе Свято-Николаевской церкви до войны упоминается в прошении приходского совета Лоевской Свято-Троицкой церкви к председателю Совета по делам русской православной церкви при СНК СССР П. Карпову, которое датируется 3 декабря 1945 г. Из письма: «В дореволюционное время в пос. Лоев имелось две церкви и два притча, но в 1931 году обе церкви были разорены, причем из одной на том же месте была выстроена школа, а другую разобрали и употребили часть на постройку дома для милиции, а остальное разошлось куда попало. Во время немецкой оккупации нам было разрешено занять какое-либо здание под церковь, что

и было сделано. После изгнания немцев, нас выгнали из помещения, и мы остались без церкви. И два громадных здания заняли под школу...» Также в письме приходской совет упоминает пострадавшее в годы оккупации здание, принадлежащее общине, которое верующие просят оставить им в пользование [4, л. 4–5]. Ответ на прошение, как и на обращения к уполномоченному по Гомельской области, приходской совет так и не дождался. Об этом свидетельствует письмо священника Лоевской церкви Колесникова (священник Колесников Иулиан Никодимович, 1878 года рождения, уроженец с. Барбаров Наровлянского района, назначен на служение в Лоевскую православную общину указом архиепископа Василия от 22 августа 1945 г.) уполномоченному Совету по делам Русской православной церкви при СНК СССР по БССР Лобанову, в котором он упоминает о том, что неоднократно обращался к уполномоченному по Гомельской области Горелову с просьбами о передаче верующим здания (бывшего церковного дома) «без крыши, без окон, без дверей и пола» [4, л. 8–9]. Настоятель Свято-Троицкой церкви обращался и в Лоевский райисполком по поводу строительства церкви, но разрешение на пользование и строительство здания церкви получено не было.

10 января 1947 г. был заключен договор об аренде частного дома по адресу: ул. Комсомольская, д. 43 «под церкву на один год для молитвы» [4, л. 13].

29 января 1947 г. было зарегистрировано религиозное общество Русской православной церкви в г.п. Лоеве [4, л. 1]. В марте 1947 г. настоятелем Свято-Троицкой церкви в Лоеве был назначен Секач Григорий Яковлевич [4, л. 17]. Григорий Яковлевич Секач родился 15 сентября 1904 г. в д. Акулинка Михалковской волости Мозырского уезда Минской губернии. В 1924 г. он окончил четырехклассную школу в г. Мозыре, а в 1927–1929 гг. являлся псаломщиком при Мозырском Свято-Успенском соборе. В 1930 г. Г.Я. Секач был обвинен в контрреволюционной деятельности и приговорен к 5 годам высылки, которую отбывал на Кольском полуострове. По окончании установленного срока наказания он поселился в г. Речица Гомельской области. В 1939 г. Г.Я. Секач вместе с семьей переехал в Гомель и до начала Великой Отечественной войны работал поваром в ресторане водного транспорта. Летом 1941 г. Григорий Яковлевич вернулся в Речицу, где был избран старостой Свято-Троицкого храма, открытого при содействии немецкой оккупационной власти [4, л. 23]. Сложный жизненный и служебный путь Г.Я. Секача подробно изложен в статье А. Слесарева «Основатель «Серафимо-Геннадиевской» ветви катакомбной церкви «схимитрополит» Геннадий (Секач)» [5].

Переехав в Лоев, священник Григорий Секач активно приступил к возведению нового молитвенного дома, который был построен в течение полугода. В мае 1947 г. Лоевский райисполком и уполномоченный по делам РПЦ по Гомельской области Цуканов направили пакет документов в Совет по делам РПЦ при СМ БССР с ходатайством о ликвидации Лоевской религиозной общины. В решении Лоевского райисполкома от 13 мая 1949 г. № 300 было указано: «Исполком Лоевского районного совета депутатов трудящихся отмечает, что в январе 1947 года Лоевская церковно-православная община без ведома райисполкома и без разрешения уполномоченного по делам церкви по Гомельской области, самовольно построила маленький дом и, несмотря на запрещение, постепенно расширяла его, превратив

в подобие церкви (снимок прилагается). Для строительства так же самовольно захвачена земля госфонда. Организацию самовольного строительства и расширения церкви возглавил поп-самозванец Секач, бывший уголовный преступник, совершенно не имеющий образования священника. Секач систематически нарушает существующий порядок отправления религиозных культов, самовольно посещает колхозы, организовывает в колхозах богослужения, срывая выполнение сельскохозяйственных работ и направляя свои действия против мероприятий, проводимых местными органами власти. Кроме того, Секач ведет антисоветскую агитацию среди взрослого населения и особенно среди детей-учеников. В результате чего появились случаи посещения детьми богослужений и распространения детьми различных антисоветских и религиозных писем.

Исходя из вышеизложенного исполком Лоевского районного совета депутатов трудящихся решил:

Разрешить Лоевскому райисполкому закрыть церковь в Лоеве,

Попа церкви Секача, ведущего антисоветскую деятельность, выселить из пределов района,

Помещение Лоевской церкви передать в ведение райисполкома для использования его для районной библиотеки» [4, л. 68].

Рассмотрев дело Лоевской религиозной общины, Совет по делам РПЦ при СМ БССР отклонил решение Лоевского райисполкома, считая этот вопрос преждевременным.

13 марта 1950 г. священник Григорий Секач был переведен настоятелем Свято-Николаевского храма д. Огородня-Гомельская Добрушского района. Новым настоятелем Лоевского Свято-Троицкого молитвенного дома был назначен священник Александр Сегень [4, л. 24]. Сегень Александр Данилович родился 3 марта 1907 г. в с. Шишово Каменецкого района Брестской области, сын священника. В 1942–1946 гг. проживал в Гродно, где служил псаломщиком, вначале при соборе, а затем Владимирской церкви. С января 1946 г. работал в канцелярии епископа Гродненского и Лидского Варсонофия. С 1944 по 1946 гг. учился заочно в Гродненском пединституте, закончил два курса. В 1946 г. поступил в Одесскую духовную семинарию, где проучился 1946/1947 учебный год. В 1947–1948 гг. работал псаломщиком в с. Константиновка Николаевской области. В 1948 г. поступил в Минскую духовную семинарию в Жировичах, которую закончил в 1949 г. [4, лл. 27–27 об.].

Священник Александр Сегень не долго занимал должность настоятеля Лоевского молитвенного дома, так как, преследуя цель вернуть свое прежнее место служения, Григорий Секач развернул широкую кампанию по сбору подписей в свою поддержку, одновременно пытаясь дискредитировать нового настоятеля. Коллективные обращения лоевских прихожан, насчитывавшие до нескольких сот подписей, направлялись Архиепископу Минскому и Белорусскому Питириму и Святейшему Патриарху Московскому и всея Руси Алексию I. Назначенная Архиепископом Питиримом следственная комиссия, возглавленная священником Петром Бычковским, пришла к заключению, что все обвинения, воздвигнутые на священника Александра Сегеня сторонниками прежнего настоятеля, являются

клеветническими и не имеют под собой реальных оснований. Результаты работы епархиальной следственной комиссии во всей полноте подтвердили наличие в деятельности священника Григория Секача многочисленных нарушений как церковных канонов, так и советского религиозного законодательства. Ставшая после этого очевидной невозможность его возвращения в Лоев значительно обострила накал страстей среди прихожан местного храма. Категорическое неприятие ими нового настоятеля побудило Архиепископа Питирима перевести священника Александра Сегеня на другой приход.

Настоятелем Лоевского молитвенного дома был назначен 9 июня 1951 г. священник Петр Латушко [4, л. 54]. Латушко Петр Константинович родился в 1930 г. в д. Слобода Смолевичского района Минской области, учился в Слободской средней школе, закончил в 1951 г. Минскую духовную семинарию и был назначен митрополитом Питиримом настоятелем Лоевской церкви. В Лоеве проживал по адресу: ул. Пролетарская, 43 [4, лл. 56–56 об.].

В отчете за 1958 г. уполномоченный Совета по делам РПЦ при СМ СССР по Гомельской области В. Лобанов охарактеризовал священника П.К. Латушко «активным церковным деятелем». Во время своей работы в Лоевской церкви он «сделал ряд ремонтно-строительных работ и привел молитвенный дом в надлежащий церковный вид. Так, в 1952 г. он «самовольно расширил молитвенный дом на 35 кв. м и довел его до 100 кв. м (с алтарем). В 1955 году Латушко также самовольно пристроил с боку алтаря капитальную пристройку (пономарку) <...> Кроме того Латушко достал где-то <...> кровельное железо, которым покрыл крышу молитвенного дома. Приобрел немало разной церковной утвари, создав тем самым такое же благолепие, какое имеется в типовых церквях <...> Будучи активным и энергичным церковником, он весьма активизировал религиозную деятельность среди верующего населения, которые в большом количестве посещают молитвенный дом, а во все большие религиозные праздники бывает многолюдно...» [6, л. 40]. В Лоевский молитвенный дом приезжало немало верующих из деревень, расположенных за Днепром на территории Украины. Латушко Петр Константинович систематически проводил необходимые требы на дому у верующих, перемещаясь по району на собственном мотоцикле. Уполномоченный отмечает, что «Церковную службу и образ жизни он ведет так, что верующие не нахвалятся им и жертвуют для него много сельхозпродуктов, хотя у него имеется своя корова, держит свинью и кур» [6, л. 41]. Доход Лоевского молитвенного дома за 1959 г. от продажи свечей, просфор, крестиков, икон, исполнения треб, пожертвований составил 49 381 руб. В отчете такой доход характеризуется уполномоченным как «значительный» [7, л. 10]. По мнению уполномоченного, высокие доходы Лоевского молитвенного дома обусловлены тем, что это единственная церковь в районе.

В дни престольных праздников священник Латушко П.К. проводил торжественные службы с участием других приходских священников. Например, в 1958 г. в честь церковного праздника, который отмечался на 10 пятницу после Пасхи (десятыху) были приглашены священники: Попович Андрей из Носовичского молитвенного дома, Зылевич Василий из Ямпольской церкви, Мисеюк Иван

из Речицкого молитвенного дома и бывший благочинный Кротт Михаил. Кроме Мисеюка Ивана все участвовали в церковной службе [7, л. 15].

Церковное имущество Лоевской Свято-Троицкой церкви на 1 августа 1960 г. включало:

1. Св. Престол 1
2. Облачения для Престола 3
3. Скатерти 4
4. Св. Антиминс 1
5. Напрестольные Евангелия 3
6. Напрестольные кресты 3
7. Дарохранильница 1
8. Дароносица 1
9. Жертвенник 1
10. Облачения для жертвенника 2
11. Чаши 2
12. Дискосы 2
13. Звездицы 2
14. Лжицы 2
15. Копие 2
16. Покровцы и воздух в комплектах 3
17. Семисвечник 1
18. Запрестольный крест 1
19. Ковшики 2
20. Блюдца 2
21. Трехсвечник Пасхальный 1
22. Подсвечник выносной (пономарский) 1
23. Венцы обручальные 2
24. Св. Плащаница (спасителя) 1
25. Св. Плащаница (успения Б.М.) 1
26. Гроб под Плащаницы 2
27. Иерейские облачения 12
28. Аналои 2
29. Облачения для аналоев 4
30. Шкаф для облачения 1
31. Шкафчик 1
32. Занавеси для царских врат 2
33. Голгофа 1
34. Подсвечников 5
35. Хоругви в парах 2
36. Кадило 2
37. Паникадило 1
38. Литийное блюдо 1
39. Иконы в Алтаре 25
40. Иконы в иконостасе 10

41. Иконы по церкви 45» [4, л. 87].

В ноябре 1961 г. в Лоевскую церковь было передано имущество закрытого Шарпиловского молитвенного дома [4, л. 108]. В этом же году 1 октября согласно указу архиепископа Минского и Белорусского Варлаама настоятелем Свято-Троицкой церкви в г.п. Лоев был назначен протоиерей Мисеюк Иоанн Иванович, 1924 г.р., который перемещался с должности настоятеля Свято-Успенской церкви г. Речицы.

3 сентября 1964 г. указом архиепископа Минского и Белорусского Сергия на служение настоятелем в Свято-Троицкую церковь г.п. Лоев назначается настоятель Свято-Успенской церкви г. Калинковичи священник Повный Петр Захарьевич [4, л. 131]. В следующем году в молитвенном доме был произведен ремонт, оборудовали «крестилку», произвели покраску иконов и иконостаса бронзой, алюминиевой и эмалевой красками. На это израсходовали более 150 рублей. Оборудование «крестилки», ее утепление способствовало тому, что увеличилось число крещений детей в течении всего года. Так, за 1964 г. было окрещено 172 человека, а за 1965 г. – 181 [8, л. 27]. 15 апреля 1970 г. настоятелем в Свято-Троицкую церковь г.п. Лоев был назначен настоятель Свято-Николаевской церкви с. Старая-Белица Гомельского района протоиерей Соколовский Владимир Корнильевич [4, л. 148].

24 июня 1970 г. указом архиепископа Минского и Белорусского Антония на служение настоятелем в Свято-Троицкую церковь г.п. Лоев назначается новый настоятель протоиерей Мандрик Михаил Алексеевич, который был освобожден от служения настоятелем Свято-Николаевского молитвенного дома с. Носовичи Добрушского района [4, л. 151]. Его жена Мандрик Валентина Васильевна служила псаломщицей при церкви.

В 1970-е годы посещаемость Лоевского молитвенного дома в праздничные дни составляла до 1000 верующих. Обрядность по сведениям уполномоченного по Гомельской области определялась, например, следующими цифрами: в первом полугодии 1973 г. по данным ЗАГСов в Лоевском районе родилось 173 ребенка, крестили в Лоевском молитвенном доме – 66, умерло по данным ЗАГСов 113 человек, заочных отпеваний совершено 13 [9, лл. 119, 122].

В связи с начавшейся в стране перестройкой происходит переориентация политики государства в направлении сотрудничества с церковью. Наиболее явно изменения проявились после встречи Генерального секретаря ЦК КПСС М.С. Горбачева с Патриархом Московским и всея Руси Пименом и членами Синода в 1988 г., воспринятой верующими как подтверждение лояльности партийно-советского аппарата к русской православной церкви. Перестройка государственно-церковных отношений вызвала у активной части верующих стремление восстановить ранее снятые с регистрации религиозные объединения, вернуть верующим пустующие культовые здания, капитально отремонтировать и реконструировать молитвенные дома и храмы.

19 февраля 1990 г. протоиерей Мандрик обратился в Лоевский райисполком и к уполномоченному Совета по делам религий по Гомельской области с заявлением, в котором указывалось, что молитвенный дом «с течением времени значительно

обетшал и пришел в негодность». В связи с чем религиозное общество просило разрешить постройку нового здания церкви [4, л. 151]. Рассмотрев представленные документы, Гомельский облисполком направил представление в Совет по делам религий при СМ СССР, в котором сообщил о своем согласии на строительство в г.п. Лоев нового здания церкви по улице Кооперативная, 13 [4, л. 193].

Постановлением Совета по делам религий при Совете Министров СССР от 28 июня 1990 г. религиозному обществу русской православной церкви в г.п. Лоев разрешено строительство нового культового здания взамен старого, пришедшего в ветхое состояние [4, л. 199].

Источники и литература:

1. Гарады і вёскі Беларусі: Энцыклапедыя. Т. 2, кн. 2. Гомельская вобласць / С.В. Марцэлеў; Рэдкал.: Г.П. Пашкоў (гал. рэд.) і інш. – Мн.: Беларуская энцыклапедыя, 2005. – 520 с.: іл.
2. Государственный архив Гомельской области (далее ГАГом). – Ф. 924. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАГом. – Ф. 509. Оп. 1. Д. 258.
4. ГАГом. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 49.
5. Слесарев А. Основатель «Серафимо-Геннадиевской» ветви катакомбной церкви «схимитрополит» Геннадий (Секач) // *Сектоведение*. – 2012. – Том 2, с. 112–147.
6. ГАГом. – Ф. 3441. Оп. 2. Д. 14.
7. ГАГом. – Ф. 3441. Оп. 2. Д. 20.
8. ГАГом. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 83.
9. ГАГом. – Ф. 1354. Оп. 5. Д. 102.

Землеволодіння родини Милорадовичів на території Білорусі

Коваленко О.О., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна

Сербський за походженням козацько-старшинський рід Милорадовичів, nobілітований царським урядом наприкінці XVIII ст., залишив помітний слід увітчизняній історії. Його представники здобули численні маєтності на Лівобережній Україні й за допомогою вдалих шлюбних стратегій увійшли до складу соціально-політичної еліти Російської імперії [1, с. 130–148; 2, с. 513–546].

Фамільне гніздо чернігівської гілки родини Милорадовичів знаходилося у стародавньому містечку Любечі, який разом з навколишніми селами, угіддями і «перевозом» через Дніпро вони успадкували від нащадків знаменитого чернігівського полковника і наказного гетьмана Лівобережної України П. Полуботка [3, с. 9–10]. Завершеного вигляду фамільній садибі надав граф, генерал-лейтенант, відомий громадський діяч та історик Г.О. Милорадович (1839–1905), який зупинив парцеляцію родинного земельного фонду і зосередив у своїх руках у Любечі та на його околицях близько 3,2 тис. десятин [4]. Ще майже 4,6 тис. десятин землі належали Г.О. Милорадовичу в інших місцевостях Чернігівського та Городнянського повітів Чернігівської губернії [5, с. 7].

Проте на цьому він не зупинився і на початку ХХ ст. придбав маєтки Комаровичі та Головчиці у сусідньому Мозирському повіті Мінської губернії (загалом понад 10 тис. десятин землі) разом з боргом попереднього власника Віленському земельному банку, що становив майже 30 тис. крб. Щоправда, маєток у Головчицях (близько 4 тис. десятин) Г.О. Милорадович невдовзі продав. Цікаво, що посередником у цих трансакціях була довірена особа Г.О. Милорадовича любецький священник о. Микола Нагорський [6, арк. 267 зв. – 268]. Вочевидь Г.О. Милорадович відчув сприятливу кон'юнктуру на земельному ринку, адже саме тоді ціни на землю в регіоні почали суттєво зростати. «Главным богатством Припятского Полесья, – зауважив сучасник, – являются реки и леса [...]. Что же касается болот, то они в настоящее время осушены путем проведения каналов, и ценность земель [...] вследствие этого сильно поднялась» [7, с. 392–393].

Польська письменниця і етнограф Е. Дмаховська (1864–1919), яка походила зі шляхетської родини Єленських – колишніх власників Комаровичів, у 1891 р. опублікувала у варшавському географічно-етнографічному місячнику «Вісла» великий нарис про свою малу Батьківщину, який дозволяє скласти досить повне уявлення про маєток, який придбав Г.О. Милорадович, природне становище та повсякденне життя місцевих мешканців [8]. На її думку, тамтешні «маєтки безперечно мають світле майбутнє: достатня кількість землі, часом досить врожайної, незліченні простори луків та лісів – усе це, за умови праці й наявності капіталу, могло б колись приносити високі прибутки». На заваді подальшого розвитку краю, як зазначила Е. Дмаховська (Єленська), постає «поганий стан шляхів, влітку піски, а восени й навесні непрохідна багнюка, що призводить ще й до того, що місцеві мешканці живуть виключно для себе і самі з собою». Щоправда, ця ізоляція від зовнішнього світу була почасти зруйнована після прокладання залізниці Гомель – Пінськ, яка пройшла на відстані 35 км від Комаровичів [8, с. 291–293].

Відомо, що Г.О. Милорадович збирався провести у Комаровичах меліоративні роботи, впорядкувати лісове господарство і модернізувати занедбаний винокурний завод. Е. Дмаховська (Єленська) зазначила, що маєток у Комаровичах традиційно спеціалізувався на виробництві горілки: «Земля піщана і легка якнайкраще продукує картоплю, [...] а фабрикація горілки дає значний прибуток» [8, с. 269]. Проте передчасна смерть не дозволила Г.О. Милорадовичу реалізувати цей задум. Відтак маєток у Комаровичах перейшов у власність його сина графа О.Г. Милорадовича (1886–1952). Наразі бракує інформації про його господарську діяльність, але збереглися документи, які засвідчують перебування О.Г. Милорадовича на посаді Борисівського повітового предводителя дворянства Мінської губернії у 1913–1914 рр. [9, арк. 1 зв. – 2, 3 зв. – 4; 10, арк. 2]. Подальші архівні пошуки дозволять більш детально відтворити господарську та громадсько-політичну діяльність представників родини Милорадовичів на теренах Білорусі.

Джерела та література:

1. Милорадович Г.А. Родословная книга Черниговского дворянства. – Чернигов, 1901. – Т. II. Ч. 6.
2. Модзалевский В.Л. Малороссийский родословник. – Киев, 1912. – Т. 3.

3. Милорадович Г.А. Любеч и его святыня. – СПб., 1905.
4. Коваленко О. Садибно-парковий комплекс родини Милорадовичів у Любечі // Палацово-паркові комплекси України: охорона, збереження та використання: Науковий збірник. – Київ, 2016. – С. 221–227.
5. Чернігівський обласний історичний музей ім. В.В. Тарновського, інв. № АЛ 19 – 2/2/506.
6. Державний архів Чернігівської області, ф. 679, оп. 3, од. зб. 27.
7. Россия: Полное географическое описание нашего Отечества / [под ред. В.П. Семенова]. – Мн., 2006 (репринтное издание). – Т. 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия.
8. Jeleńska E. Wieś Komarówicze w powiecie Mozyrskim // Wisła: Miesięcznik geograficzno-etnograficzny. – Warszawa, 1891. – Т. V. S. 290–331, 479–520.
9. Російський державний історичний архів, ф. 796, оп. 438, од. зб. 395.
10. Інститут рукопису Національної бібліотеки України ім. В.І. Вернадського НАН України, ф. III, спр. 33242.

«Святой революции»: новые факты к биографии Д.А. Лизогуба

Миден Э.Л., Черниговский национальный педагогический университет имени Т.Г. Шевченко, Чернигов, Украина

Дмитрий Андреевич Лизогуб вошел в историю как революционер-народник, «святой революции». Он финансировал политический террор в Российской империи 1870-х гг., но ни разу не принимал участия в самих террористических актах. Причиной тому служило убеждение Д.А. Лизогуба, что только активными действиями есть возможность добиться лучшего будущего, социально справедливого.

Потомок известного украинского казацко-старшинского рода Д.А. Лизогуб родился 29 июля 1849 г. в Седневе (Черниговская губерния) в семье Андрея Ивановича Лизогуба и Надежды Дмитриевны, урожденной Дунин-Борковский. Имел двух братьев – Илью (1846 г.р.) [9, с. 143] и Федора (между 1859 [2] и 1863 г.р. [6, с. 180]).

Детство Д.А. Лизогуба прошло в Седневском имении дяди, Ильи Ивановича Лизогуба, который, не имея собственных детей, пригласил переехать в Седнев семью младшего брата Андрея. И.И. Лизогуб создал надлежащие условия для всестороннего развития своих племянников. Воспитанием детей занимался гувернер-француз [13, с. 498], поэтому первым языком, которым овладели сыновья Андрея Ивановича, стал именно французский. Интересные воспоминания о детстве Д.А. Лизогуба оставил Л.М. Жемчужников, который гостил в седневском имении Лизогубов в 1854–1855 гг.: «У Андрея Ивановича было два сына: Илья и Дмитрий. Дмитрий тогда еще был крошка, мне очень нравился, часто меня навещал; и я всегда готовили ему какое-нибудь лакомство. Митя, бывало, стоит около меня, долго смотрит, как я рисую. Лизогубы узнали, что Митя повадился меня посещать и получать гостинцы, сказали ему, что нехорошо просить, и взяли с него слово, что просить он не будет. Приходит Митя, я рисую. Митя переминается с ноги на ногу и, наконец, говорит: «Лёва, а Митя не просит». «Ах, какой милый Митя, – ответил я, – вот за то, что он не просит, я ему дам гостинцы» [4, с. 162].

В 1860 г. Д.А. Лизогуб некоторое время жил у своего дяди В.Д. Дунина-Борковского в Екатеринославе и посещал местную гимназию [14, с. 498]. В течение 1865–1868 гг. Д.А. Лизогуб учился в колледже Монпелье [3, с. 780], а в 1870 г. поступил в Петербургский университет. Сначала он выбрал математический факультет, но через год перешел на юридический. Однако вскоре в университете он познакомился с радикально настроенными студентами и примкнул к нелегальному кружку, что кардинально изменило его жизненную позицию. В 1874 г. Д.А. Лизогуб не внес платы за обучение и был исключен из университета. Он уехал за границу, чтобы установить связь между российскими и европейскими, преимущественно сербскими, революционными кружками. Д.А. Лизогуб находился за границей с мая по август 1874 г., жил в Париже, Лионе и Лондоне. По возвращении в Россию он был арестован и отправлен в свои имения Черниговского уезда под надзор полиции [3, с. 780]. Именно тогда Д.А. Лизогуб пришел к выводу о бесполезности мирной пропаганды и необходимости «объявления войны правительству».

В 1874 г. умерла Елизавета Ивановна, вдова И.И. Лизогуба и последняя владелица имения Лизогубов, поэтому братьям пришлось делить наследство, общая стоимость которого оценивалась в 150 тыс. рублей [15]. Села в Подольской губернии были проданы, а земли на Черниговщине распределены [13, с. 497]. 6 июня 1875 г. в конторе черниговского нотариуса Г.Д. Краснопольского И.А. Лизогуб, Д.А. Лизогуб и В.И. Греков, как опекун «малолетнего дворянина Федора Андреевича Лизогуба», закрепили распределение наследства, по которому Д.А. Лизогуб получил имение Глебовку с землями в Черниговском и Городнянском уездах, всего – более 2412 десятин [1].

Осенью 1876 г. Д.А. Лизогуб стал одним из организаторов тайного общества «Земля и воля», что возлагало на него большие обязанности. Программа «Земли и воли» предусматривала установление «сношений и связей в центрах сосредоточения промышленных рабочих, заводских и фабричных» [8, с. 114]. Д.А. Лизогуб начал реализовывать свое имущество для поддержки революционного движения, но опасался продавать все имения вместе. Для того чтобы превратить все в реальные деньги, наличные, ему пришлось провести ряд финансовых операций. Деньги для совершения терактов он держал за рубежом и передавал их через управляющего своих имений В.В. Дриго.

В июле 1878 г. Д.А. Лизогуб был арестован в Одессе и заключен в местную тюрьму. Обстоятельства сложились так, что его судьба решалась во время скандального «Процесса двадцати восьми», который проходил в Одесском военно-окружном суде с 25 июля по 5 августа 1879 г. [10]. Свидетельство управляющего имениями Д.А. Лизогуба В.В. Дриги, который согласился сотрудничать с полицией, не оставили судьям места для сомнений. Д.А. Лизогуб был приговорен к смертной казни через повешение. На предложение спасти свою жизнь просьбой к императору Александру II о помиловании он ответил отказом [10, с. 427].

10 августа 1879 г. Д.А. Лизогуба повезли на казнь вместе с С.Ф. Чубаровым и И.Я. Давыденко. Очевидцы рассказывали, что он был невозмутимо спокоен, даже ласковая улыбка играла на его лице, когда он обращался к друзьям со словами ободрения [10, с. 427]. Смерть Д.А. Лизогуба всколыхнула все передовое общество

Российской империи. Л.Н. Толстой посвятил этому трагическому событию рассказ «Божеское и человеческое», в котором вывел образ Д.А. Лизогуба под фамилией Синегуб. Л.Н. Жемчужников, который помнил Д.А. Лизогуба еще маленьким мальчиком, писал: «Это был не суд праведный и милосердный, а быстрый и жестокий – немилосердное убийство» [3, с. 162].

После самой казни в обществе начали распространяться слухи, будто Д.А. Лизогуб истратил все свое состояние на пропаганду. Некоторые даже утверждали, что он дал на это дело 280 000 рублей. Среди киевских жандармов появилась еще более фантастическая сумма: информация о потраченном миллионе. Как утверждал известный криминалист и историк права А.Ф. Кистяковский, «эта-то болтовня либералов, подхваченная болтовнею полициантов, и послужила основанием для казни несчастного молодого человека, который заблуждался, однако ж не совершил никакого злодеяния» [5, с. 525].

Нужно подчеркнуть, что А.Ф. Кистяковский провел собственное расследование причин казни Д.А. Лизогуба в 1879–1880 гг. В результате, в своем дневнике А.Ф. Кистяковский упомянул, что «Д. Лизогуб мог иметь состояние всего тысяч на 100 и что оставшееся у Дриги состояние его, стоимостью тысяч 80. Где же те сотни тысяч, которые будто бы этот казненный Христа ради употребил на социалистическую пропаганду? Очевидно, они – плод воображения болтающей публики и подозрительности правительственных органов. И, однако ж, это стоило жизни несчастному Лизогубу» [5, с. 87]. Именно вышеуказанное заставляет нас пересмотреть общепринятые взгляды о личности Д.А. Лизогуба как одного из главных финансистов всероссийского революционного терроризма.

Вокруг личности казненного практически сразу возникли мысли кривотолки, он стал своеобразным символом – «святым революции». Одним из обязательных элементов данной «святости» выступала непорочность Д.А. Лизогуба и отсутствие в его жизни подобия даже платонической любви к противоположному полу. Но вот более тщательное изучение источников касательно его личной жизни может свидетельствовать об ином. Например, Е.Д. Хирьякова свидетельствовала о необычной популярности Д.А. Лизогуба среди дам как жениха. К этому факту Я.С. Липкович смог добавить информацию о существовавшей тайной любовной связи между революционером и Марией Николаевной Капцевич (дедушка которой был одним из гатчинских генералов императора Павла I, а заодно и генерал-губернатором Сибири). В переписке народников М.Н. Капцевич упоминалась как «парижская дама» [7, с. 88–89].

Но если снова обратиться к воспоминаниям А.Ф. Кистяковского за 2 марта 1880 г. можно сделать вывод о существовании еще одной «любви» Д.А. Лизогуба. Информация приводится следующая: «Еще один эпизод, связанный с памятью Дмитрия Лизогуба. У него опекуном был Греков, исправник Городнянского уезда. У Грекова есть дочь, которая любила покойного Дмитрия, да и Лизогуб ей вторил. Когда несчастный юноша был казнен, молодая девушка была безутешна. Об этом дознались жандармы. Пошла переписка. Греков лишился места. Симпатии дочери к казненному политическому деятелю стоили отцу места, которое он заслужил долговременною службою» [5, с. 87].

Таким образом можно сделать вывод, что личность Д.А. Лизогуба все еще актуальна для исследования как народнического движения в Российской империи 1870-х гг., так и с точки зрения психоистории, которая изучает психологическую мотивацию поступков людей в прошлом.

Источники и литература:

1. Выпись из крепостной Черниговскаго Нотариальнаго Архива книги по Городницкому уезду [Копия]. – 1875 (№ 2). – С. 158. – № 51. [Хранится в частном архиве семьи Киселей в пгт Седнев.]
2. Государственный архив Черниговской области, ф. 127, оп. 14, д. 4314, л. 1 зв.
3. Деятели революционного движения в России: Библиографический словарь: Т. 2: Семидесятые годы: Вып. 2: Ж–Л / Сост. А.А. Шилов, М.Г. Карнаухова. – М., 1930. – С. 407–836.
4. Жемчужников Л.М. Мои воспоминания из прошлого. – Л., 1971.
5. Щоденник: 1874–1885: У 2 т. / О.Ф. Кістяківський; упоряд. В.С. Шандра [и др.]; відп. ред. І.Л. Бутич. – К., 1995. – Т. 2.
6. Коротенко В.В. Формулярний список про службу Федора Лизогуба (за документами Державного архіву Полтавської області) // Архіви України. – 2011. – Випуск 6 (276). – С. 179–183.
7. Липкович Я. Жизнь и смерть Дмитрия Лизогуба // Нева. – 1984. – № 3. – С. 75–111.
8. Рудько М.П. Революційні народники на Україні (70-ті роки ХІХ ст.). – К., 1973.
9. Самохіна Н. Рід Лизогубів в історії України // Містечко над Сномом: Збірка статей і матеріалів. – Ніжин, 2007. – С. 124–150.
10. Степняк-Кравчинский С.М. Подпольная Россия. – М., 1958. – Т. 1.
11. Троицкий Н.А. Безумство храбрых. Русские революционеры и карательная политика царизма 1866–1882 гг. – М., 1978.
12. Троицкий Н.А. Россия в ХІХ веке: Курс лекций. – М., 1997.
13. Хирьякова Е. Воспоминания и некоторые сведения о Димитрии Андреевиче Лизогубе // Звенья: Сборники материалов и документов по истории литературы, искусству и общественной мысли ХІХ в. – М., Л., 1932. – Сб. 1.
14. Чернігівщина: Енциклопедичний довідник / за ред. А.В. Кудрицького. – К., 1990.
15. Ярхо В. Жрецы и жертвы террора: Народовольцы – «устроители» народного счастья // История (Первое сент.). – 2004. – № 10–11. – С. 4–11; с. 15–21.

Сутковское имение и его владельцы в опубликованных воспоминаниях Михаила Васильевича Сабашникова

Семашко К.В., Музей битвы за Днепр, Лоев, Беларусь

Формирование Сутковского имения с пейзажным парком и большими фруктовыми садами велось во второй половине ХVІІІ в. на высокой живописной

террасе Днепра. В ансамбле находят отражение простые и выразительные архитектурные формы эпохи классицизма [5, с. 114].

В книге «Записки Михаила Васильевича Сабашникова» автор вспоминает: «Путь в Сутково из Москвы вел по железной дороге до Гомеля, оттуда пароходом по Сожу до Лоева, из Лоева лошаадьми 12 верст верх по правому горному берегу Днепра, обсаженным еще при Екатерине II вековыми березами, шляхом. Большой двухэтажный белый дом с колонами на высоком берегу Днепра господствовал над всей окрестностью. По бокам его два маленьких одноэтажных флигеля соединены были с домом крытыми галереями. Перед домом большая площадка, занятая когда-то цветниками, а с нее широкий вид на противоположный берег реки, покрытый вековыми дубами. Впечатление самобытной природы, еще не тронутой человеком, усиливалось еще неугомонной работой реки <...> Около самого дома роскошные декоративные укусные кусты, шиповник и белая акация, во время цветения наполнявшая дом своим ароматом.

К дому примыкал разведенный с большим вкусом вековой парк, в котором граб, дуб, ясень и клен красивыми куртинами обрамляли сочные лужайки, а со стороны реки оставляли удачно выбранные просветы с видами вдаль. Длинная аллея пирамидальных тополей и неизбежная в каждом русском парке липовая аллея ограничивали собой старый фруктовый сад, с его яблонями, грушами, вишнями и сливами. Все когда-то заведено было на широкую ногу, умело и красиво, но все было забыто и запущено. Молодой хозяйке пришлось много и много похлопотать и поработать, имение потребовало вложений немалых средств на восстановление хозяйства» [3, с. 99].

За время своего существования усадьба не один раз меняла своих владельцев. Польский историк и исследователь замков, дворцов и усадеб Роман Афтанази в своей монументальной работе «История резиденций на давних окраинах Речи Посполитой» перечисляет владельцев этих мест, последовательно сменявших друг друга.

С XVII в. большая часть Лоевщины с окрестными землями и лесами, включая Сутково, была наследственным владением семьи Юдицких, далее имение недолгое время находилось во владении Н. Рудиевского, Чайковской, у которой имение выкупила молодая семья Александра и Екатерины Барановских [6, с. 154].

Екатерина Васильевна, последняя владелица имения, родилась в семье купца и золотопромышленника Собашникова Василия Никитовича и Скорняковой Серафимы Савватьевны в городе Кяхта на границе России и Монголии.

Екатерина, старшая дочь Сабашниковых, получила хорошее домашнее образование, владела французским и английским языками. С детских лет училась живописи у живописца-передвижника и близкого знакомого семьи Сабашниковых – Николая Васильевича Неврева (1830–1904). Именно им были написаны портреты отца Екатерины – Василия Сабашникова и ее брата Сергея [2, с. 61, 73].

Когда умерли родители, Екатерина Васильевна взяла на себя бремя хозяйства и ответственности за 3 младших братьев и совершеннолетнюю сестру Антонину. Видя желание Кати быть полезной сестре и братьям и оценив ее недюжинный ум, настойчивость и деловитость, опекун, дядя Михаил Никитич Сабашников

и попечители в лице Николая Алексеевича Абрикосова и Альфонса Леоновича Шаняевского охотно предоставили ей всецело заботы о доме и воспитании братьев, а также вводили ее в сущности всех решаемых вопросов в коммерческих делах и считались с ее мнением [2, с. 72].

Забываясь о воспитании братьев, Екатерина окружила их людьми, ценившими образование, хлопотавшими о нем и придававшими их воспитанию и обучению самое серьезное значение. Учителями маленьких братьев были выдающиеся учителя и ученые, среди них которых был Грузинский Алексей Евгеньевич, русский литературовед. Ему принадлежит прекрасное описание Лоевщины в начале 20 века. Вероятнее всего, Алексей Евгеньевич сделал эти записи во время летних приездов в имение Барановских в Сутково.

Юная светло-русая 21-летняя девушка с выдающимися скулами, широко расставленными, несколько выпученными вперед, большими, светло-голубыми лучезарными глазами, энергичная и подвижная фигурой, Екатерина все больше и больше вызывала восторженное внимание со стороны Александра Ивановича Барановского – знакомого отца Екатерины Васильевны и брата почетного опекуна детей Василия Сабашникова. Александр Иванович, представитель белорусского дворянства, был видный мужчина, некоторый жизненный опыт (кругосветное путешествие, участие в турецкой войне) делал его значительным, заслуженным, необыкновенным и интересным. Получив высшее образование, Александр окончил Училище правоведения, с 1876 г. он занимал должности действующего статского советника, мирового судьи в Петербурге, а с 1878 г. был уполномоченным Красного Креста, в 1891 г. служил в министерстве юстиции [1, с. 49].

Разница в годах сулила Екатерине надежную опору в лице Александра Ивановича, поэтому она приняла его предложение, и 11 июля 1880 г. молодые обвенчались. У Екатерины и Александра родились 5 детей: 4 мальчика и одна девочка.

Деятельная, предприимчивая, решительная в суждениях, с большим чувством долга, Екатерина искала свое дело. Ей хотелось вести передовое и рациональное хозяйство, и поэтому после долгих поисков и поездок Екатерина приобретает большое имение на правом берегу Днепра в Минской губернии Речицкого уезда под названием «Сутково», с домом, большими запашками и площадями ценного леса, однако на тот момент весьма запущенное и требовавшее преобразований [3, с. 96].

В 1891 и 1892 гг. под издательской маркой Е.В. Барановской вышли в свет книги «Злаки Средней России», «Флора Средней России» и другие определители растений П.Ф. Маевского, а также «Курс рисования» Н.А. Мартынова. В университетские годы братья Екатерины Михаил и Сергей начали свою издательскую деятельность, первые издания вышли под именем сестры, которая взяла на себя материальную ответственность за предприятие. Только с 1897 г. книги стали выходить с указанием фирмы «Издательство М. и С. Сабашниковых». Имена братьев Екатерины вошли в историю русской культуры и прочно связаны с книгоиздательством [4].

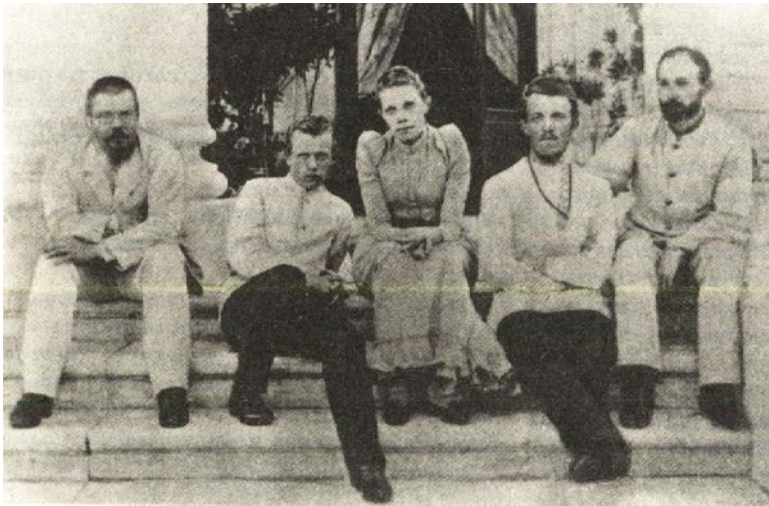
В конце 80-х гг. семья Барановских переживает сложный период. Между Екатериной и Александром обострились разногласия, связанные с деловыми

и личными неудачами. Они решили временно пожить врозь. В апреле 1890 г. Екатерина подает «прошение о выдаче ей отдельного от мужа вида на жительство со включением в него детей, то есть о признании и урегулировании «разъезда» с предоставлением ей детей» [2, с. 134]. Ходатайство было удовлетворено в феврале 1892 г.

Несмотря на трения в семье, Екатерина находила в себе силы обо всем подумать, исполненная чувства ответственности и долга, никогда не позволяла себе быть подавленной обстоятельствами и судьбой. Человек большого ума, с сильным характером, деловая и настойчивая, добросовестная и справедливая, она пользовалась уважением не только у местных помещиков, но и у крестьян. Екатерина стала развертывать энергичную деятельность в Сутково.

Современникам Екатерины посчастливилось увидеть в Сутково винокуренный завод, хорошо отработанные и удобренные поля на площадях, где был выкорчеван лес, молочную ферму с большим стадом племенного скота, расчищенные луга, богатый фруктовый сад, сложное лесное хозяйство, в котором ценные породы разрабатывались на поделки. Хороший доход позволил содержать для населения две сельские школы и бесплатную больницу, в которую Екатерина пригласила на работу молодого и талантливого доктора Евгения Владимировича Клумова [3, с. 100–101].

Живописное расположение, «здоровая местность», отличная охота на зверя и птицу, всевозможные виды спорта на большой реке делали жизнь в Сутково приятной и разнообразной [3, с. 101]. Именно поэтому на все лето к Екатерине в поместье Сутково приезжали ее братья, а также многочисленные знакомые.

С.В. Сабашников, Е.В. Барановская (урожд. Сабашникова), М.В. Сабашников – в центре; справа и слева – неустановленные лица. 1890-е гг., Сутково, имение Е.В. Барановской.

Воспоминания Михаила Сабашникова очень живописно показывают нам местный колорит белорусской глубинки: «аист, меланхолически озирающий окрестности из гнезда своего на соломенной крыше какого-нибудь сарая <...>»

медленно ведущиеся работы белорусские крестьяне и крестьянки в их белых чистеньких и нарядных, еще от старины сохранившихся национальных одеждах. Мне кажется, я и сейчас слышу их горловой унылый напев, сопровождавший некоторые работы» [3, с. 100].

В начале XX в. мирную жизнь в усадьбе стали нарушать случаи поджогов и нападений. В 1905 г. был совершен поджог винокуренного завода. Ранней весной 1918 г. среди бела дня на усадьбу напали семь мужчин в масках. Они явились на усадьбу и потребовали выдать им столовое серебро. 18 ноября (по старому стилю) 1919 г. на усадьбу было совершено еще одно нападение. Екатерина Васильевна, Лидия Алексеевна Шанявская с компаньонкой Эмилией Робертовной Лауперт, Сима, приехавшие в Сутково погостить, успели спрятаться на чердаке дома и оттуда слышали, как громили разоряли дом. Хозяйка и гости пробыли всю ночь на чердаке, а рано утром направились через Лоев в Чернигов, где жил и работал членом губернской земской управы сын Екатерины Александр.

Осенью 1921 г., после двух лет пребывания в Чернигове, Екатерина и Лидия Алексеевна перебрались в Москву. Больше в свое имение она не возвращалась [3, с. 431–432].

Спустя 5 лет, в 1926 г., Екатерина Васильевна после тяжелой болезни умерла в санатории Швейцарского города Монтре, где проходила курс лечения ракового заболевания [3, с. 100].

Опубликованные воспоминания М.В. Сабашникова являются значимым источником для изучения и освящения истории семьи последних владельцев Сутковского имения, красивейшего памятника архитектуры на территории Лоевского района.

Источники и литература:

1. Волков С.В. Высшее чиновничество Российской империи. Краткий словарь. – М.: Русский фронт содействия образованию и науке, 2016.
2. Сабашников М.В. Воспоминания. – М.: Книга, 1983.
3. Сабашников М.В. Записки Михаила Васильевича Сабашникова. – М.: Издательство имени Сабашниковых, 1995.
4. Сабашников М.В. Письма. Дневники. Архивы [Электронный ресурс] / <https://mybook.ru/author/mihail-sabanikov/pisma-dnevniki-arhiv/reader/>
5. Федорук А.Т. Садово-парковое искусство Белоруссии. – Мн.: Ураджай, 1991.
6. Roman Aftanazy. Dzieje rezydencji na dawnych kresach Rzeczypospolitej. – Warszawa, Instytut Sztuki PAN, 1991. – Tom 1.

Не оскудеет рука дающего. Меценаты из Новозыбкова

Афонина Н.М., Новозыбковская центральная библиотека, Новозыбков, Россия

Живших на рубеже XIX–XX веков благодетелей, пекущихся о добром имени родного Новозыбкова, мы сегодня громко называем меценатами. Радели они о воздвижении новых и благолепии существующих храмов, о благоустройстве улиц, строительстве больниц, богадельни, школ и других учебных заведений, о возможности талантливым, но не богатым детям получить образование, о подкидышах и семьях, потерявших кормильца...

Эти заметки – дань памяти нашим предкам, плоды деяний которых – историко-культурное наследие Новозыбкова.

Ныне действующий собор в честь Преображения Господня построен на средства местного купца Д.Н. Кублицкого, который для этой цели пожертвовал 20 000 руб. Первоначально храм был освящен во имя святого великомученика Димитрия Солунского, небесного покровителя благочестивого новозыбковца [1, с. 469]. В 1923 г. храм был переименован, но один из трех его Престолов и сегодня – Димитровский.

На месте, где в настоящее время располагается женская консультация, находилась старообрядческая церковь Рождества Пресвятой Богородицы, построенная в 1912 г. на средства новозыбковского «мучного короля» Василия Ефимовича Петухова [2]. Пятиглавый храм с шатровой колокольней был воздвигнут местными мастерами за пять лет [3, с. 612] и освящен 21 октября 1912 г. [2].

Это событие подробно описывает корреспондент старообрядческого журнала «Церковь». Он рассказывает о прибытии в Новозыбков предстоятеля старообрядческой Церкви архиепископа Московского и всея Руси Иоанна (Картушина) [4] с дьяконом и канонархами, которых встречали местные старообрядцы во главе с епископом Новозыбковским и Гомельским Флавианом (Разуваевым) [5].

Корреспондент подчеркивает, что хлеб-соль от имени общины вновь устроенной церкви поднес В.Е. Петухов, в доме которого по окончании литургии была устроена праздничная трапеза [2, с. 1113].

19 мая 1913 г. на собрании общины храма в честь Рождества Пресвятой Богородицы Василию Ефимовичу Петухову и Федору Петровичу Абросимову были торжественно вручены благодарственные адреса [3, с. 611–612] за труды, понесенные ими при постройке храма.

17 сентября 1896 г. по случаю освящения Вонифатьевского храма, построенного на средства Афанасия Ивановича Шведова [7, с. 751], наш город посетил Епископ Черниговский и Нежинский Антоний (Соколов) [6]. Архиерей побывал и в здании для церковно-приходской школы при Николаевской церкви, и в новой каменной часовне для местнотимой чудотворной иконы Божией Матери Одигитрии, подаренных городу А.И. Шведовым [7, с. 754].

Много помогал Афанасий Иванович Малино-Островскому Рождественскому женскому монастырю, что был когда-то у реки Ипути в 16 километрах к юго-западу от Новозыбкова [8, с. 246, 576–578]. На деньги Шведова в один только

год позолотили иконостасы в двух монастырских храмах и трапезной, обновили все иконы и настенную живопись, покрыли золотом семь крестов на храмах и колокольне [9]. А.И. Шведов снабжал монастырь продуктами, воском, кирпичом, кровельным железом и другим строительным материалом [10].

Это была не единственная обитель, которой Афанасий Иванович оказывал материальную поддержку [11, с. 195].

На улицах Новозыбкова сохранились фрагменты тротуаров, вымощенных фирменным – шведовским – кирпичом.

Более десятка добротных зданий, построенных на средства А.И. Шведова, до сих пор исправно служат городу. Например, в помещениях городской церковно-приходской школы, получившей в 1910 г. имя Петра Первого [12], и богадельни для одиноких нищих стариков сейчас располагается медицинский колледж.

Отец Афанасия Ивановича, купец первой гильдии Иван Львович Шведов в 1885 г. пожертвовал 5000 руб. на строительство первой больницы в Новозыбкове [13, с. 22].

Иван Львович умер 30 декабря 1889 г., а в завещании распорядился 100 000 руб. раздать бедным на поминовение своей души. Для исполнения воли покойного была составлена комиссия, которая занималась распределением этих денег. Отчет о ее деятельности был составлен Новозыбковским Головой Волковым Григорием Николаевичем [15].

Согласно этому документу 7000 руб. из указанной суммы были переданы Черниговскому губернатору для раздачи бедным г. Чернигова, 18 000 руб. розданы бедным жителям Климова, Клинцов, Семеновки, Злынки, Городни, Ветки и др. (всего 17 населенных пунктов), 25 000 руб. – бедным родственникам покойного, 3200 руб. – людям, служившим у него в качестве прислуги, сторожей и заведовавшим имуществом в Новозыбкове и других местах. 46 800 руб. получили новозыбковские бедняки [14, с. 3–4].

Деньги раздавали в форме пособий: постоянных (пенсий), временных и единовременных. Первые давались старикам-калекам и на содержание подкидышей. Вторые выделялись чаще всего на покупку дров во время зимы. Ими пользовались в основном сироты, многосемейные и семьи, в которых хотя и был работник, но – больной, калека или слепой. Единовременные пособия выдавались для уплаты повинностей и лечения в больнице, в качестве помощи на ремонт жилищ и колодцев. Семьи, в которых работник страдал запоем, получали вместо денег дрова, одежду, продукты [14, с. 2, 8].

Григорий Николаевич подробно расписал, сколько денег и на что было истрачено (105 972 руб. 45 коп.), указал остаток (57 566 руб. 96 коп.). Из отчета следует, что первоначально означенная сумма значительно увеличилась. Прибавились проценты, которые поступили на 100 000 руб. за 9 лет, прошедшие со времени смерти Ивана Львовича, и деньги, полученные от продажи вин, которые, согласно воле покойного, тоже были предназначены для раздачи беднякам [14, с. 2].

Анализируя проделанную работу, Г.Н. Волков сделал вывод о том, что основную часть тех, кто ходатайствовал о пособиях, составили семьи, в которых

были страдающие пьянством, семьи, лишившиеся главы, а также немощные старики, неспособные к труду, одинокие люди [14, с. 17].

Григорий Николаевич предложил изменить принцип распределения оставшихся денежных средств – построить несколько бесплатных помещений для людей, попавших в трудную жизненную ситуацию, помогать им с трудоустройством, организовать приют для круглых сирот, сократить единовременные денежные выплаты, заменив их бесплатной раздачей пищи [14, с. 18].

Судя по характеристике, данной господину Волкову как городскому Голове Новозыбкова, пребывающему на этом посту второй выборный срок, сам Григорий Николаевич много сделал для благоустройства города. «В бытность его городским Головой выстроены скотобойни и здания для вновь открытых начального училища и богадельни, открыта бесплатная амбулатория, устроены мостовые и тротуары, очищено озеро, устроен ассенизационный обоз...» [15].

К середине XIX века в бывшей старообрядческой слободе, с 1809 г. городе Новозыбкове [16, с. 322], стал вопрос о возведении православного храма. С этой целью была избрана специальная комиссия по сбору средств на строительство, составлено обращение к руководству города о выделении участка под него. Но и через два года собранных средств не хватало даже на заливку фундамента. Тогда председатель избранной комиссии помещик Михаил Уманец пожертвовал из своего капитала 30 000 руб. серебром [17, с. 231], [18, с. 329]. 16 февраля 1867 г. храм был торжественно освящен, о чем повествует корреспондент Черниговских Епархиальных Известий в апрельском номере 1867 г. [17, с. 230].

В неофициальной части этого же номера напечатано «Слово» благочинного священника Василия Вихрова «на освящение первого храма в г. Новозыбкове, во имя чуда Архистратига Михаила в Хонех» [18, с. 328–333], [19, с. 21].

Князь Николай Дмитриевич Долгоруков был самым ярким представителем живших в Новозыбкове меценатов. После заключения брака с княжной Марией Павловной Голицыной супруги поселились в имении жены Великая Топаль, которое тогда относилось к Новозыбковскому уезду [20, с. 7]. Здесь княжеской четой были построены школа и ремесленный цех.

За пожертвование в пользу Преображенской церкви села Великая Топаль по ходатайству Епископа Черниговского и Нежинского Вениамина (Быковского) [22] князю Долгорукову было объявлено благословение Святейшего Синода [21, с. 393].

В находящейся неподалеку деревне Хохловке по просьбе местных крестьян Долгоруковыми был построен храм, действующий доныне.

С 1887 по 1896 годы князь был уездным предводителем новозыбковского дворянства [20, с. 19]. При его активном участии за это время были отремонтированы обветшавшие школьные здания и построен ряд новых, в результате чего количество учащихся сельских ребят в уезде возросло в 3,7 раза [20, с. 20–21]. В память безвременно скончавшейся дочери Елены Долгоруковы построили в Новозыбкове здание для женской гимназии [23], подарили ее воспитанницам большую икону царицы Елены и митрополита Макария в напольном киоте.

В 1896 г. князь Николай Дмитриевич был избран губернским предводителем Черниговского дворянства [20, с. 7, 24]. 8 мая 1899 г. он неожиданно скончался от тифа, [20, с. 5, 8], но и на этом, последнем своем посту, успел многое сделать для народного образования, за которое особенно ратовал [20, с. 21].

Князь Долгоруков принял активное участие в строительстве женской гимназии в Чернигове (оплатил 1/3 стоимости – 35 000 руб.) [20, с. 25].

Он был причастен к истории создания Черниговского областного исторического музея, где и сегодня хранят благодарную память о великорусском князе, отстоявшем на губернском Земском собрании идею создания музея на базе уникального собрания древностей, предложенного Земству известным меценатом, общественным и культурным деятелем, коллекционером Василием Васильевичем Тарновским.

Нынешний директор музея Сергей Лаевский сообщил, что в Чернигове супруги Долгоруковы жили неподалеку от Воздвиженской церкви, где проходило отпевание Николая Дмитриевича. И храм, и дом князя были разрушены в августе 1941 г.

Похоронен князь Долгоруков в своей подмосковной усадьбе Волынщина Полуэктово [24], унаследованной им от знаменитого прапрадеда – князя Василия Михайловича Долгорукова-Крымского [25].

Смерть князя повлекла за собой ряд благотворительных акций, совершенных в его память. Уездные земства и частные лица строили школы, училища, столовые, читальни, храмы, больницы [20, с. 25–26]. Черниговское губернское земское собрание, Новозыбковское уездное земство, граф Сергей Владимирович Орлов-Давыдов [26] и господин Д.Я. Дунин-Борковский учредили стипендии имени князя в Черниговской женской гимназии, Новозыбковской женской гимназии и реальном училище.

Первая бесплатная библиотека в Новозыбкове была построена в память князя Николая Дмитриевича [20, с. 26–27]. *Духовной ее наследницей сегодня является Новозыбковская городская центральная библиотека. Мы надеемся, что придет время, когда она будет носить имя князя Долгорукова.*

Княгиня Мария Павловна Долгорукова после смерти супруга открыла в Великой Топали первые в уезде детские ясли и построила за свой счет больницу [27]. Центральная улица Новозыбкова, на которой по сей день стоит здание бывшей женской гимназии (СОШ № 1) и дом, где жили князья Долгоруковы, была переименована из Миллионной в Долгоруковскую (с 1919 г. – Коммунистическая) [27], [20, с. 27]. Звание почетного гражданина Новозыбкова князь Николай Дмитриевич получил в 1896 г., когда он был избран губернским предводителем Черниговского дворянства [20, с. 27].

К сожалению, большая часть документов и фотографий, свидетельствующих о достойной жизни наших предков, утрачена. Одни уничтожали доказательства своего родства с «чуждыми элементами» «страха ради иудейска», другие равнодушно выбрасывали старые бумаги, как мусор. То немного, что удалось собрать в ходе написания этой работы, представляется мне дорогим и ценным для нынешних и будущих жителей Новозыбкова.

Источники и литература:

1. Новозыбков Черниговской губернии / от нашего корреспондента // «Церковь». – 1913. – № 19 от 12 мая. – С. 469.
2. Новозыбков Черниговской губернии / от нашего корреспондента // «Церковь». – 1912. – № 46 от 11 ноября. – С. 1113.
3. Новозыбков Черниговской губернии / от нашего корреспондента // «Церковь». – № 25 от 23 июня. – С. 611– 613.
4. Иоанн (Картушин) [Электронный ресурс] / URL: [https://ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_\(Картушин\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Иоанн_(Картушин))
5. Флавиан (Разуваев) [Электронный ресурс] / URL:// [https://ru.wikipedia.org/wiki/Флавиан_\(Разуваев\)](https://ru.wikipedia.org/wiki/Флавиан_(Разуваев))
6. Архипастыри Черниговские и Нежинские. Епископ Антоний (Соколов) [Электронный ресурс] / URL: <http://bryansk-eparhia.ru>
7. Освящение церкви в г. Новозыбкове // Черниговские Епархиальные Известия (часть неофициальная) – 1896. – № 22 от 15 ноября. – С. 625–802, 751–755.
8. Состояние Стародубского раскола в 60 и 70 годы XVIII столетия М. Доброгаева // Прибавление к Черниговским Епархиальным Известиям (часть неофициальная). – 1889. – № 10 от 15 мая. – С. 239–252.
9. Дело 9, лист 116; дело 14, лист 64 // Государственный архив Брянской обл., фонд 424, опись 1.
10. Дело 14, лист 64 // Государственный архив Брянской обл., фонд 424, опись 1.
11. Епархиальные известия // Черниговские Епархиальные Известия (часть официальная). – 1896. – № 8 от 15 апреля. – С. 195, с. 193–284.
12. Историческая записка о церковно-приходской одноклассной имени Императора Петра Первого школе в г. Новозыбкове (составлена 15 мая 1914 г.) / Фонд № 473; опись № 1; дело № 32 // Государственный архив Брянской области. – Л. № 11–14, л. № 17.
13. Свод постановлений новозыбковского Уездного Земского Собрания Черниговской губернии 1883–1885 / по материалам Новозыбковской уездной Земской Управы. – Новозыбков: Типография Л.И. Зенченко, 1886.
14. Отчет о деятельности исполнительной комиссии по раздаче денег, завещанных умершим И.Л. Шведовым для бедных, за время с 14 декабря 1895 г. по 1 января 1898 г. / сост. Новозыбковским Головой Г.Н. Волковым. – Чернигов: Типография Губернского Правления, 1898. – 19 с.
15. Григорий Николаевич Волков [Электронный ресурс] / URL: <http://www.poisk32.ru>
16. Россия. Полное географическое описание нашего Отечества» / под общим руководством П.П. Семенова и В.В. Наманского; под редакцией В.П. Семенова. – СПб., 1903. – Т. 7: Малороссия: [Полтавская и Черниговская губ.] – X, 518 с.: ил.; 5 л. ил., карт.
17. Освящение храма в Новозыбкове // Черниговские Епархиальные Известия (часть официальная). – 1867. – № 7 от 1 апреля. – С. 238.

18. Слово на освящение первого православного храма в г. Новозыбкове, во имя чуда Архистратига Михаила // Черниговские Епархиальные Известия (прибавление). – 1867. – № 7 от 1 апреля. – С. 328–333.
19. Указатель статей, помещенных в «Прибавлениях к Черниговским Епархиальным Известиям» (Неофициальная часть) за 1861–1905 годы // Чернигов: Типография Губернского Правления, 1907. – С. 238.
20. Князь Николай Дмитриевич Долгоруков. Материалы для биографии доктора медицины М.И. Козинцова. – Стародуб: Типография А.И. Козинцова, 1903. – 29 с.
21. Разные известия // Черниговские Епархиальные Известия (часть официальная). – 1888. – № 9 от 15 мая. – С. 293.
22. Архипастыри Черниговские и Нежинские. Епископ Вениамин (Быковский) [Электронный ресурс] / URL: <http://www.bryansk-eparhia.ru>
23. Новозыбков // Черниговские ведомости (корреспонденция «Киевского слова»). – 1890. – № 77.
24. Волынщина Полуэктово [Электронный ресурс] / URL:// <https://ru.wikipedia.org>
25. Долгоруков-Крымский Василий Михайлович [Электронный ресурс] / URL:// <https://ru.wikipedia.org>
26. Записки о славном Российском роде Давыдовых и Орловых-Давыдовых. Дети Орловых-Давыдовых [Электронный ресурс] / URL: <http://otrada-o.ru/10>
27. Николай Дмитриевич Долгоруков в Новозыбковском уезде [Электронный ресурс] / URL: http://karachev32.ru/blog/nikolaj_dmitrievich_dolgorukov_v_novozybkovskom_uezde/

Днепр в жизни Лоева на пересечении веков (по материалам для географии и статистики)

Филон А., Лоевский государственный педагогический колледж, Лоев, Беларусь

На гербе Лоева красуется серебряный замок, стоящий на голубых волнах Днепра – реки, которая определила историческую судьбу этих мест. В древние времена здесь кипела бойкая торговля – по Днепру шли товары от Византии до Скандинавии, процветали ремесла. Неслучайно один из вариантов происхождения названия «Лоев» имеет «судоходное основание», происходит от слова «лойва» – большой челнок.

В начале XX в. Лоев характеризуется как местечко, имеющее пароходную пристань при впадении Сожа в Днепр, верфь для постройки судов. Через Лоев проходит почтовая дорога из Речицы в Чернигов. Также в местечке имеются 2 православные церкви, костел, 4 синагоги, школа, 7 ветряных мельниц и 2 водяных, много лавок, почтовая станция и волостное правление. На пристани складываются товары, сплавляемые весной и летом по Днепру, Березине, Сожу. Главным образом это соль, зерно, лен, масло и клепка. Всех этих грузов отправляется вверх до 70 тыс. пудов, вниз – до 160 тыс. пудов в год. Лоев начала прошлого века

представляет собой торговое местечко, где особенно оживленная торговля ведется весной. Занимаются торговлей исключительно евреи [2, с. 571].

Ниже Лоева по Днепру, на левом берегу, в Черниговской губернии, находятся Радуль и Любеч. На правом берегу Днепра в Речицком уезде находится с. Деражичи – с православной церковью, сельской школой, а также с пристанью на Днестре. Немного выше Деражичей находится Деражицкая мель, а ниже Деражичей верстах в 5 расположено с. Глушец. Недалеко от села есть постоянная паромная переправа по дороге из Мозыря в Чернигов и пристань. Ниже Глушца, верстах в 30, недалеко от впадения в Днепр р. Брагинки находится Коначевская мель и расположено с. Старая Йолча. Это село находится на проселочной дороге через Днепр. В нем есть временная паромная переправа и паромная пристань. В 30 верстах от Старой Йолчи расположено м. Комарин, также с паромной пристанью. У местечка есть значительная мель. Верстах в 15 ниже Комарина лежит м. Верхние Жары, а 5 верст южнее – Нижние Жары с лесной пристанью. Далее Днепр выходит правым берегом из пределов Минской губернии в Киевскую, направляясь к устью р. Припять.

В описываемое время на Днестре плавают только суда плоскодонные – барки и берлины, лес сплавляют на плотках. К меньшим судам принадлежат гиляры и дубы. Кроме того по р. Днепр ходят паромы «Опыт» и «Польза», принадлежащие компании Верхнеднепровского пароходства, гвардии полковника Нарышкина и княгини Юсуповой, каждый в 60 сил, и паром «Иоанны», помещика Мальцова. Все 3 железные, плоскодонные, высокого давления, служат для буксировки судов, идущих вверх по реке. С 6 судами на буксире эти паромы совершают рейсы из Кременчуга до Могилева или до Пинска в 2–3 и даже в 5 недель, в зависимости от состояния воды и времени года.

Судопромышленников в местах Минской губернии, прилежащих к р. Днестру, в 1857 г. было: в г. Речица – 5, у них было 8 судов; в м. Холмечь – 3 (4 судна); в м. Лоев – 4 (9 судов); в м. Комарин – 2 (3 судна) [1, с. 132].

Эти судопромышленники строят ежегодно 20–35 барок, используемых только для сплава разного рода леса и лесных изделий в низовые губернии, по прибытии туда барки продаются вместе с лесом или отдельно.

Ежегодно строится от 2 до 6 берлин. Барки строятся близ Каменки, в 2 верстах ниже Лоева, где находится пристань и место для зимовки судов; близ Лопатина и Любеча. Около Любеча есть зимняя пристань, а барки, строящиеся здесь, носят название Любечских [1, с. 132].

Лес, из которого строятся барки и берлины, гонится из Березины и Свислочи.

В зависимости от обстоятельств и местности, суда употребляют различные средства для движения. Если есть ветер и река не делает слишком частых поворотов, употребляют парус. Где бичевники не заросли лесом и проходимы, тянут суда людьми, на лямках. Где же высота берегов, а также болота и леса – употребляют шесты; это средство чрезвычайно утомляет людей, и судно идет весьма медленно, особенно если оно двигается вверх по реке. Вниз гонят большей частью плоты строевого и дровяного леса, сплавляют также булыжный камень, известь, смолу и водку. Вверх ходят на берлинах и малых судах, с солью, хлебом, а иногда гонят и плоты корабельного леса, направляемого в Ригу.

Судоходство зустрічає затруднення в отмелях, або пясчаных перемычках, показуючихся в сухоелето, подводных карчах и неудовлетворительном состоянии бичевников. Отмели особенно замечаются при Бронном, Холмечах, Чаплине, Мохове, Лоеве, Деражичах, Любече, Комарине. Эти отмели опасны особенно в том случае, если суда идут одно за другим в близком расстоянии. Так в 1853 г. при м. Лоев разбились 2 барки – плывшая впереди наткнулась на обмелевший берег, а задняя, плывшая вслед за первою, нашла на нее. От произошедшего удара обе разбились и затонули. Подводные корчи опаснее отмелей, потому что их трудно иногда бывает предвидеть. Очистка на Днестре лежит на обязанности местных владельцев [1, с. 133].

Судоходство на всех реках начинается по очищении реки ото льда, а прекращается за несколько дней до покрытия их льдом. У м. Лоев р. Днестр остается подо льдом около 129 дней.

За девять лет, с 1849 г. по 1857 г., на 6 пристанях по р. Днестр: Горвальская, Речицкая, Холмечская, Лоевская, Деражичская и Комаринская – грузилось и отправлено грузов на сумму 967 083 руб. серебром.

Источники и литература:

1. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Минская губерния. Часть 1. – СПб: Военная типография, 1864.
2. Россия. Полное географическое описание нашего отечества. Том 9. Верхнее Поднепровье и Белоруссия (Смоленская, Могилевская, Витебская и Минская губернии). – СПб: Издание А.Ф. Девриена, 1905.

Міське громадське управління у Суражі: формування і діяльність упродовж останньої третини ХІХ ст.

Шара Л.М., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна

Російський уряд, з огляду на низку суспільно-політичних і соціально-економічних негараздів, мусив стати на шлях ліберальних реформ у 60–70-ті роки ХІХ ст. Поміж іншого 16 червня 1870 р. було започатковане міське громадське управління, яке 11 червня 1892 р. зазнало трансформування. Змінилися, передусім, засади виборчої системи та межі повноважень виборних інституцій, однак завдяки останнім місцеві громади змогли вирішити чимало господарсько-побутових і соціально значимих проблем, до яких державі було байдуже або ж вона виявлялася фінансово неспроможною до того. Яким чином це відбувалося, спробуємо розглянути на прикладі одного з міст Чернігівської губернії – Суража.

Отож, відповідно до Положення 1870 р., у містах обиралися самоврядні органи – дума (розпорядча інституція) та управа (виконавча). Формувалися вони виборцями, які мали російське громадянство, досягли 25-річного віку, не менше двох років проживали у населеному пункті, володіли нерухомим майном й оподатковувалися на користь міської скарбниці. Голосувати дозволялося також

різноманітним відомствам, товариствам, компаніям, церквам, монастирям через своїх представників. Жінки, неповнолітні та недієздатні громадяни – власники нерухомого майна і платники податків – брали участь у виборах шляхом делегування голосу батькам, чоловікам, синам, зятям чи опікунам за дорученнями, зареєстрованими нотаріально.

Виборці розподілялися на три курії (групи) залежно від обсягів сплачуваних податків. Від кожної з груп обиралося в думу однакове число депутатів (гласних), але не більше 72 осіб, допускалося делегування із вищої курії [4, с. 825–826].

Формувалася дума на чотири роки і користувалася широкими повноваженнями для ведення місцевого господарства. Зокрема, могла затверджувати обсяги податків і різноманітних зборів до бюджету, постанови стосовно благоустрою, забудови населеного пункту, експлуатації та утримання шляхів сполучення, закладів громадського користування, правил торгівлі на ярмарках і базарах, санітарно-протиепідемічних, протипожежних заходів, розробляти правила користування комунальним майном тощо [4, с. 828–835]. Управа обиралася думою у складі міського голови, секретаря і не менше 2 осіб, працюючи щоденно. Для губернського міста голова затверджувався міністром внутрішніх справ, для повітового – губернатором [4, с. 831–832].

У Суражі виборче право за Положенням 1870 р. отримали 294 особи, з яких до першої курії увійшли – 16 виборців (5 %), до другої – 32 чол. (11 %), третьої – 246 осіб (84 %) [9, арк. 66–76; 10, арк. 1–5]. Упродовж наступних виборів чисельність виборців збільшувалася, але за соціальним станом продовжували домінувати нижчі стани. Так, на останніх виборах за Положенням 1870 р. право голосу здобули 392 особи, поміж яких 11 чол. (3 %) формували першу курію, 39 (10 %) виборців – другу й 342 (87 %) осіб – третю [10, арк. 1–20; 2, с. 26–28]. Із них 52 чол. (13,3 %) – дворяни, 6 чол. (1,5 %) – духовенство, 14 чол. (3,6 %) – купці, 250 чол. (63,8 %) – міщани, 2 чол. (0,5 %) – почесні городяни, 68 чол. (17,3 %) – дрібні домовласники [11, арк. 1–5].

Прагнучи змінити дану ситуацію, удосконалити роботу самоврядування та враховуючи внутрішньополітичний курс, 1892 р. було розроблене нове Положення. Не вдаючись у деталізацію, вкажемо лише на принципові зміни. По-перше, виборчим правом наділялися фізичні та юридичні особи, які купували патент на торгово-підприємницьку діяльність чи володіли у місті нерухомістю із законодавчо визначеним обсягом прибутковості. Для Москви і Санкт-Петербурга – 3 тис. руб. на рік, губернських міст із населенням понад 100 тис. осіб – 1,5 тис. руб., інших міст – 1 тис. руб., повітових – 300 руб., містечок і посадів – 100 руб. [5, с. 437]. Себто, право голосу втратили дрібні торговці, власники питейних закладів, ремісники й міщани. По-друге, змінювалися межі повноважень органів самоврядування. Вони втратили самостійність навіть у розв'язанні господарських питань. Їхня робота повністю спрямовувалася канцелярією губернатора, який міг особисто ревізувати управи та всі підзвітні їм установи. Думські розпорядження та обов'язкові постанови набирали чинності тільки після затвердження їх губернатором або міністром внутрішніх справ. Управи були трансформовані

у колегії призначених чиновників: міський голова та члени управ отримали статус державних службовців із введенням у Табель про ранги [5, с. 443–449].

У Суражі вибори за новим законом відбулися лише 1896 р. Право голосу здобули 46 жителів, а через чотири роки, на наступних виборах, і того менше – 41 особа [11, арк. 1–2; 3, с. 25–27]. На жаль, вони пасивно поставилися до виявлення громадської позиції. 1896 р. проголосували 29 чол. (57 % від загалу), а через чотири роки – 23 (56 %). Обидва рази у думу обирали по 15 гласних, які за соціальним походженням належали до дворянства [12, арк. 94–100].

Незважаючи на такі зміни, діяльність органів самоврядування сприятливо позначилася на благоустрої поселення та житті його мешканців. Передусім, гласні взялися за поліпшення санітарного стану на вулицях, у приватних садибах, громадських установах, закладах, спеціалізованих на виробництві чи реалізації продовольчих товарів. Були сформовані санітарні комісії, які періодично перевіряли чистоту, при виявленні – штрафували та зобов'язували прибрати.

Зверталася увага на стан міських вулиць. Грошей для брукування не мали, тому вдавалися до елементарного ремонту, зазвичай закладаючи ями хмизом, засипаючи їх піском та утрамбовуючи. Безумовно, транспортно-експлуатаційна якість такого полотна була низькою, його доводилося постійно поновлювати. Суразьке самоврядування навіть запровадило додаткові адресні податки для впорядкування вулиць. Приміром, 1887 р. кожен житель платив по 5 коп. на ремонт доріг [7, арк. 1–3].

Із середини 80-х рр. XIX ст. на вулицях Суража з'явилося освітлення (гасові ліхтарі, встановлені на стовпах) [8, арк. 86]. Контроль за його функціонуванням покладався на одного з членів управи, ліхтарі працювали за графіком, затвердженим думою. Задля покращення благоустрою Суража почалося його озеленення. Посадковим матеріалом слугували звичайні широколисті дерева, переважно тополі.

Окрім розвитку комунального господарства, міські гласні активно взялися за соціальну сферу. Зокрема, у бюджеті передбачалися витрати на заклади початкової освіти, ремісниче училище, відкрите стараннями Суразького повітового земства (по 500 руб. щорічно [6, арк. 13]), чоловічу прогімназію (по 800 руб. [1, с. 485]). Завдяки міському самоврядуванню у Суражі з'явилася посада штатного міського лікаря, який мав лікувати насамперед малозабезпечених жителів. Також дума орендувала ліжка у земській повітій лікарні, де бідні містяни могли пролікуватися стаціонарно. З бюджету витрачалися гроші на боротьбу з епідеміями, вакцинацію, купівлю ліків для знедолених.

Таким чином, в останній третині XIX ст. у Суражі з'явилися органи міського громадського управління, структуровані думою та управою. Відповідно до Положення 1870 р. городяни отримали виборчі права, сплачуючи до місцевого бюджету податки, й можливість формувати виборне управління, наділене широкими повноваженнями у господарчо-побутовій та соціальній царинах. Міська реформа 1892 р. значно звузила число виборців, змінила соціальну приналежність думців й обмежила формат самостійності самоврядних інституцій. Утім, це не стало на заваді їхньої роботи. Зусилля гласних націлювалися на підтримання належного санітарно-гігієнічного стану у місті, його освітлення, озеленення, упорядкування

вуличного полотна. Бюджетні кошти асигнувалися на розвиток освіти, організацію медичного обслуговування суражан. На жаль, ще багато лишалось невирішених проблем у цих та інших сферах життєдіяльності міста, що можуть у перспективі стати окремими об'єктами для наукового дослідження.

Джерела та література:

1. Журнал заседания Черниговского губернского земского собрания за 1878 г. – Чернигов, 1879.
2. Календарь Черниговской губернии на 1889 г. – Чернигов, 1888.
3. Календарь Черниговской губернии на 1894 г. – Чернигов, 1893.
4. Полное собрание законов Российской империи. Собрание второе. Том. XLV. Отделение первое. 1870. от. № 47862-48529. – СПб., 1874. – Часть 1. Законы 47862–48529. – Закон № 48498. – С. 821–839. [Электронный ресурс] / http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=821&part=934
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Том XII. – 1892. – От. № 8215-9215 и дополнения. – СПб., 1895. – Закон № 8708. – С. 430-456. [Электронный ресурс] / http://www.nlr.ru/e-res/law_r/search.php?regim=4&page=430&part=1608
6. Центральний державний історичний архів у м. Києві, ф. 707, оп. 209, од. зб. 183, 441 арк.
7. Чернігівський обласний державний архів (далі – ЧОДА), ф. 127, оп. 189 а, од. зб. 344, 4 арк.
8. ЧОДА, ф. 128, оп. 1, од. зб. 1346, 137 арк.
9. ЧОДА, ф. 128, оп. 1, од. зб. 14460, 571 арк.
10. ЧОДА, ф. 145, оп. 1, од. зб. 158, 20 арк.
11. ЧОДА, ф. 145, оп. 6, од. зб. 158, 10 арк.
12. ЧОДА, ф. 145, оп. 2, од. зб. 1318, 100 арк.

Конфессиональная ситуация в юго-восточном Полесье в первой трети XX века

Лебедев А.Д., к.и.н, Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

В начале XX в. территория юго-восточного Полесья входила в состав Речицкого уезда Минской губернии. Здесь размещались ряд волостей с центрами в следующих населенных пунктах: Лоев, Брагин, Хойники, Иолча, Деражичи и др.

По данным памятной книжки Минской губернии на 1915 г., в обозначенном регионе находились: римско-католический костел в Остроглядовичах, церковно-приходские школы в Брагине и Уборках, а также православные церкви в Лоеве (Николаевская и Свято-Троицкая), Уборках, Холмече, Брагине, Деражичах, Иолче, Остроглядовичах, Ручаевке, Хойниках [1, с. 187, 188].

Примечательно, что Памятная книжка не содержит сведений об иудейских молитвенных сооружениях. Восполнить этот пробел помогают более поздние материалы делопроизводства советских органов. Так, список религиозных общин

по г. Гомелю и Гомельскому округу содержит информацию о том, что в Лоеве была 1 синагога и 4 молитвенных дома, в Брагине находились 4 синагоги, в Хойниках 4 синагоги и в Комарине 1 синагога [2, с. 57].

Наименьшее количество сведений в нашем распоряжении о протестантских религиозных организациях. Отрывочные данные ГПУ (Государственного политического управления) за 1930 г. содержат данные о существовании «секты баптистов» в д. Глушец Деражичского сельсовета [2, с. 268].

Октябрьская революция 1917 г. и установление диктатуры партии большевиков привели к резкому изменению положения религии и церкви в обществе. В соответствии с декретом «О земле» от 26 октября 1917 г. церковь была лишена своих земельных владений. Следующим шагом был декрет «Об отделении церкви от государства и школы от церкви» от 23 января 1918 г., по которому церковь больше не имела статуса юридического лица, запрещалось преподавание религиозных предметов в школе, отменялся церковный брак и т.д. Духовенство лишалось избирательных прав, права пользоваться землей, облагалось крупными налогами и штрафами, священнослужителям запрещалось работать в государственных учреждениях, кроме того, их привлекали на черные работы и т.д.

На протяжении 1920-х гг. все религиозные организации попадают под наблюдение и бдительный контроль со стороны местных партийных органов и ГПУ. Результатом этой работы стали многочисленные сведения о жизни религиозных организаций, зафиксированные в материалах делопроизводства.

В первую очередь власти отслеживали влияние местного духовенства на население. Так, по данным ГПУ за июнь 1925 г. «в Комаринской вол. в д. Колыбань попом Акидиным Илларионом часто устраиваются собрания, которые посещают в большинстве своем старики, молодежь посещает эти собрания очень мало». Несколько иная картина наблюдается в Лоеве, где «вся молодежь ходит исповедоваться к попу и в праздничные дни, отмечается посещение церкви молодежью в значительном количестве» [2, с. 128].

Следующий аспект – это деятельность духовенства. В 1925 г. в Речицком уезде наблюдалась засуха, и местные священнослужители, со своей стороны, как могли, приняли участие в борьбе с этим явлением. Так, по данным ГПУ Лоевской волости, «о засухе были отслужены молебны. В целом ряде деревень ходили с иконами по полю, чтобы пошел дождь. Шествия устраивались массовые, служились целые обедни под открытым небом». При этом работники ведомства отмечали, что «выявить инициаторов этих процессий трудно, так как само население в связи с засухой находилось в паническом настроении и стихийно прибегало к религии» [2, с. 129].

Документы партийных органов позволяют дополнить картину, изображенную ГПУ. По сведениям Речицкого Уездного комитета РКП(б), в 1925 г. «через церковные советы, вдов, странников и всякого рода кликуш попы внушили части населения мысль о том, что арки, выстроенные по селам к революционным праздникам, подпирают небо и мешают идти дождю. Рассказывают, что в Лоевской волости после снятия арки пошел дождь, и это мероприятие прокатилось по всей волости и перешло на соседнюю Холмечскую. В последней в селе Чаплин операцией снятия

арки руководил сам пред. сельсовета». Вероятно, с засухой связано и массовое установление крестов в Комаринской волости и их торжественное освящение [2, с. 130].

В 1929 г. власти от наблюдения за деятельностью церкви постепенно переходят к активным действиям с целью нейтрализовать влияние религиозных организаций на население. На протяжении 1929–1930 гг. руководством страны принимается несколько важнейших документов, фактически санкционирующих массовое закрытие культовых сооружений в стране. Так, НКВД СССР в специальном циркуляре от 16 ноября 1929 г. указывал председателям исполкомов советов на необходимость уделить более серьезное внимание надзору за деятельностью религиозных объединений. 30 января 1930 г. Политбюро ЦК ВКП(б) поручило Оргбюро ЦК разработать директиву по вопросам закрытия храмов и борьбы с религиозным движением. Принятие 11 февраля 1930 г. постановления ЦИК и СНК СССР «О борьбе с контрреволюционными элементами в руководящих органах религиозных объединений» окончательно упростило порядок закрытия и ускорило этот процесс на местах [3, с. 50].

Однако попытки местных властей в 1929–1930 гг. выполнить директивы из центра натолкнулись на серьезное сопротивление со стороны населения. Так, в д. Великий Бор Хойникского района даже члены сельсовета, не говоря уже о простых крестьянах, отказались ставить свои подписи на документе, который санкционировал передачу церкви под клуб. В д. Мокановичи того же района «сельсовет опечатал церковь и самостоятельно взялся производить опись имущества. К моменту составления описи собралось 35 чел. женщин, преимущественно середнячки, которые заявили, что не допустят сделать опись». В дальнейшем дискуссия по вопросу о закрытии церкви чуть не переросла в драку, и женщины разошлись только после того, как «милиционер Хойникской раймилиции арестовал середнячку Грищенко Ульяну».

Не обошлось и без «перегибов на местах». Работники ГПУ зафиксировали «издевательство над предметами религиозного культа, следствием чего явилось массовое выступление женщин до 200 чел. и арест сельсоветом 3 из них, являющихся колхозницами (дер. Новый Радин Комаринского р-на)», а также совсем из ряда вон выходящий случай в д. Дворище Хойникского района – «расстрел икон, изъятых из церкви, из охотничьих ружей» [2, с. 143–144].

Политические репрессии затронули не только простых прихожан, но и духовенство. Так, 20 февраля 1931 г. Решением Лоевского народного суда был признан виновным «в саботаже при выполнении государственных платежей» и приговорен к 3 годам исправительно-трудовых лагерей священник церкви д. Ручаевка (ныне Лоевский р-н) А.Н. Черняковский. После отбытия срока служил в Брагине. Арестован в 1937 г. за противодействие закрытию местного храма и приговорен к 10 годам исправительно-трудовых лагерей. Дальнейшая судьба его неизвестна [4, с. 185].

Литература:

1. Памятная книжка Минской губернии на 1915 г. – Мн.: Губернская типография, 1914. – 232 с.

2. Конфессии на Гомельщине (20–30-е годы XX в.): документы и материалы / сост. М.А. Алейникова, З.А. Александрович, А.Д. Лебедев, В.П. Пичуков [и др.]; под ред. В.П. Пичукова – Мн.: НАРБ, 2013. – 388 с.
3. Лебедев А.Д. Политика советской власти по отношению к Римско-католической церкви в БССР (1919–1929 гг.) / Мн.: РИВШ, 2013. – 196 с.
4. Слесарев А.В. Мартиролог Гомельской епархии (1917–1953). Биографический справочник. – Мн.: Издательство Минской духовной академии, 2015. – 339 с.

Особливості церковного управління у північно-західних повітах Чернігівської єпархії ХІХ – початку ХХ ст.

Тарасенко О.Ф., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна

Адміністративно-територіальні та управлінські реформи кінця ХVІІІ – початку ХІХ ст. у Російській імперії позначилися й на церковних структурах. Вочевидь для більшої ефективності управління та взаємодії церковних і цивільних структур канонічні межі єпархій та адміністративні межі губерній мали збігатися. В управлінні Російською православною Церквою значно зросла роль Святішого Синоду на чолі з обер-прокурором, а в єпархіях помітно збільшилися повноваження духовних дикастерій/консистоцій на чолі з секретарем. Духовні правління мали здійснювати церковне управління в межах відповідних повітів тощо. Тобто, одна церковно-адміністративна одиниця – одна губерньська адміністративно-територіальна одиниця.

Кордони Чернігівської губернії, а відтак кордони Чернігівської єпархії зазнали досить істотних змін. 27 лютого 1802 р. з'явився сенатський наказ «по Высочайше утвержденному докладу (28 січня) об учреждении губерний Малороссийских: Черниговской и Полтавской, и Белорусских: Могилевской и Витебской» [1]. З 1805 р. Чернігівська губернія поділялася на 15 повітів.

Почалося формування духовних правлінь у новостворених повітах. Однак фінансування з казенної палати не надходило. Міністерство фінансів не передбачало такої статті витрат. Чернігівський владика звернувся до Св. Синоду, зауважуючи, що Чернігівська єпархія немає власних коштів для діяльності новостворених духовних правлінь [2, л. 2–3]. Але Св. Синод відмовив у фінансуванні і наказав ліквідувати новостворені духовні правління. Виявилося, що дане питання потрапило у правову колізію. Ще наказ від 15 жовтня 1772 р. передбачав «чтоб без нужды число духовных правлений умножаемо по произволу не было». Відтак, 11 лютого 1804 р. Св. Синод наказав: «Вновь открытые в городах Городне, Борзне и Новом Месте духовные правления уничтожить, а оставит оных прежнее число, расположа в ведение их церкви по удобности или по прежнему, или соединяя количество оных в двух поветах состоящие иметь в ведение духовного правления, находящегося в одно из тех поветов по примеру прочих епархий» [3, арк. 1–2].

Чернігівська духовна дикастерія висловила «мнение о сути указа Св. Синода 11 февраля 1804 г.» і зауважила, що «сообразуясь же сему указному предписанию, следует непременно и с учреждением после в новооткрытых затем еще в трех

городах Остре, Кролевце и Сураже духовных правлений также поступить, но как сих 6 новооткрытых поветов Остерский, Городницкий, Новоместский и Суражский смежность свою имеет с одной токмо стороны с поветами сия губернии, почему и присоединить их, кроме к одному смежному повету целостно нет куда более. Ровно как и последние два Борзенский и Кролевецкий удобнее потому ж к одному смежному присоединить, а быть ныне прежним правлениям в прежних границах – судя особливо по разграничению губернии вовсе нет возможности. Для того сии все шесть поветов остается присоединить целостно к смежным поветам, а именно: Остерский к Козелецкому, Городницкий к Сосницкому, Новоместский к Стародубскому, Суражский к Мглинскому, Борзенский к Нежинскому, Кролевецкий к Глуховскому, о чем как во все духовные правления указами из дикастерии дать знать. Дела по описям здать а правления к коим причислены и в губернское правление сообщить и в Св. Синод репорт заготовить» [3, арк. 3].

У 1814 р. Чернігівська єпархія налічувала вісім духовних правлінь: Глухівське, Городнянське, Козелецьке, Конотопське, Мглинське, Ніженське, Новгород-Сіверське, Сосницьке [4, арк. 4–11]. Але у кількох повітових містах не було належного приміщення для правління. У 1828 р. Чернігівський архієпископ Лаврентій (Бакшевський) клопотався перед Св. Синодом про виділення 5378 руб. 50 коп. на зведення будинку духовного правління у м. Мглин [5] і 2483 руб. 35 коп. на подібний будинок у м. Сосниці [6]. Наступного року владика просив у Св. Синоду гроші на «устройство в г. Стародубе дома духовного правления» [7]. Чернігівський архієпископ Павло (Підлипський) у 1839 р. просив гроші на будівництво приміщення Ніжинського духовного правління [8, л. 1–16]. Натомість Св. Синод видав розпорядження про тимчасове припинення діяльності правління [9]. Того ж таки року через брак коштів він вимушений був порушити питання про закриття також Сосницького і Конотопського духовних правлінь [10]. У 1843 р. було закрито Ніжинське духовне правління [11]. Через деякий час було закриті й Мглинське духовне управління, а будинок правління виставили на продаж [12]. Така лишень доля спіткала 1860 р. і будинок ліквідованого Глухівського духовного правління [13]. У другій половині XIX ст. усі духовні правління були поступово ліквідовані, а їхні функції передані благочинним.

Іншим важливим питанням залишалася проблема професійної підготовки священно- і церковнослужителів для новостворених повітів. Території західних повітів губернії раніше входили дот складу Київської єпархії, і діти священнослужителів були орієнтовані на навчання у Києво-Могилянській академії. Підготовка священнослужителів північних повітів раніше зазвичай здійснювалася у Могильові, Курську, Смоленську тощо. Адміністративно-територіальна реформа і реформа духовної освіти початку XIX ст. змінили систему і орієнтацію підготовки професійних кадрів для Церкви. Кожна єпархія мала семінарію і кілька духовних училищ. У Чернігівській єпархії діяла духовна семінарія та два духовних училища – Чернігівське і Новгород-Сіверське. Однак вони не задовольняли повністю потреби у навчанні дітей духовного відомства. Особливо гостро це відчувалося у північних повітах – Стародубському, Мглинському, Новозибківському, Суразькому. З ініціативи повітового духовенства та Чернігівського архієпископа Філарета

(Гумілевського) у 1861 р. було відкрите духовне училище у Стародубі [14]. Але воно повсякчас потерпало від нестачі коштів на утримання, неодноразово порушувалося питання про його закриття. Втім, деякі випускники Стародубського і Новгород-Сіверського духовних училищ просили дозвіл продовжувати навчання в семінарії не у Чернігові, а у Курську, Орлі, мотивуючи свій вибір близькістю тамтешніх навчальних закладів, родинними зв'язками тощо.

Складність церковного управління була обумовлена також значною чисельністю старообрядців серед населення північних повітів Чернігівської губернії. Незважаючи на державно-адміністративні заходи з протидії, старообрядництво не поступалося своїми позиціями, а навпаки зміцнювалося. У Чернігівській духовній семінарії спеціально викладали дисципліну місіонерство. У другій половині XIX ст. в єпархії заснували низку місіонерських товариств. Однак місіонерами у північні повіти Чернігівщини призначали частіше вихованців тих таки Орловської, Курської та інших російських семінарій, очевидно, не довіряючи цю справу чернігівським семінаристам.

Тим часом західними повітами Чернігівської губернії почав поширюватися протестантизм, який у XIX ст. називали «штундою». «Штунда» з'явилася, на думку чернігівської церковної влади, з-за Дніпра, з Києва, а також у наслідок будівництва залізниці. Протидія поширенню протестантизму не приносила відчутних результатів. Ще складніше стало з контролем релігійної ситуації на початку XX ст., коли імперський уряд проголосив свободу віросповідань.

Крім названих причин, слід пригадати традиційну проблему сутужного матеріального становища парафіяльного духовенства, яке особливо гостро відчувалося у північних повітах Чернігівської губернії, де слабо було розвинуте хліборобство – джерело основного прибутку сільського населення. Відтак, бідне духовенство повсякчас відволікалося від повноцінного пастирського обов'язку на завдання вижити в умовах бурхливого розвитку ринкових відносин.

Джерела та література:

1. Полное Собрание Законов Российской Империи. Собрание I. – СПб., 1830. – Т. 27. – С. 59–60.
2. Российский государственный исторический архив в Санкт-Петербурге (далі – РГИА), ф. 796, оп. 84, д. 162.
3. Держархів Чернігівської області, ф. 679, оп. 2, спр. 214.
4. Держархів Чернігівської області, ф. 679, оп. 2, спр. 5081.
5. РГИА, ф. 796, оп. 109, д. 823.
6. РГИА, ф. 796, оп. 109, д. 999.
7. РГИА, ф. 796, оп. 110, д. 539.
8. РГИА, ф. 796, оп. 124, д. 173.
9. РГИА, ф. 796, оп. 120, д. 884.
10. РГИА, ф. 796, оп. 120, д. 732.
11. РГИА, ф. 796, оп. 124, д. 681.
12. РГИА, ф. 796, оп. 138, д. 1772.
13. РГИА, ф. 796, оп. 141, д. 2554.

14. Тарасенко О.Ф. Роль Філарета (Гумілевського) у розвитку освіти на Чернігівщині в середині ХІХ ст. // Людина, суспільство, культура: історія та сучасність (Матеріали ювілейної наукової конференції, присвяченої 80-річчю Чернігівського державного педагогічного інституту ім. Т.Г. Шевченка). – Чернігів, 1996. – С. 46–48.

Сын Лоеўскай зямлі Яўсей Канчар: старонкі да біяграфіі палітыка

Мятліцкая В.М., Гомель, Беларусь

Ураджэнец Лоеўскай зямлі Яўсей Сцяпанавіч Канчар з'яўляецца адной са значных і даволі супярэчлівых фігур беларускага руху пачатку ХХ ст. «Энцыклапедыя гісторыі Беларусі» характарызуе яго як палітычнага дзеяча, гісторыка, публіцыста, вучонага ў галіне эканамічнай геаграфіі[1]. Асоба Я. Канчара чакае свайго сур'эзнага біёграфа і варта вывучэння, бо паказвае, як у лёсе нашага земляка адлюстраваліся працэсы, выклікі ды магчымасці пераломнай эпохі рэвалюцый і гістарычных альтэрнатыў.

Дакументальныя матэрыялы пра вучонага і палітыка раскіданы па розных архівах, але найбольшае значэнне мае яго асабісты фонд у Нацыянальным архіве Рэспублікі Беларусь (Ф. 311, воп. 4), які трапіў сюды намаганнямі архівістаў Віталія Скалабана і Ганны Сурмач са згоды ўдавы Я. Канчара (дарэчы, унучкі Д. Мендзялеева). Матэрыялы Я. Канчара трапляюцца таксама ў іншых сховішчах: прыкладам, у апублікаванай следчай справе акадэміка М. Вавілава з Цэнтральнага архіва Федэральнай службы бяспекі Расійскай Федэрацыі сярод забраных пры арышце вучонага дакументаў адзначана аўтабіяграфія Я.С. Канчара[2]. Цікавы дакумент быў знойдзены В. Скалабанам ў Архіве Інстытута гісторыі рускай літаратуры (Пушкінскі дом) Расійскай акадэміі навук у Пецярбурзе (Ф. 377, воп. 1, адз. зах. 1387). Гэта аўтабіяграфія, напісаная ў 1913 г. для вядомага расійскага літаратара С. Вянгерава – рэдактара літаратурнага аддзела «Слоўніка Бракгаўза і Эфрона», у якім змяшчаліся нарысы аб пісьменніках. Важныя не толькі гістарычныя, але і біяграфічныя звесткі падаюць працы самога Я. Канчара, пра што сведчыць публікацыя яго нарыса «Из истории Гражданской войны в Белоруссии»[3].

Даступныя на сёння дакументы, а таксама ўспаміны, запісаныя аўтарам гэтых радкоў ад аднавяскоўцаў і родных Я. Канчара ў 1990-я гг., дазваляюць стварыць нарыс яго жыццяпісу.

Нарадзіўся Я. Канчар у 1882 г. у вёсцы Сяўкі Дзеражыцкай воласці тагачаснага Рэчыцкага павета: «на берегу Днепра, среди лесов и болот, в глуши девственной белорусской природы, которая не могла не оставить след на всем характере...»[4]. Сам ён паведамляе, што бацькоўская сям'я была сялянскай, праваслаўнай і беднай. Іншыя звесткі, аднак, даюць падставу меркаваць пра свядомую «пралетарызацыю» ўласнага паходжання. Бо ў тым жа аўтабіяграфічным нарысе для С. Вянгерава сваё прозвішча Я. Канчар выводзіць ад «літоўскіх заваёўнікаў» эпохі стварэння ВКЛ. Гэта легендарная генеалогія, пэўна, была падставай для сямейнага гонару, бо, нягледзячы на шлюб прабабулі Яўсея з украінскім казаком, нашчадкі захавалі

менавіта яе прозвішча. Са слоў аўтара нарыса, прабабуля Марыя і дзед Нестар служылі пры двары палескіх магнатаў Прозараў, мелі там не апошнія пасады і маёмасць, а дзед быў «приказчиком на весь рабочий люд». Але на момант перадачы спадчыны ад дзеда да бацькі Сцяпана справы па прычынах, якія не называюцца, пагоршыліся, і сям'я Канчараў займела не лепшыя землі на няўдобицах і балотах. У сваіх пазнейшых дакументах Я. Канчар падтрымліваў версію аб бядняцкім паходжанні, што адпавядала савецкаму класавому стандарту, але відавочна было далёка ад сапраўднасці. Па ўспамінах старажылаў вёскі Сяўкі, гаспадарка Сцяпана Канчара была даволі моцнай, ён наймаў парабкаў, а ў яго доме ў паслярэвалюцыйныя часы доўга размяшчалася вясковая школа.

Яўсей быў адзіным сынам ад другога шлюба Сцяпана Несцеравіча Канчара і яго жонкі Аляксандры Міхайлаўны (у дзявоцтве Аверчанкі, сялянкі з вёскі Глушэц таго ж Рэчыцкага павета), меў старэйшую сястру Сулітту (Уліту). Дзеці Сцяпана ад першага шлюбу памерлі, што, пэўна, і стала прычынай яго паўторнай жаніцбы. Яўсей адзначаў, што бацька быў мяккім, «любвеобильным» чалавекам, які адкрыта не выказаў сваіх пачуццяў, але не крыўдзіў блізкіх нават словам. Значна маладзейшая за бацьку маці прэзентавалася як натура «слишком чуткая и вспыльчивая», энэргічная і ганарлівая.

Дзяцінства ў Сяўках Я. Канчар лічыў шчаслівым, бо рос любімым дзіцём. Першапачатковую адукацыю набыў у роднай вёсцы ў царкоўна-прыходскай школе, а першым яго настаўнікам быў адстаўны салдат Іван Цітовіч. Жорсткія норавы школы, дзе настаўнікі неміласэрна білі вучняў, не расчаравалі Яўсея, які прагнуў ведаў і быў першым вучнем. Пасля заканчэння трох класаў ён збег ў народнае вучылішча ў Дзяражычы. Бацька не хацеў адпусцаць сына ад гаспадаркі, нават наважыўся біць і сілай вярнуць яго дадому, але ўсё гэта не падзейнічала – Яўсей выдатна вучыўся і скончыў вучылішча за адну зіму[5].

Пасля навучання ў Сяўкі Канчар не вярнуўся і ў 16-гадовым узросце рушыў у свет: паспрабаваў паступіць у мастацкую школу ў Любечы, які знаходзіўся на супрацьлеглым ад Лоева, але ўжо украінскім, беразе Дняпра. Затым працаваў у фотамайстэрні ў Кіеве, нават паступіў паслушнікам у адзін з кіеўскіх манастыроў, які хутка пакінуў з агідай да разбэшчанасці манахаў і з цвёрдым перакананнем ў неабходнасці вучыцца далей. Папрацаваўшы нейкі час настаўнікам царкоўна-прыходскай школы і зарабіўшы трохі грошай, ён паступае ў Мар'інагорскую земляробчую школу, што магло сведчыць пра намер усё ж «вярнуцца да каранёў». Аднак відавочна, што сялянская доля не надта прываблівала маладога Я. Канчара. Ва ўчылішчы яго больш зацікавілі ідэі грамадскага і зямельнага пераўтварэння – народніцкі і кааператыўны рух.

У сваіх пазнейшых працах і ўспамінах (у прыватнасці, у запісках «Полеская или Белорусская трудовая воля», 1969 г.) Я. Канчар указвае, што ў Мар'інагорскай школе дзейнічала «Працоўная камуна», з сяброў якой ў 1899 г. яму ўдалося стварыць даволі радыкальную законсперыраваную структуру «Полеская трудовая воля», якая разгарнула дзейнасць па ўсім палескім рэгіёне. Арганізацыя прапагандавала звяржэнне самаўладдзя, Устаноўчы сход і дэмакратычную рэспубліку, але пасля трынаццаці месяцаў існавання была выкрыта. Ратуючыся, частка лідэраў «Волі»

нібыта ўступіла ў перамовы з адэскай філіяй Палесцінскага таварыста і атрымала дазвол на выезд у Палесціну пад відам паломнікаў. «Палескавольцы» планавалі надалей перабрацца ў Паўднёвую Афрыку для падтрымкі бураў у вайне супраць англічан. Але з Палесціны былі вымушаны вярнуцца ў канцы 1901 г., якраз у разгар арыштаў па справе сваіх паплечнікаў[6].

Гэтыя звесткі патрабуюць вывучэння, бо акрамя сведчанняў Я. Канчара, іншых згадак пра існаванне «Палескай працоўнай волі» на сёння не выяўлена, што дае пэўныя падставы для меркавання пра аўтарскую містыфікацыю гэтай арганізацыі. Затое ва ўспамінах жыхароў Сяўкоў захаваўся сюжэт пра тое, што малады Я. Канчар спрабаваў арганізаваць у роднай вёсцы сялянскі кааператыў, дапамагаў аднавяскоўцам набыць сельскагаспадарчую тэхніку і якасную жывёлу, а таксама навучаў «культуры» земляробства.

Больш верагоднай уяўляецца версія падзей, выкладзеная Я. Канчарам у згаданым вышэй лісце да С. Венгерава. Тут паведамляецца, што пасля навучання ў Мар'інагорскай школе ў 1902 г. ён пешшу накіраваўся на поўдзень з мэтай вывучэння гаспадаркі чэшскіх і нямецкіх каланістаў пад Адэсай. Гэта выглядае праўдападобна, бо шлях на поўдзень быў добра вядомы землякам Яўсея, якія штогод ганялі платы па Дняпры да самага Чорнага мора і вярталіся назад пешшу. Аўтар указвае, што доўга заставаўся нейтральным да палітыкі, але арышт ахоўным аддзяленнем у Адэсе (прычына яго не ўказваецца) і двухтыднёвае ўтрыманне ў пастарунку, дзе зняволеных жорстка збівалі, сталі для Яўсея сапраўднай рэвалюцыйнай школай.

Пасля вызвалення з-пад арышту Я. Канчара выслалі ў Тыфліс, дзе яго рэвалюцыйныя настроі змяніліся на цалкам лаяльную службу каморнікам у маёнтку вялікага князя Міхаіла Мікалаевіча, якая паспяхова спалучалася з дзейнасцю ў Імператарскім Каўказскім таварыстве сельскай гаспадаркі. Згаданая дзейнасць мала спалучалася з падпольнай працай, але Я. Канчар паведамляе пра ўласную спробу стварэння мясцовага чыгуначнага саюза і новы арышт, за якім цягнулася двухгадовае расследаванне і апраўданне Тыфліскай судовай палатай. Па словах аўтара, у 1908–1910 гг. ён захапіўся журналістыкай і фактычна рэдагаваў часопіс «Кавказское хозяйство», які выдавала Таварыства сельскай гаспадаркі.

У 1910 г. Я. Канчар пакідае Каўказ і кіруецца на Вышэйшыя сельскагаспадарчыя курсы ў Пецярбург. Але тут, поруч з агранамічнымі навукамі, ён настолькі захапіўся літаратурнай дзейнасцю, што на 4-м курсе палічыў магчымым накіраваць ўласную біяграфію ў такое аўтарытэтнае выданне, як «Слоўнік Бракаўза і Эфрона». Падставу для прэтэнзіі быць уключаным у «іканастас» расійскіх пісьменнікаў аўтар бачыў ў тым, што з 1902 г. пачаў друкаваць вершы і літаратурныя замалёўкі ў перыёдыцы (найперш каўказскай), а таксама спрабаваў выпусціць часопіс «Ручеек», які, аднак, быў забаронены цэнзурай ужо на другім нумары.

Цікава, што Я. Канчар дае характарыстыку ўласнаму мастацкаму светапогляду. Ён указвае аўтараў, пад уплывам якіх адбылося яго духоўнае фарміраванне – гэта рамантыкі М. Лермантаў і Дж. Роскін, а таксама Фр. Ніцшэ. Адсюль не выпадковай падаецца наступная адзнака творчасці: «Все стихи Е. Канчера носят гражданский характер, и только последние... отличаются или безысходною тоской, граничащей

с пессимизмом, или гордым, почти надменным взглядом на человечество». Сапраўды, лірычны герой вершаў Я. Канчара спалучае рысы рамантычнага «лішняга чалавека» з рускай класікі і пасіянарнай звышасобы. У вершы «Властелин-раб» герой прызнаецца:

*«Как сам Бог, всемогущ я, велик,
и парю я один над толпою!
Но, увы, если б знал кто-нибудь,
что таится в душе исполина!
Если б мог он в нее заглянуть
И увидеть раба-властина...[7]»*

Бурныя рэвалюцыйныя падзеі не маглі не закрануць такую дзейную асобу, як Я. Канчар. Логіка падзей і эвалюцыя народніцкага руху, якому, як мінімум, сімпатызаваў наш зямляк, павінны былі прывесці яго ў партыю эсэраў. Пра гэта, аднак, прамых звестак не захавалася, не пісаў пра гэта ў савецкія часы і сам Канчар. Затое з яго успамінаў становіцца зразумелым, што ў Пецярбурзе ён знаёміцца з беларускімі дзеячамі і хутка ўліваецца ў палітычны нацыянальны рух.

У сакавіку 1917 г. Я. Канчар увайшоў у Беларускі Нацыянальны Камітэт, створаны беларускімі дзечамі ў Мінску. Гэта структура ставіла задачу забеспячэння аўтаноміі Беларусі і развіцця нацыянальнай культуры. Але праз месяц Канчар пакідае камітэт з-за нязгоды з пазіцыяй па пытаннях мовы і культуры. Трэба думаць, што тут ім кіравалі альбо традыцыі «западно-русизма», альбо, наадварот, ідэі «рэвалюцыйнага інтэрнацыяналізма», для якіх яскравыя чыннікі нацыянальнай самаідэнтыфікацыі – мова і культура – здаваліся аднолькава неістотнымі. Магчыма, не знайшоў Я. Канчар і «ідэйнага паразумення» са старшынёй БНК – вядомым абшарнікам і дэпутатам расійскіх дзяржаўных дум Раманам Скірмунтам. Рэвалюцыйна-народніцкі досвед хіліў Я. Канчара да збліжэння з левым, прабальшавіцкім, крылом беларускага руху.

Амбіцый і актыўнасці Я. Канчара хапіла на тое, каб паспрабаваць пераняць ініцыятыву «нацыяналістаў». У лістападзе 1917 г. ён становіцца адным з ініцыятараў стварэння і старшынёй Беларускага Абласнога камітэта пры Усерасійскім савеце сялянскіх дэпутатаў. У БАК увайшло каля 70 дэлегатаў ад беларускіх губерняў і фронта. Планы новай арганізацыі былі досыць маштабнымі: неадкладна была распрацавана дэкларацыя аб беларускай аўтаноміі ў складзе РСФСР і заяўлены патрабаванні аб прысутнасці беларускай дэлегацыі на мірных перамовах у Брэсце.

Галоўнай справай БАК стала падрыхтоўка склікання ў Мінску Усебеларускага з'езда, ініцыятыву якога высунула Вялікая беларуская рада ў Мінску для легітымізацыі распрацаваных ўласных рашэнняў. Менавіта БАК змог пераканаць вышэйшае бальшавіцкае кіраўніцтва ў неабходнасці склікання з'езда і забяспечыць яго фінансаванне за кошт СНК Расійскай Савецкай Рэспублікі. Свае мэты камітэт выклаў наступным чынам: «Дзяржаўны лад Беларусі павінен насіць рэспубліканскі характар і заставацца ў федэрацыі з РСФСР»; уладным органам Беларускай рэспублікі будзе Усебеларускі Савет рабочых, сялянскіх і салдацкіх дэпутатаў, які, аб'яднаўшыся з Аблвыканкамзахам, утворыць Часовы Цэнтральны Выканаўчы Камітэт Саветаў Беларусі.

Сваім галоўным канкурэнтам на з'ездзе БАК і яго лідэр Я. Канчар бачылі дэлегатаў, якія групуюцца вакол Вялікай Беларускай Рады, і вялі з імі вострую палеміку. Тым не менш, разгон з'езда Аблвыканкамзахам стаўся для кіраўніцтва БАК поўнай нечаканасцю. Сітуацыя была абмеркавана неадкладна: у 3 гадзіны ночы ў адной з мінскіх гасцініц 6 чалавек – «кіруючае ядро» – прыйшлі да высновы, што дзеянні начальніка Мінскага гарнізона Мікалая Крывашэіна з'яўляюцца грубай памылкай і парушаюць дамоўленасць з СНК Расійскай Савецкай Рэспублікі. Было вырашана, што Я. Канчар разам са старшынёй эсэраўскай фракцыі БАК магілёўцам Васілём Селіванавым павінны неадкладна адправіцца ў Петраград для інфармавання асабіста Уладзіміра Леніна і Іосіфа Сталіна аб тым, што адбылося, і з хадайніцтвам аб вызваленні арыштаванага прэзідыума з'езда.

Я. Канчар даволі каларытна апісвае эпізод свайго нелегальнага выезду з Мінска: «Четыре часа, которые оставались до отхода поезда, мы с Селивановым провели на вокзале, где многие тысячи солдат и крестьян лежали вповалку, ожидая очереди выехать из города. Тут были демобилизованные, дезертиры, бандиты, мешочники, карманщики, попадались и члены распущенного съезда. Город был на военном положении. На каждом шагу ходили военные патрули. Кое-где раздавались отдельные выстрелы. Самое ужасное, чего мы боялись, это – возможной экспроприации больших денежных сумм, которые находились при мне. Мы не отнимали рук от револьверов и ручных гранат, все время находясь поодаль друг от друга. Мы сели в разные поезда и до Петрограда добрались в разное время...»[8].

Пасля ўмацавання савецкай улады і савецкай мадэлі дзяржаўнасці Я. Канчар не расчараваўся ў беларускай справе. З лютага 1918 г. ён працаваў ў Беларускам нацыянальным камісарыяце (Белнацкаме) пры Народным Камісарыяце РСФСР па справах нацыянальнасцей разам з такімі вядомымі дзеячамі, як З. Жылуновіч і А. Чарвякоў.

Пасля адкрыцця Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта кароткі перыяд 1922–1923 гг. Я. Канчар чытаў лекцыі для яго студэнтаў, аднак пакінуць Ленінград ён так і не наважыўся, хаця сувязі з Беларуссю не перарываў. За час выкладання ў Мінску напісаў падручнік па эканамічнай геаграфіі Беларусі, які, праўда, так і не быў надрукаваны, а рукапіс страчаны пры невысветленых абставінах. Ён стаў аўтарам шэрагу фундаментальных прац па аграрных пытаннях і сельскагаспадарчай кааперацыі, гісторыі земстваў і грамадскіх рухаў Беларусі. У 1920-я гг. спрабаваў заснаваць у Пецярбургу Беларускае Вольнае эканамічнае таварыства, падтрымліваў Асацыяцыю беларускіх студэнтаў ленінградскіх ВУ і Беларускае студэнцкае зямляцтва.

З 1922 г. працоўная дзейнасць Я. Канчара была звязана з Ленінградскім сельскагаспадарчым інстытутам (пазней Акадэміяй), а таксама з Ленінградскім дзяржаўным ўніверсітэтам. З 1922 па 1951 гг. ён заставаўся сапраўдным сябрам аўтарытэтнейшай даследчыцкай арганізацыі – Усесаюзнага геаграфічнага таварыства АН СССР.

У лістападзе 1938 г. Я. Канчар разам з тысячамі прадстаўнікоў інтэлігенцыі быў арыштаваны НКУС, але неўзабаве вызвалены. Гэты эпізод біяграфіі дзеяча таксама патрабуе даследавання.

Блакаду Ленінграда ў Другую сусветную вайну Я. Канчар перажыў у горадзе, выконваў спецзаданні, звязаныя з вызначэннем і выкананнем бюджета блакаднага горада, а таксама Ленінградскага фронту, за што быў узнагароджаны медалямі «За оборону Ленінграда», «За доблестный труд во время Великой Отечественной войны 1941–1945». З 1945 г. выкладаў эканамічную геаграфію ў Ленінградскім тэхналагічным інстытуце. Памёр Яўсей Сцяпанавіч 16 мая 1979 г. ва ўзросце 97 гадоў.

Да апошніх сваіх гадоў Я. Канчар наведваў родныя Сяўкі. Матэрыялы сведчаць, што да канца жыцця, нават у самыя застойна-інтэрнацыяналістскія часы, ён заставаўся беларускім патрыётам і дзяржаўнікам. У асабістым архіве дзеяча захоўваюцца копіі паштовак, якія на вялікія савецкія святы ён дасылаў партыйна-дзяржаўным кіраўнікам БССР, вітаючы іх менавіта як прадстаўнікоў беларускай дзяржавы. Родныя Яўсея Сцяпанавіча згадваюць, што ён з задавальненнем адзначаў дасягненні Савецкай Беларусі і ўзровень жыцця беларусаў у параўнанні з некаторымі рэспублікамі і раёнамі СССР, а аднойчы заўважыў: «Ну, а калі б аддзяліліся, як Фінляндыя, дык жылі б яшчэ лепей».

Крыніцы і літаратура

1. Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Т. 4. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 1997. – С. 95.
2. Суд палача. Николай Вавилов в застенках НКВД. – М.: Academia, 1999. – С. 207–208.
3. Канчар Е.С. Из истории Гражданской войны в Белоруссии в 1917–1920 гг. / публикация В. Скалабана // Беларуская думка. – 2010. – № 1. – С. 92–97; № 2. – С. 72–79.
4. Інстытут гісторыі рускай літаратуры РАН. Ф. 377. Воп. 1. Адз. зах. 1387. Арк. 2.
5. Там жа. Арк. 4.
6. НАРБ. Ф. 311. Воп. 4. Спр. 22. Арк. 3–25.
7. Кавказская неделя. – 1906. – 24 июля.
8. Яўсей Канчар – палітык, гісторык, мемуарыст // Беларуская думка. – 2010. – № 2. – С. 78.

До питання про українсько-російсько-білоруське прикордоння у 1917–1919 рр.

Еткіна І.І., к.і.н., Чернігівський національний педагогічний університет імені Т.Г. Шевченка, Чернігів, Україна

Політичні та воєнні події 1917–1918 рр. привели до розпаду імперій та створення нових держав. Постала незалежна Українська держава, проголосила свою незалежність Білоруська Народна Республіка, докорінна зміна влади відбулася в Росії. Конфлікт їх інтересів на територіальному ґрунті був неминучим. В даній

статті зроблена спроба розглянути боротьбу новостворених держав за територію північних повітів Чернігівської губернії та ставлення населення краю до тих подій.

У 1917 р. в контексті Української революції постало питання про кордони української автономної республіки, після IV Універсалу – незалежної держави. Північні кордони Чернігівської губернії і повинні були стати державним кордоном з Росією. Спроби встановити ці кордони у 1917 р. досліджував В. Бойко. Він дійшов висновків, що інструкцію Тимчасового Уряду Генеральному секретаріату від 4 серпня 1917 р. про відокремлення від Чернігівщини чотирьох північних повітів – Стародубського, Суразького, Новозибківського, Мглинського – як неукраїнських поставили під сумнів і делегати-селяни Першого Українського губернського з'їзду, і повітові земства та міські думи. Останні стали значно прихильнішими до ідеї приєднання до України (як автономного утворення) наприкінці року після більшовицького перевороту, під тиском громадськості приймаючи рішення прийняти участь у виборах до Українських Установчих зборів [1, с. 11]. Інтуїтивно відчуваючи відмінність між російським та українським політичними процесами, населення північних повітів Чернігівщини схилилися до останнього. Але ж Установчі Збори були розігнані, плебісциту ніхто не проводив, і в подальшому вирішення цієї проблеми переходило в площину військового конфлікту.

Перше пришествя більшовиків до губернії було недовгим. Звільняти Україну від більшовиків за рішенням Берестейської угоди між УНР та державами Четверного союзу прийшли війська Німеччини та Австро-Угорщини. 3 березня 1918 р., підписавши у Бресті мирну угоду з Центральними державами, РСФРР визнала суверенність України. Тимчасово за угодою 4 травня роль кордону між Україною і Росією відігравала демаркаційна смуга («нейтральна зона»). Її південна межа проходила територією Чернігівської губернії через Сураж – Унечу – Стародуб – Новгород-Сіверський – Глухів. Але ця лінія не могла стати постійним кордоном. Українська делегація пропонувала взяти за основу етнічний принцип визначення кордонів. Х. Раковський (представляв позицію більшовицької Росії) його відкидав і пропонував проводити плебісцит у кожному окремому населеному пункті.

Практично в цей же час, у квітні 1918 р., тривали переговори між представниками УНР та проголошеної 25 березня 1918 р. незалежної Білоруської Народної Республіки. Білоруси наполягали, що відправною точкою кордону на сході слід вважати злиття р. Судості з Десною біля м. Грем'яч, а українці – м. Мглин, вважаючи всі північні повіти Чернігівщини своїми. Через декілька тижнів білоруська делегація зверталася вже до нової влади в Україні – гетьмана П. Скоропадського, претендуючи, крім 4 північних, ще на частину Новгород-Сіверського та Городнянського повітів Чернігівщини [2, с. 161–162].

Кореспондент газети «Чернігівська земля» так характеризував цю територію: «більшовізія, таємнича країна прифронтової смуги, край спалених сіл, канібальської ненависті нащадків Пугачова, область найбільш відчайдушної каторжної потлочі, від якої наполовину відхрестилася навіть сама радянська влада. Демаркаційна лінія поблизу Новгород-Сіверського – це щось на кшталт вольного Дону старої Русі, котрий всотує в себе і розлючених бунтарів, і вбивць, що нещодавно затопили Новгород-Сіверський в єврейській крові, та різний люд, що зірвався

з шибениці» [3, с. 4]. Підписання офіційних угод за посередництва Німеччини не завадило більшовикам прибрати «нейтральну смугу» до своїх рук, наділивши її адміністративно-територіальним устроєм Радянської Росії.

Практично це означало, що Чернігівських губерній стало дві: одна на основній території Чернігівщини, що увійшла до Гетьманату Скоропадського, до неї додатково були приєднані частини Гомельського, Путивльського та Рильського повітів. За демаркаційною лінією опинились 43 волості Чернігівської губернії, що практично входили до складу Радянської Росії. В нашому розпорядженні є фінансовий документ – кошторис видатків волосних земельних відділів Чернігівської губернії на друге півріччя 1918 р. [4, арк. 61–62]. Порівняння територіального устрою радянської Чернігівської губернії з даними перепису 1917 р. дозволяє виявити, що Мглинський повіт повністю опинився у складі «другої» Чернігівської губернії і був поділений на Мглинський та Почепський, там же опинилися 8 з 12 волостей Стародубського, 12 з 14 волостей Суразького, 6 з 12 волостей Новгород-Сіверського повіту у вигляді Середино-Будського.

Дві Чернігівські губернії жили за протилежним сценарієм. В першій каральні загопи відшукували більшовиків, карали співчуваючих їм селян, повертали землі та маєтки поміщикам, здираючи з селян три шкури у вигляді грошової компенсації за збитки. Але цей порядок все ж не міг порівнятися з тим, що відбувалося в другій частині. В чотирьох північних повітах Чернігівщини владу захопив більшовик П.Б. Шимановський, який зі своєю бандою знущався над населенням, грабував і гвалтував, проводив невмотивовані арешти, звільняв арештантів після отримання викупу, забирав у селян хліб та худобу без будь-якої плати, переконував народ воювати з Українською державою і збирався вводити загальну мобілізацію. 31 березня 1918 р. представники населення Мглинського повіту (1 від 20 осіб) зібралися обговорити питання про приєднання до України та повалення влади рад. Шимановський привів кавалерію та наказав стріляти у народних представників з кулеметів, виставлених у вікнах будинку рад: вбито 6 осіб, поранено 15. Розлючений натовп оточив раду, а коли вийшов Шимановський – його буквально розтерзав. Невдовзі Мглин знову опинився під владою більшовиків. У Суражі антибільшовицьке повстання відбулося 16 квітня 1918 р., але було відразу придушене [5, с. 11–12].

Доповідь Михайла Васильовича Меншова, завідувача повітового земельного відділу Суразького виконкому, визнає: «Поки що ми можемо сміливо сказати, що у боротьбі з буржуазією за землю ми перемогли. З огляду на прикордонне становище, у нас був великий вплив військових частин вкрай підозрілої якості, в результаті чого залишилися банди, котрі і по сей день іноді наводять порядки по-своєму, громлячи і розділяючи все» [4, арк. 2]. Бюджет на більшовицькі нововведення в аграрній справі земвідділи отримували з Москви. А ось кошторису на ліквідацію банд у «нейтральній зоні» радянська влада не виділила. Набіги банд з кримінального елемента, що тероризували місцеве населення, жорстокі тортури та вбивства землевласників, проповідь фізичного винищення «буржуїв», утворення комітетів бідноти з різних покидьків, що під гаслом «соціалізації» грабували селян до чобіт і останньої сорочки включно – все це стало буднями «другої» Чернігівської губернії

[6, с. 6]. Не дивно, що новгород-сіверський староста отримав ряд прохань від населення приєднати всю територію повіту до України [7, с. 4]. Причина настроїв населення і рішень органів місцевого самоуправління полягала не в площині національного питання, а в тому, що вони вдовольнилися «більшовізією» і розгулом анархії і воліли за краще обрати міцний режим, що існує в правовому полі.

Скориставшись ситуацією, більшовицька влада почала готувати населення «нейтральної зони» до «плебісциту». Для цього з Москви до Мглина було прислано 40 агітаторів, що дискредитували владу Української держави. І зрештою московська комісія під загрозою арештів і розстрілів змушувала перелякане населення північних повітів голосувати за приєднання до Радянської Росії [8, с. 6–8].

Після захоплення влади більшовиками на початку 1919 р. постало питання про створення Гомельської губернії. Позиція Х. Раковського (голова РНК УРСР) різко змінилася: тепер він вважав, що північні повіти Чернігівщини треба залишити в Україні, бо вони бідніші і традиційно купляють хліб з південних повітів губернії [9, с. 13]. Росія більше боялася спротиву білорусько-литовського уряду щодо передачі території Гомельщини, натомість були впевнені, що Україна не буде наполягати на поверненні північних повітів Чернігівщини [9, с. 20]. Кожна з радянських республік мала сподівання перетягти Гомельську губернію до себе. Чернігівці пропонували включити Гомель до Чернігівщини на правах губернського центру. Натомість гомельська газета «Полісся» повідомляла про передачу Гомельської губернії (з територій колишньої Могилівської, Мінської та Чернігівської губерній) до складу Білоруської республіки [10, с. 5]. Представник Радянської Росії Д.Ю. Гопнер намагався позбавити місцевих мешканців «пшенично-української орієнтації» та «шкурних мотивів», пояснюючи, що причиною інкорпорації півночі Чернігівщини до Росії є «не волевиявлення населення (плебісцити), а міркуваннями виключно державного порядку» [9, с. 25–26]. У квітні 1919 р. рішення про утворення Гомельської губернії проводили через засідання делегатів з'їзду Мглинського, Почепського, Стародубського та Суразького повітів Чернігівщини за участю голови Всеукраїнського ЦВК та представника від ЦК РКП(б), вдалися до обіцянок від товариша Г. Петровського надати новій губернії продовольство в першу чергу. На що голос з місця резонно заявив, що «хліб дають лише на папері, а додому замість хліба і сім'я привеземо нову губернію» [9, с. 34–36]. Через два тижні голова Стародубського повітвиконкому Парлюк відправив до Чернігова, Києва та Москви телеграму з протестом від імені двохсоттисячного населення повіту проти приєднання до Росії, оскільки воно «вважає себе в історичному, економічному і географічному відношенні українцями» [9, с. 37]. Однак вже у травні 1919 р. Перша Гомельська губконференція постановила приєднати до Гомельської губернії чотири північні повіти Чернігівщини [9, с. 41].

Таким чином, більшовики після приходу до влади діяли швидко і рішуче, не ризикуючи гратися у плебісцити, здійснили те, що намагався зробити ще Тимчасовий Уряд – поприволію місцевого населення жити в Україні, неодноразово висловлену органами місцевого самоврядування, 4 північні повіти були відрізані від губернії і від суверенної ще тоді України та передані до новоутвореної Гомельської

губернії. Прецедент для цього вже був у 1918 р. Територія Чернігівської губернії зменшилась на 15 тис. кв. км, на яких станом на 1917 р. проживало 636 638 осіб.

Джерела та література:

1. Бойко В. Приєднання північних повітів Чернігівщини до УНР // Сіверянський літопис. – 1996. – № 5.
2. Мартиненко В. Чернігівщина в контексті українсько-білоруських територіальних протиріч 1918 року // Скарбниця української культури. – Вип. 13. – Чернігів, 2011.
3. Занин Д. В плену у большевиков // Черниговская земля. – 1918. – 3 октября.
4. ДАЧО, ф. Р-503, оп. 7, спр. 1.
5. Черниговская земская газета. – 1918. – 27 апреля.
6. Черниговская земская газета. – 1918. – 30 августа.
7. Черниговская земля. – 1918. – 22 октября.
8. Сергійчук В. Стародубщина завжди горнулась до матері України // Сіверянський літопис. – 1996. – № 3. – С. 3–8.
9. Гомельская губерния 1919–1926 гг. Документы и материалы. – Мн., 2009. – 270 с.
10. Старовойтов М.И. Гомельская губерния. Вехи истории // Гомельская губерния 1919–1926 гг. Документы и материалы. – Мн., 2009. – С. 3–8.

Борьба советской милиции с бандитизмом в Лоевском уезде Гомельской губернии

*Новиков Д.С., Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины,
Гомель, Беларусь*

В годы Гражданской войны и интервенции деятельность милиции была подчинена общей задаче – разгрому внутренних и внешних врагов советской власти. В связи с этим противодействие уголовной преступности несколько отходило на второй план, в первую очередь обеспечивались мероприятия по выполнению продразверстки, борьбе с дезертирством и бандитизмом различной политической окраски.

Одним из основных направлений деятельности сотрудников милиции была борьба с бандитизмом. Любые вооруженные группы, не имеющие отношения к силовым и вооруженным структурам, а также действующие на определенной территории с целью подрыва деятельности административно-хозяйственного аппарата и органов государственной власти путем вооруженных нападений на данные институты, однозначно рассматривались как банды, а лица, их составляющие, квалифицировались как бандитские элементы независимо от социальной принадлежности.

Нередко бандиты не пренебрегали кражами, вооруженными разбойными нападениями на мирных граждан, которые с целью запугивания населения сопровождали жестокими убийствами. Так, в начале апреля 1919 г. банда под предводительством бывшего полковника царской армии Струка захватила Комарин,

Лоев и ряд других населенных пунктов Приднепровья. Только в Комарине бандиты Струка убили 49 и ранили 25 человек.

Реагируя на произошедшее, сотрудники Лоевской, Комаринской, Брагинской и Савицкой милиции во главе с начальником Комаринской уездной милиции Скороходом И.М. провели ряд боевых операций, в ходе которых на территории Чернобыльского уезда часть банды была разбита, взят в плен помощник главаря банды Платон Гриб, который в последующем был расстрелян.

14 мая 1920 г. части 4-й польской армии захватили Лоев. Однако уже 20 июня 1920 г. части Самаро-Ульяновской железной дивизии освободили Лоев, и на Лоевщине была возобновлена советская власть. Вместе с установлением советской власти начинает работать и милиция.

Органами советской власти как в период гражданской войны, так и в первые годы нэпа проводилась работа по военизации милиции. 10 июня 1920 г. «Положением о Рабоче-Крестьянской Милиции», утвержденным ВЦИК и СНК, милиции придаются права вооруженных частей особого назначения. В конце октября 1920 г. в губернские органы милиции была разослана инструкция об организации милиции на основах Красной Армии. [1, с. 45].

После реорганизации управления Гомельской губернской милиции в его состав вошло 7 подразделов (секретариат, инспекторский, общей милиции, промышленной милиции, снабжения, политико-просветительный, уголовного розыска). Однако описанные в документах структуры милиции из-за нехватки документов той поры не в полной мере отражают территориальную структуру милиции.

Из отдельных документов, хранящихся в архиве управления внутренних дел Гомельского областного исполнительного комитета, можно установить, что самым низовым звеном милиции губернии являлась волостная милиция, численность личного состава которой в тот период могла составлять от 4 до 8 человек. Волостную милицию возглавлял старший милиционер, в документах иногда указывающийся как начальник волостной милиции. Далее территориально образовывалась уездная милиция, которая организовывала деятельность нескольких десятков волостных милиций. Так как в условиях действий банд волостная милиция не могла одна им противостоять, территория уезда разбивалась на районы, объединяющие 4-5 волостей. Основу милиции района составлял конный или пеший резерв милиции района, задачей которого было оказание помощи волостным милициям при осложнении оперативной обстановки, и управленческие структуры, которые организовывали деятельность волостных милиций. Конные резервы милиции объединялись с резервом уездной милиции, а в условиях борьбы со значительными бандформированиями по войсковому принципу объединялись в полуроты в районах и в батальоны в уездах и губерниях. В губернии по такому принципу было сформировано 4 батальона.

В крупных городах городская милиция подразделялась на милицию участков и районов, также имеющих вместо названий порядковые номера.

После подписания Рижского договора 18 марта 1921 г. мир в стране так и не наступил. В регионе появилось множество незаконных вооруженных

формирований, преследовавших различные цели, при этом использовавших одинаковые методы дестабилизации ситуации.

А.Ф. Вишневецкий в книге «Организация и деятельность милиции Беларуси» указывает: «Если раньше боевики избегали прямых столкновений с Красной Армией, то с весны 1921 года их задачей стало разоружение армейских частей и милиции, захват железнодорожных станций, арест и уничтожение коммунистов» [2, с. 28].

На территории Гомельской губернии среди многочисленных банд особой жестокостью отличалась банда атамана Ивана Галака (Васильчиков И.А.), которая разбоями и грабежами затерроризировала население Гомельского и Речицкого уездов. Банда нападала на деревни и местечки, грабила исполкомы, убивала партийных и советских работников, но в первую очередь жертвами галаковцев становилось еврейское население.

Одним из руководителей банды, отличавшихся особой жестокостью, был уроженец Лоева, бывший жандармский полковник Ходька по прозвищу «Добрый вечер».

В волостном центре Ручаевка на Лоевщине в октябре 1920 г. после налета галаковцев в живых осталось только двое маленьких еврейских детей, остальные 45 евреев были убиты. В мае 1921 г. возле д. Радуль на р. Днепр (ныне Репкинский район Черниговской области Украины) галаковцы захватили пароход, который шел рейсом из Киева в Гомель. Нападению подверглись 84 пассажира. В неравном бою с бандитами погибли сотрудник Брагинской милиции Аркадий Бейлин и сотрудник Ялчанской волостной милиции Мордух Гоникман.

В апреле 1921 г. галаковцы совершили еврейский погром в м. Холмеч, убив при этом 23 еврея. В последующем бандиты атамана Галака отметились тем, что 16 октября 1921 г. захватили железнодорожную станцию Василевичи, где жестоко убили 13 человек и предприняли неудачную попытку захвата паровоза.

В донесении председателя уездного исполкома сообщалось: «Работа банды Галака носит более политический характер, чем уголовный, т.к. каждое насилие, разорение и нападение имеет цель – подрыв советской власти. По сведениям частного характера Галак имеет связь с бандитскими организациями Минской губернии» [6, с. 59].

При совершении преступных действий на территории Гомельской губернии банды в своей тактике использовали элементы скрытности, внезапности и маскировки. По этой причине первые результаты нападений для сотрудников милиции зачастую были трагическими, а обстоятельства боевых столкновений так и оставались неизвестными.

Из телеграммы начальника милиции первого района Речицкого уезда начальнику Речицкой уездной милиции: «25.02.1921 года. Трупы милиционеров первого района Стельмашенко Александра, Стельмашенко Петра, Приходько, Канедина найдены в двух верстах от Рудни Бурицкой, доставлены в милицию д. Холмеч. Трупы обезображены» [3, с. 28].

Гомельская губернская милиция активно противодействовала бандам, прикрывавшимся именами Савинкова, Булак-Балаховича, атамана Галака,

но занимавшимся только грабежами и убийствами. Однако сил одной милиции было недостаточно, так как в 1921 г. штатная численность Гомельской губернской милиции составляла (кроме сотрудников уголовного розыска) 39 старших, 394 младших милиционера.

Непосредственно для борьбы с бандитизмом дополнительно формируются заградительные отряды. В инструкции для них указывалось: «работа по борьбе с бандитизмом и дезертирством ведется отрядами посредством облав на отдельные села, деревни и хутора и т.п., а также на места скопления группировок при расположениях вне селений» [4, с. 50].

Для борьбы с бандитизмом был укреплен основной состав волостных отделов милиции, были направлены «политически благонадежные, морально устойчивые товарищи» из числа советских активистов и участников гражданской войны. Наведению революционного порядка на территории волостей, успешной борьбе с бандитизмом способствовало также то, что одновременно с мерами по укреплению органов правопорядка в каждой волости и крупных населенных пунктах из числа коммунистов и комсомольцев были сформированы летучие отряды частей особого назначения. Они несли службу по охране населенных пунктов от бандитских налетов. Следует отметить, что к концу весны 1921 г. начинает меняться отношение крестьянства к бандитизму. Прежде всего этому способствовало принятое в марте решение X съезда РКП(б) об отмене политики военного коммунизма и введение новой экономической политики, характерной чертой которой являлась отмена продразверстки и замена ее продналогом. Благодаря проведенной среди крестьян разъяснительной работе была окончательно выбита почва из-под ног бандитских вожakov, старавшихся всячески вредить советской власти. Крестьяне в массе своей перестали поддерживать бандитские группировки, и бандитизм пошел на спад.

Однако галаковцы действовали еще на протяжении июня, так из рапорта начальника Гомельского уезда начальнику губернской милиции сообщается: «Доношу, что сегодня 2 июля 1921 г. явился в управление младший милиционер Медведев Михаил и сообщил, что 30 июня сего года в село Терюху Дятловической волости приезжал отряд кавалерии около 50 человек, назвавши себя галаковцами, которые просили есть у жителей, но они не давали, тогда они пошли к председателю сельсовета, но токового дома не оказалось. Была дома жена, которая сказала, что ей нет чем покормить. Тогда они стали делать обыск сами, нашли масло, собранное гражданами с. Терюха согласно приказа Упрочкома – продналог – и взяли масло около 10 фунтов, кроме того, они говорили, что в 3-4-х верстах от села Терюха они убили еврея, и в тот же вечер неизвестно куда они уехали. Кроме того, 1 июля сего года в с. Терюху приезжал отряд кавалерии около 150 чел., вооруженные винтовками и пулеметами, форму нельзя было заметить, т.к. было темно. Отряд по селу двигался медленно и выехал за село неизвестно куда».

Учтя недоработки, способствующие провалу мартовской операции в Лоевской волости Речичкого уезда, Гомельское ГубЧК совместно с сотрудниками милиции еще с апреля 1921 г. для получения информации о местонахождении банды начала использовать агентурную разведку. Благодаря совместным оперативным действиям удалось сорвать повстанческий съезд, который галаковцы намеревались провести

на Лоевщине. Также летом 1921 г. в банду удалось внедрить агента Гомельской ГубЧК Федора Гончарова. Ему удалось войти в доверие к лидеру группировки и стать личным кучером атамана. С риском для жизни Гончарову не единожды удавалось передавать сведения о передвижениях и местах расположения бандитов.

3 июля 1921 г. было установлено точное месторасположение банды, и в обстановке строжайшей секретности туда были направлены части особого назначения. Перед началом операции с целью предотвращения побега атамана Галаки Федор Гончаров вошел к нему в дом и отрубил голову. Однако в ходе захвата бандитов удалось сбежать его соратнику, бывшему жандарму Ходько и ряду приспешников. После смерти атамана Ходько стал во главе банды и попытался восстановить ее численный состав, однако в 1922 г. его постигла участь Галаки.

К концу 1921 г. на территории Гомельской губернии основные бандформирования были разбиты или вытеснены на польскую территорию. Если к октябрю в Гомельской губернии были зафиксированы боестолкновения с десятью бандами, то в ноябре – с четырьмя. Сыграла свою роль и активная агитация, направленная не только на членов банд, но и на сельское население. Впрочем, борьба с бандитизмом на этом не окончилась. В 1921–1922 гг. сотрудниками милиции непосредственно на Гомельщине в результате проведения спецопераций и рейдов были ликвидированы другие банды, состоящие из дезертиров, демобилизованных красноармейцев и уголовных элементов. Только в 1922 г. сотрудники Гомельской губернской милиции ликвидировали 4 банды и задержали 70 бандитов [3, с. 50].

Литература:

1. Очерки истории милиции Белорусской ССР (1917–1987) / под ред. В.А. Пискарева; редкол.: А.Ф. Вишневецкий [и др.]; авт. кол.: В.Н. Савичев [и др.]. – Мн.: Беларусь, 1987. – 536 с.
2. Вишневецкий А.Ф. Организация и деятельность милиции Беларуси 1917–1940 гг.: историко-правовые аспекты. – Мн., 2000.
3. Некрашевич А.Г. Очерк истории Гомельской милиции (1917–1967 годы). – Гомель: Барк, 2016. – 126 с.
4. Курьянович Ю.В. Белорусский уголовный розыск. – Мн., 2003. – 600 с.
5. Архивные материалы УВД Гомельского облисполкома.

Первенец промышленности Лоевщины: завод сухих красок «Краскоцвет»

М.А. Алейникова, Гомель, Беларусь.

Днепровский завод сухих красок, располагавшийся в местечке Лоев Речицкого уезда, был основан в 1909 г. инженером Н.П. Кондаковым. Завод находился в 60 верстах как от Речицы, так и от Гомеля и со всеми прилегающими к нему постройками занимал территорию в 1 десятину. Предприятие располагалось в кирпичном здании размером 19х20 аршин, и при нем имелись следующие помещения:

– контора – деревянное здание, обложенное кирпичом, крытое железом, размером 10х7 арш.;

– 3 амбара, деревянные, размером 48х12арш., 24х7 арш., 12х6 арш.;

– бондарня – здание из теса, крытое железом, размером 21х7 арш.;

– жилой деревянный дом, крытый гонтом, размером 10х6 арш.;

– сторожка – деревянное здание, крытое гонтом, размером 5х5 арш.;

– кузница – деревянное помещение, крытое железом, размером 6х5 арш.

Оборудование состояло из локомобиля «Компауд» мощностью 40 лошадиных сил, двух дезинтеграторов, шаровой мельницы Д-55, бегуна, двух цилиндрических сит, двух мельничных поставов, двух ковшевых элеваторов, печи и паровой сушилки.

Производительность завода была рассчитана на 30 000 пудов сухих земляных красок в год (охры, железного сурика, мумие, умбры, капут-мортума и др.). За период с 1910 по 1917 гг. завод выработал около 200 000 пудов сухих красок, которые использовались в железнодорожном и судостроительном производстве, в спичечной и бумажно-обойной промышленности и в сельском хозяйстве.

В довоенное время сырье сбывалось главным образом в Центральную Россию и по качеству могло конкурировать даже с французскими красками.

В годы Первой мировой войны завод исполнял заказы военных ведомств, вырабатывая краски для окраски вагонов, подводных и надводных частей морских и речных судов. Зеленые краски цвета хаки использовались для имитации зелени, дабы скрыть окопы, а бурые и красные – для устройства туманной пелены в воздухе для маскировки от аэропланов. На тот период завод являлся уникальным предприятием.

После Октябрьской революции в связи с кризисом спрос на сухие краски снизился, а после и вовсе прекратился, так как не предвиделось больших строительных работ. Однако Гомельский губхимотдел еще в конце 1919 г. ставил вопрос перед президиумом ГСНХ и центром о национализации завода для производства красок в запас. Руководство губернии посчитало национализацию преждевременной, да и денежных средств на восстановление предприятия не имелось. И только в августе 1920 г., после получения денежных средств на возобновление деятельности предприятий 3-й группы, президиум ГСНХ 17 августа 1920 г. принимает постановление о передаче завода в ведение губхимотдела и вводе его в эксплуатацию. К сожалению, вскоре последовало наступление белополяков, которое помешало восстановлению деятельности завода. После ликвидации банд и освобождения территории завод был передан в аренду бывшему заведующему – инженеру Эпштейну сроком на 3 года на выгодных для ГСНХ условиях: в качестве арендной платы ГСНХ получал 10 % выработки бесплатно и 100 пудов сухих красок в год.

Производство сухих красок являлось очень трудоемким делом и включало следующие этапы: заготовка сырья, отмучивание, сушка, обжиг, размол, просеивание, сортировка и упаковка.

Сырьем для производства красок являлись железные руды и глины, залежи которых находились в виде мощных пластов (на глубине от 1 до 9 саженей)

на расстоянии 10–18 верст от завода. Местонахождением таких руд являлись залежи под названием Ляхова гора на р. Днепр вблизи деревни Казимировка, околица села Щитцы Речицкого уезда и Петрушенская волость Городнянского уезда Черниговской губернии. Щитцы и Ляхова гора составляли выступ правого возвышенного берега Полесской низменности. Местность здесь теряла свой Полесский характер, исчезали речки и болота и появлялись возвышенности, на которых «появились пестроцветные, красочные, строительные глины и глауконитовые пески».

Наиболее богатым месторождением являлась околица села Щитцы, где толщина пласта зеленых глин и золотой охры достигала 12 вершков на глубине 7–9 сажень. Для добычи охры необходимо было сбросить пласты: песка – 1/2 арш., красной глины – 2 сажень, (зеленой глауконитовой глины – 1 арш., под которым находился слой золотистой охры. На одну квадратную сажень добыча составляла 800–900 пудов, а на 12 десятинах – около 6 миллионов пудов. Залежи глин и песков, хотя и поменьше, имелись и в соседних деревнях Крупейки и Бывальки.

Ляхова гора занимала территорию в 11 десятин, и здесь находились залежи так называемой французской и русской охры. Для добычи красильных глин приходилось сбросить следующие пласты: гумус – толщиной в 1 арш., желтой глины – 1 сажень, кирпичной глины – 1 1/2 сажень (для производства строительного кирпича), золотистой охры – 1/2–3/4 арш., огнеупорной глины – 1 арш. (для огнеупорного кирпича), русской охры – 1/2 арш., белого песка – 1 сажень, французской охры – 4–5 вершков, желтого песка – 1 сажень, черной глины – 4 арш. (для выделки черепицы), зеленого песка – 1 сажень, под уровнем Днепра находился глауконитовый песок – 4 1/2 арш. (в Америке употреблялся как удобрение). По предварительным данным, запасы охры составляли 1 млн 200 тыс. пудов. По расчетам инженера Эпштейна, «сырья должно было хватить лет на 20».

В довоенное время на Ляховой горе работал кустарный завод по выработке строительного и огнеупорного кирпича, поэтому сохранились довольно большие запасы глины.

Залежь болотных железных руд и земель (твердых и мягких) для выработки железного сурика, мумие, терр-де-свенна, умбры, капут-мортuum находились на противоположном от м. Лоев берегу р. Днепр в Петрушенской (частью в Любечской) волости Городнянского уезда Черниговской губернии, в 10–15 верстах от завода на болоте Паристом. Общая площадь болота приблизительно была равна 100 десятинам, однако за 10 лет было разработано только 2 десятины.

Вблизи завода, на расстоянии 5 верст, находилась очень редкая по качеству залежь для выработки красок защитного цвета.

Заготовка распадалась на разработку и подвозку. Разработка была связана с вскрытием земельного пласта, добычи и подвозки. Часто большие затруднения были сопряжены с вывозом сырья из-за отсутствия продуктов для премирования возниц. Вывоз преимущественно осуществлялся зимой по санному пути. Для некоторых видов красок сырье подвозилось и летом – водным путем по Днепру.

Отмучивание применялось для песочных пород красок с целью повышения их качества. Судя по документам, после 1917 г. «отмучивание» не применялось, так как «снизилось требование к качеству продукции».

Сушка сырья в основном проводилась паровой сушилкой, а также частично для этого использовалась поверхность дымоходов. Летом применялось атмосферное сушение, которое проходило без затрат топлива, электроэнергии и не требовало применения специального оборудования. Однако данный вид сушки не поддавался регулированию и полностью зависел от климата данной местности.

Обжиг проводился в печи при доступе воздуха. Этой операцией гидрат окиси железа превращался в безводную окись. С обжигом было связано получение сурика железного, мумие, охры половой, умбры жженой, капут-мортуума. Для получения светлой охры можно было ограничиться лишь сушкой сырья.

Немаловажным этапом при производстве красок являлся размол, который «оказывал большое влияние на качество краски в отношении прерывистости и красящей силы». Перед размолем краски предварительно сортировались по оттенкам, затем они измельчались разными способами: наиболее твердые обожженные краски – на шаровой мельнице, менее твердые – на жерновах, липкие породы – на дезинтеграторах.

До 1917 г. просеивание красок осуществлялось на бронзовых ситах как наиболее прочных, однако после революции из-за нехватки денежных средств для закупки перешли на шелковые. После просеивания краски сортировались по оттенкам и упаковывались в бочки, выложенные оберточной бумагой.

В августе 1920 г. техническое состояние завода позволяло производить лишь 150 пудов земляных красок в месяц. Для нормальной работы заводу необходимо было обеспечить получение двух пар естественных жерновов шестериков, дымоходных труб к локомотиву и шелка для сит. Если бы заводу удалось произвести ремонт, получить кредиты и продукты для премирования рабочих, заготовить достаточное количество сырья, то на предприятии можно было бы увеличить производительность до 25 000 пудов красок в год. И только в 1921 г. сметной комиссией президиума Гомельского ГСНХ была утверждена смета и выделены деньги на приобретение жерновов, ремонт крыши и обжигательной печи, замену двух валов у дезинтегратора. После ремонта на заводе по-прежнему ощущался недостаток сырья из-за того, что крестьяне препятствовали копке руды, так как участки земли находились у них в собственности. В этом же году завод сухих красок был национализирован, но и после ремонта, впредь до 1924 г., завод по-прежнему работал с перебоями. Вырабатываемая продукция сбывалась на местном рынке, а также вывозилась за пределы губернии.

Учитывая истечение срока аренды и заявленный отказ со стороны арендатора Эпштейна от дальнейшей аренды, ГСНХ решал вопрос о передаче управления заводом спичечному тресту или Доброхиму, в задачи которого входило всемерное содействие развитию химической промышленности. В результате предприятие было передано химическому тресту ГСНХ, однако управляющий Эпштейн работал на прежних условиях. Одновременно с этим было принято решение заменить дореволюционное название «Днепровский завод сухих красок Н.П. Кондакова» и назвать его «Государственный завод сухих красок в м. Лоев – «Краскоцвет».

Завод и мельница при нем по-прежнему работали с неполной нагрузкой ввиду отсутствия оборотного капитала и недостатка сырья. В 1924 г. выработка

полуфабриката составляла в среднем 461 пуд в месяц. С января по май было выработано 3300 пудов, за продажу которых было получено 6765 руб., считая пуд по 2 руб. 5 коп. Расходы составили 3830 руб., а прибыль – 2935 руб.

Мельница при заводе была создана временно. При малой нагрузке завода она была необходима для дозагрузки локомотива. Часто из-за отсутствия привозного зерна размалывалось местное. За час перемалывалось 18–20 пудов, 145 пудов за 8 часов, а за месяц – 3000 пудов. Прибыль составила 1300 руб. Общая прибыль по заводу и мельнице – 4235 руб., а в месяц – 529 руб. Корпус, занимаемый мельницей с поставом, предполагалось приспособить для выработки красок, как это было в довоенное время. За счет переоборудования мельницы производство сурика, мумие можно было увеличить ежемесячно на 800–900 пудов. По расчетам специалистов, приобретение оборудования обошлось бы в 2000 руб., а производительность увеличилась бы на 8–9 тыс. пудов в год. Рядом с мельницей строилась еще и «перловка» для выработки крупы.

На заводе была установлена динамомашинка в 87 ампер, принадлежащая волисполкому и обслуживающая местное население. Она приводилась в движение локомотивом завода. Электрическая станция находилась в ведении волисполкома и насчитывала всего около 300 абонентов. Самостоятельно, из-за небольшого количества абонентов, она существовать не могла и только совместно с заводом была запущена.

В конце 1924 г. на заседании губсоюза химиков управляющий Эпштейн докладывал, что «Завод может выработать 31 000 пудов красок, хотя загрузка достигала лишь 75–80 %. С 1 апреля 1925 г. мельничный корпус будет переоборудован под размол краски. Сырье заготовлено на целый год. Для упаковки имеется бондарь. Локомотив работает при 6 атмосферах и очень экономный. Штат 11 человек. Себестоимость 1 пуда краски – 1 руб. 7 коп., а Полесторг продает по 2 руб. за пуд. Сбыт: 25 % выработки забирает арендатор и 75 % – Полесторгу. За заводом закреплены участки. Обжигательная печь за 8 часов обжигает 80 пудов, и могла обеспечить сырьем все производство на целый год, тем более что в 10 верстах от Лоева находятся 300 десятин мохового торфа высокого качества с запасом до 200 000 куб. сажень. Для надлежащей работы завода необходим оборотный капитал в 7–8 тыс. руб. На заводе имеются запасы: дров – 50 куб. и торфа – 42 куб.; 10 пудов олеонафты и 1 пуд цилиндровки; охры светлой – 570 пудов, сурика железного – 150 пудов, мумие – 80 пудов, умбры – 150 пудов».

Производственной программой госзавода сухих красок «Краскоцвет» на 1925–1926 гг. был запланирован выпуск 31 тыс. пудов красок, из которых 15 500 пудов охры и мумие и 15 500 пудов сурика железного, капут-мортуума и умбры. Для их размолки использовались 1 шаровая мельница, 2 дезинтегратора, 2 поставы, 2 просеивательные машины (бураты). Шаровая мельница предварительно подготавливала размол красочных руд, а для окончательного размолки служили поставы и дезинтегратор. Постав за 8 часов перерабатывал 40 пудов сурика железного, капут-мортуума и умбры, за месяц – до 1000 пудов, за 9 месяцев – от 9 до 10 тыс. пудов краски, на что расходовалось от 15 до 20 тыс. пудов сырья. Для размолки охры и мумие служил дезинтегратор, который за 8 часов перерабатывал 75–80 пудов, за месяц – 1500

пудов, за 9 месяцев – 13–14тыс. пудов, на что требовалось от 20 до 25 тыс. пудов сырья. Для работы локомобиля, печи и нового постава требовалось 95 куб. саженой дров и 55 куб. саженой торфа. Таким образом завод впервые заработал на полную мощность и за 1925 г. произвел следующее количество продукции: охры – 15 000 пудов, сурика железного – 10 000 пудов, мумие – 3500 пудов, умбры – 500 пудов, капут-мортuum – 1500 пудов, что в итоге было на 3000 пудов меньше, чем в 1913 г.

В 1925–1926 гг. на заводе проводился ремонт. Были заменены топки машины и дымогарных труб. Следствием ремонта явилось повышение себестоимости продукции, заметной стала и возросшая производительность. Обжигательная печь до ремонта выдавала 2 плавки в смену, а после – 2,5. Чтобы еще больше повысить производительность, на заводе была введена третья смена, заказан новый добавочный станок и вальцы, значительно улучшающие цвет красок. На заводе имелись проблемы с камнями, требовались французские жернова, именно из-за них вечерняя смена производила меньше продукции, чем дневная, так как камень быстро стирался из-за работы с недосушенным сырьем, иногда в неполадках виноваты были сами рабочие.

Чтобы завод сухих красок не сработал с убытком после произведенного ремонта, ГСНХ решает пересмотреть калькуляцию цен на продукцию завода, в т.ч. и на продукцию, имеющуюся на складах. Устанавливались следующие отпускные цены за 1 пуд красок на существующий ассортимент: сурик железный – 1 руб. 35 коп., охра французская – 2 руб., охра золотистая – 1 руб. 35 коп., охра половая – 2 руб. 10 коп., мумие красное – 1 руб. 50 коп., мумие баканова – 1 руб. 70 коп., мумие экстрактовое – 2 руб.

В это время на заводе сухих красок работало 24 постоянных рабочих и 5 служащих, кроме них имелись рабочие, занятые добычей руды. При приеме на работу учитывалось членство в профсоюзе. Те, кто не являлись членами профсоюза, могли быть приняты на работу только в том случае, когда завком и местная биржа труда не могли предоставить рабочего и служащего нужной квалификации из членов союза. Согласно правилам по охране труда рабочим, «работающим на грязных производствах, выдавалось спецмыло, спецодежда, соответствующая нормам и срокам носки. Работающим у печи устанавливался дополнительный однедельный отпуск» (температура воздуха возле печи достигала 50 градусов). На копке руды постоянно было занято от 80 до 100 человек. Копка руды оплачивалась повременно и с кубического саженья. Регистрация и отработанное время, а так же приемка работы вначале проводилась старшим рабочим с последующим подтверждением рабочкома, а затем был назначен специальный табельщик. Доставка сырья оплачивалась по пудам, согласно приемке на заводских весах. Отпуск сырья на заводе осуществлялся без взвешивания, и количество потребляемого сырья определялось впоследствии по количеству полученных готовых фабрикатов.

На протяжении 1925–1926 гг. руководство завода «Краскоцвет» по поручению губсовнархоза активно сотрудничало с Постоянной комиссией по изучению естественных производительных сил СССР Академии Наук в Ленинграде и с Государственным экспериментальным институтом силикатов в Москве, куда

неоднократно направлялись образцы различных красок на экспертизу с целью использования Лоевской глины как субстрата красок. В письме управляющего заводом Эпштейна сообщалось: «Пробы всех сортов произведены, и в зависимости от примеси реактива этим глинам можно придать всевозможные оттенки... Желательно знать, какие из оттенков более подходящие... Гомельский ГСНХ решил поставить выработку глин в государственном масштабе. Но желательно знать, что полученные краски найдут широкое применение в России. Прошу сообщить, с какой целью еще можно использовать эти глины».

В декабре 1926 г. заводом был получен ответ от Государственного экспериментального института силикатов, где было сказано, что «краски показали себя достаточно стойкими на выцветание». Из полученных результатов следовало, что «данные краски красивы и прочны и по своему составу и качеству не уступают заграничным».

В это же время на завод по рекомендации института силикатов обращается правление производственно-издательского бюро ассоциации художников революционной России в Москве с просьбой выслать образцы всех вырабатываемых оттенков натуральных красок как самых лучших по качеству и цвету для получения пробных высокосортных художественных и акварельных красок.

При добыче сырья для производства красок приходилось отбрасывать пласт глины, что являлось накладными расходами. В тоже время ее можно было использовать для производства кирпича и черепицы, и, принимая во внимание качество глины, было предложено заводу провести ее испытание и организовать предприятие строительных материалов в районе завода. Строительство кирпичного завода еще не было начато, однако уже был получен заказ на производство кирпича для спичечной фабрики «Днепр» в Речице.

Заводоуправлением планировалось оборудовать кирпичный завод на Ляховой горе, для чего необходимо было построить 3 новых навеса для сушки кирпича (100x11 аршин) стоимостью 7500 руб.; 2 печи емкостью по 50 000 штук кирпича (3000 руб.); один ставок для выработки гончарной черепицы (1000 руб.); помещение для формовщиков и контору (500 руб.); 6 мялок (900 руб.) и разровнять площадку для строительства – 700 руб. В сумме на оборудование кирпичного завода требовалось 13 500 руб. Строительство кирпичного завода было необходимо, ибо только при изготовлении строительного кирпича можно было приступить к оборудованию гофманских печей. Деньги на стройку предлагалось взять из промышленного фонда округа, однако судя по документам этого не произошло.

Производственной программой завода «Краскоцвет» на 1926–1927 гг. предусматривался выпуск 884 520 кг. сухих красок (то есть 55 282 пуда), из них: мумие – 262 088 кг., сурика железного, капут-мортуума, умбры – 343 900 кг., охры – 278 468 кг. Для выполнения планового задания предполагалось купить и установить новые вальцы и вентилятор, поменять отопление в главном корпусе, на что требовалось 2700 руб. Руководство предприятия решало вопрос о закупке нового оборудования для выработки железных и панельных красок. В качестве отопления рекомендовалось больше использовать торфяные залежи. С начала 30-х годов Лоевский завод сухих красок «Краскоцвет» перешел в ведение Народного

Комиссариата местной промышленности БССР. В 1935–1936 гг. на предприятии было изготовлено 550 тонн известковой зелени, но ввиду ее невысокого качества и изменений условий рынка в 1937 г. добыча была прекращена, затем был остановлен выпуск земляных красок по причине нерентабельности сырья. В 1937 г. на заводе начато производство крокуса (320–350 тонн в год) и умбры (450–500 тонн) из его отходов, который использовался в зеркальной и оптической промышленности. Полирующая способность Лоевского крокуса была признана хорошей, однако мешали вредные примеси, так как оборудование завода устарело. В 1938 г. по причине плохого сбыта продукции встал вопрос о закрытии завода, однако в 1939–1940 гг. все остатки продукции были реализованы, завод вновь стал рентабельным. Объем выпускаемой валовой продукции за 1939 г. в оптово-отпускных ценах без налога с оборота составил 663 тыс. руб. В эти же годы Ленинградский институт «Механобр» и Минский институт промышленности проводили научно-исследовательские работы по реконструкции предприятия и производству чистого крокуса, изысканию новой сырьевой базы. К 1940 г. на Лоевском заводе сухих красок «Краскоцвет» работало 42 человека и 40 – на руднике.

Калектывізацыя ў Лоеўскім раёне і знішчэнне вёсак і хутароў

Колас А.В., Суткоўскі дзіцячы сад – сярэдняя школа Лоеўскага раёна, Лоеў, Беларусь

Палітыка нэпа станоўча паўплывала на развіццё сельскай гаспадаркі БССР. Па Гомельскай акрузе к 1928 г. узрасла колькасць сераднякоў з 39 % у 1925–1926 гг. да 40 % у 1927–1928 гг. Павялічылася колькасць заможных гаспадарак з 9,3 % у 1925–1926 гг. да 9,6 % у 1927–1928 гг. [17, л. 189].

Не ўсе раёны БССР развіваліся аднолькава. Лоеўскі раён у параўнанні з іншымі раёнамі Гомельшчыны быў у ліку самых бедных. Адною з перашкод у развіцці сельскай гаспадаркі з’яўляліся малаўрадлівыя пяшчаныя глебы. У справаздачным дакладзе Лоеўскага РВК за 1931–1934 гг. паказвалася структура глебаў. Амаль палова з іх былі пяшчаныя – 40 % ад агульнага ліку, затым супяшчаныя – 30 %, падзолістыя – 25 %, сугліністых было ўсяго толькі 5 % [6, с. 86]. Перад пачаткам калектывізацыі галоўны накірунак у развіцці сельскай гаспадаркі раёна быў жытнёва-бульбяны. Плошча пасеву бульбы складала 20 %. Пад сады было занята 300 га плошчы, і большасць з іх размяшчалася ў «Дняпроўскай камуне». Калі параўнаць Лоеўскі раён з астатнімі раёнамі Гомельскай акругі, то ён адставаў па многіх паказчыках ад суседніх, асабліва ад Брагінскага, Гомельскага, Рэчыцкага. У Лоеўскім раёне агульная колькасць жывёлы на 1928 г. склала 23 180 галавы, у Рэчыцкім раёне налічвалася 48 555 галоў, у Брагінскім – 27 336 галоў. Менш жывёлы, чым у Лоеўскім раёне, было ва Уварачскім, Церахоўскім і Добрушскім раёнах [20, л. 88].

Нэп дазволіў развіваць розныя формы землекарыстання. З’явіліся новыя хутары: Галы-2, Верасок, Клён, Пустая Града. Але хутар, на думку бальшавікоў, з’яўляўся капіталістычнай гаспадаркай, не сумяшчальнай з сацыялістычным ладам. Аптымальнай формай землеўпарадкавання павінен быў стаць пасёлак. Пасёлкі вырашалі дзве задачы. Першая задача – перасяленне сялян на новыя

землі і ліквідацыя хранічнага малазямелля. Другая, на думку ўлад, была ў тым, што менавіта пасёлак павінен быў стаць цэнтрам сялянскай кааперацыі [3, с. 179]. На Лоеўшчыне ўтварыліся пасёлкі: Барэц, Пабедзіцель, Рэкорд, Падрачыцкае, Марс-1, Марс-2, Венера (2 апошнія зараз не існуюць) [8, с. 63–65].

Пры актыўнай падтрымцы з боку ўлад з'яўляліся і першыя калгасы. У 1927 г. у раёне было 2 калгасы, а ў 1928 г. ужо 4. Першая арцель была утворана ў в. Страдубка ў 1923 г. і называлася «Прыдняпроўская арцель» [19, л. 16]. Акрамя калгасаў важную ролю ў эканоміцы раёна адыгрывала «Дняпроўская камуна» – самая буйная гаспадарка раёна і адзіная механізаваная да 1931 г., якая мела 5 трактароў маркі «Фардзон-Пуцілавец» [18, л. 2].

З другой паловы 1920-х гг. савецкая ўлада пачала ажыццяўляць захады па згортванні нэпа і развіваць эканоміку на аснове камандна-адміністрацыйных прынцыпаў кіравання.

Канешне, калі улічваць спецыфіку сельскай гаспадаркі, зразумела, што такія прынцыпы не маглі паўсюдна ўкараніцца. Асабліва гэта было праблематычна ў Лоеўскім раёне па прычыне эканамічнай беднасці раёна. Беднасць раёна акрамя прыродных фактараў тлумачылася слабай працай мясцовых улад. Да 1929 г. у раёне амаль не праводзілася меліярацыя, хача ў раёне дзейнічалі меліярацыйныя таварыствы ў в. Баршчоўка, Удалёўка, Рудня-Бурыцкае, пас. Барэц. У 1929 г. было ўтворана меліярацыйнае таварыства ў в. Ліпнякі [11, л. 77].

З-за слабага фінансавання на палі амаль не ўносіліся ўгнаенні, асабліва хімічныя. Адной з прычын гэтага было дрэннае развіццё жылелагадоўчых гаспадарак. На 1929 г. у большасці паселішчаў раёна выкарыстоўваўся двухпольны севазварот, які захаваўся яшчэ з часоў сярэднявечча і быў малапрадуктыўным. Шматпольны севазварот пакуль не атрымаў шырокага распаўсюджвання ў гаспадарках раёна. Аднак, нягледзячы на праблемы, па загадзе партыі раённае кіраўніцтва пачало рыхтавацца да правядзення калектывізацыі [10, л. 59].

16–18 сакавіка 1929 г. адбыўся чарговы сход Лоеўскага РВК, на якім было прынята рашэнне аб пачатку калектывізацыі сельскай гаспадаркі [2, с. 37]. І ўжо па стане на 1 ліпеня 1929 г. было калектывізавана 182 гаспадаркі, утворана 12 калгасаў, што складала усяго 2,5 % ад усёй колькасці сялянскіх гаспадарак. Да канца снежня было калектывізавана 19 % ад усіх сялянскіх гаспадарак [6, с. 78].

Новы віток калектывізацыі пачаўся з восені 1930 г. Стала расці колькасць калгасаў, сялянскіх гаспадарак у калгасах. Напрыклад, калі па стане на 1 студзеня 1931 г. было калектывізавана 1523 гаспадаркі, то на 25 студзеня 1931 г. – ужо 1813 гаспадарак сялян [13, л. 16].

Экстэнсіўныя захады па павелічэнні ўраджайнасці не маглі даваць станоўчых вынікаў. Таму ў раён актыўна пачала пастаўляцца тэхніка. На 1 чэрвеня 1931 г. налічвалася толькі 5 трактароў маркі «Пуцілавец», набытых яшчэ ў 1927 г. [13, л. 13]. На 1932 г. у раёне мелася ўжо 6 трактароў, праз два гады іх было ўжо 9 адзінак [6, с. 86]. Ва Уборках першы трактар маркі «Фардзон» з'явіўся ў 1931–1932 гг., але на палях ён амаль не працаваў па той прычыне, што трактарыст не меў дастатковай кваліфікацыі. Трактар толькі адзін раз выязджаў за межы вёскі і

быў зламаны. Калгаснікі выкарыстоўвалі яго як рухавік млына у час памолу зерня, з якога калгас здабываў поснае масла, крупы [9].

Механізацыя не магла вырашыць усіх праблем, асабліва на пачатку правядзення калектывізацыі. Асноўны пік праблем прыйшоўся на 1930–1933 гг. У 1930 г. на палях засталіся непрыбранымі 133 га сена. Адна з прычын – калгаснікі мала выходзілі на палі –2172 працадзён за ўвесь год [2, с. 38]. На вясну 1932 г. ва ўсіх калгасах раёна назіраліся недахопы па прычыне незацікаўленасці кіраўнікоў калгасаў і глаў сельсаветаў у выкананні сваіх абавязкаў, назіраліся выходы сялян з арцелей [16, л. 6].

У 1932–1934 гг. раён ахапіў голад. Слабая меліярацыя і ачыстка рэк выклікалі сапраўдныя катаклізмы падчас праліўных дажджоў. Самы вялікі разліў адбыўся ў пойме рэчкі Брагінка, якая працякала праз Уборкаўскі і Ручаёўскі сельсаветы. Восенню 1932 г. у калгасах «Чырвоны Авангард», «Імя Арлова», «Вялікая Ніва», «Громкі», «Дняпроўская камуна», «12 – Кастрычнік», «Авангард», «Чырвоная змена», «Чырвоны Араты», «Палеская праўда-1», «Пераможны», «Ударнік» з 877 сялянскіх гаспадарак галадалі 493 сям'і, а астатнія адчувалі значны недахоп хлеба [15, л. 24]. Прымусовая калектывізацыя і голад вялі да зніжэння ўзроўня жыцця насельніцтва, яго масавых захворванняў, што выклікала рост смяротнасці. Калі ў 1932 г. памерла 623 жыхары раёна, то ўжо ў 1933 г. – 943, а ў 1934 г. – 977 чалавек [6, с. 87]. Сітуацыю ўскладнялі масавыя наплывы галадуючых украінцаў. Па сведчаннях старажылаў, праз Лоеў ішлі натоўпы галадуючых людзей. Шмат іх было ў в. Мохай. Голад сыграў на руку ўраду. Каб неяк пражыць, сяляне з пачаткам палявых работ вярталіся ў калгасы. У калгасы в. Абакумы і Глушэц у 1932 г. вярнуліся 10–16 асоб [14, л. 22].

З 1934 г. у развіцці сельскай гаспадаркі намеціўся ўздым. Па стане на 20 кастрычніка 1934 г. у 20 калгасах упершыню быў уведзены шматпольны севазварот на плошчы 20 151 га, што складала 60 % ад усіх сельскагаспадарчых зямель, і да канца 1930-х гг. ён ужо выкарыстоўваўся ва ўсіх калгасах. Упершыню ў раёне ў 1934 г. у калгасах пачалі сеяць бульбу сартавым насеннем «Вольфман» на плошчы 183 га і «Ранняя ружа» на плошчы 30 га [2, с. 39].

Трагічнай падзеяй перыяду калектывізацыі стала масавае раскулачванне найбольш заможнай і працавітай часткі сялянства. У раёне, акрамя адзінкавых выпадкаў высялення сялян, адзначаліся выпадкі высылкі цэлых вёсак, хутароў, якія назаўжды зніклі з палітычнай карты краіны.

Першым населеным пунктам Лоеўшчыны, які зведаў бальшавіцкі тэрор, стала в. Малая Церабееўка Ліпнякоўскага сельскага савета, утвораная ў пачатку XX ст. перасяленцамі з в. Ліпнякі. Усё насельніцтва вёскі складала 32 двары, і ўсе гаспадаркі былі заможныя [4, с. 38–39]. Напачатку калектывізацыі сяляне вёскі сталі выкарыстоўваць палітыку антыкалгаснай барацьбы. На нарадзе Лоеўскага РВК ад 3 снежня 1929 г. згадвалася пра бунт сялян вёскі. Паведамлялася пра тэрарыстычныя акты, антыкалгасную агітацыю. За гэтую акцыю пратэсту частка сялян была прыцягнута да адказнасці. Былі высланы за межы раёна: Жарнасек Алесь, Канчанаў Трыфан, Чыркоў Фядос [12, л. 247]. У 1930 г. усе жыхары вёскі адмовіліся ўступаць у калгас. За гэта ўлады прымянілі рэпрэсіі да 30 сем'яў. Амаль

усе яны былі выселены на поўнач у г. Котлас Архангельскай вобласці. Перад высылкай сем'і былі раздзелены на жанчын з дзецьмі і мужчын. Мужчын пасадзілі ў раённую турму, а затым іх загналі на баржу, нагужаную бульбай. Іх перавезлі да турмы ў Гомелі, а затым на поўнач. Жанчыны разам з дзецьмі былі дастаўлены на станцыю Рэчыца, а затым на таварных вагонах вывезены ў невядомым накірунку. Да сённяшняга дня лёс гэтых людзей неведомы [4, с. 38–39]. Умовы жыцця на поўначы былі вельмі цяжкімі. Захаваўся ліст сялян Ліпнякоўскага сельскага савета з чыгуначнай станцыі Луза, у якім гаворыцца аб суровым клімаце, адсутнасці прадуктаў харчавання, пагрозе смерці цэлым сем'ям [21, л. 270].

Пасля ліквідацыі в. Малая Церабееўка раённыя ўлады прыступілі да знішчэння хутароў. Большасць хутароў на Лоеўшчыне былі ўтвораны пераважна падчас сталыпінскай аграрнай рэформы 1906 г., да канца 1920-х гг. яны змаглі наладзіць эфектыўную працу, з'яўляліся ўзорам гаспадарання. Уладальнікі хутароў звычайна мелі ад 15 да 25 і больш гектараў зямлі. Некаторыя з іх выраслі да невялікіх вёсак з бязвулічнай сістэмай забудовы. Напачатку 1930-х гг. колькасць сялянскіх гаспадарак у хутарах была значнай. Са справаздачы райвыканкама на 25 кастрычніка 1931 г. у хутарах пражывала 149 сялянскіх сямей, якія савецкай уладзе трэба было вынішчыць, каб усталяваць камуністычны парадак. Першыя хутары пачалі ліквідавацца падчас арганізацыі калгасаў. Пры арганізацыі калгаса ў в. Буда-Петрыцкая Баршчоўскага сельсавету (сучасны Малаўскі сельсавет) камуніст С. Германенка арыштаваў жыхароў хутара Ціханаўка Ягела Базыля і Ягела Мікалая, а хутар у хуткім часе быў ліквідаваны. У савецкай літаратуры яны пазначаюцца як бандыты, таму ў іх затрыманні ўдзельнічаў чырвонаармеец [1, с. 4]. Пры арганізацыі калгаса «Палеская праўда» у вёсцы Уборак быў ліквідаваны адзіночы хутар Сцяпана Мазурава, сам гаспадар быў раскулачаны, а яго амбар, гумно і хлеў выкарыстоўваліся калгасам [9].

Каб хутчэй пакончыць з хутарамі, савецкая ўлада распрацавала больш эфектыўную форму іх ліквідацыі. Хутарскую гаспадарку трэба было з розных бакоў атачыць калгаснай зямлёй – выпас жывёлы становіўся немагчымым, а патрава калгасных палёў магла прывесці да растрэла [7, с. 556].

Да нашых дзён захаваліся ўспаміны аб раскулачванні і высылцы сям'і Каляды Патапа Цімафеевіча з хутара Галы-1. Яго сям'я лічылася працавітай і заможнай. Землі на хутарах Галы былі адны з самых урадлівых на Лоеўшчыне. У час калектывізацыі ў сям'і адбылося гора: памерла іх дачка, у якой было трое непаўналетніх дзяцей. Але нягледзячы на гэтыя трагічныя абставіны, іх бабулю і дзядулю на сялянскім возе даставілі да чыгуначнай станцыі Рэчыца, а затым па чыгунцы выслалі за межы раёна. Далейшы лёс дзяцей устанавіць не атрымалася [5, с. 4].

У выніку раскулачвання былі высланы з хутара Малая Дубраўка (Каўпенскі савет) – 10 жыхароў, з хутара Галы -1 (Пярэдзельскі савет) – 30 жыхароў і Верыны Галы (Галы-2) (Уборкаўскі Савет) – 18 жыхароў. Самі хутары былі поўнасцю знішчаны падчас Вялікай Айчыннай вайны. Жыхары хутароў Верасок, Клён, Пустая Града або патрапілі пад раскулачванне, або, апасаючыся высылкі як кулакі, вымушаны былі перасяліцца ў вёскі і ўступіць у калгасы. Прыведзены спіс раскулачаных па хутарах далёка няпоўны. Падлічыць колькасць рэпрэсаваных –

вялікая праблема, бо ўсе дакументы былі засакрэчаныя. Няма дакладнага спіса сялян па хутарах, акрамы таго трэба ўлічваць, што многія хутары былі адзіночныя [6, с. 92–106].

Літаратура:

1. Германенка С. Руйнавалі межы бэльняговыя // Серп і молат. Раённая газета. – 4 лістапада 1968 г. – С. 4.
2. Долатаў А.С. Дапаможнік па краязнаўству Лоеўшчыны. – Лоеў: Карані. – 2002. – 81 с.
3. Елизарова Г.В. Крестьянское землепользование на Гомельщине в период становления советской власти // Гомельщина в событиях 1917–1945 гг. Материалы научно-практической конференции. – Гомель: Белгут. – 2007. – С. 176–181.
4. Калубовіч А. На крыжовай дарозе. Творы з эміграцыі. – Мінск: ВЦ «Бацькаўшчына». – 1994. – С. 38–39.
5. Коцевой В. Боль воспоминаний тревожит душу // Серп і молат. – 27 лістапада 1999 г. – С. 4.
6. Памяць. Гісторыка-дакументальная хроніка Лоеўскага раёна. – Мінск: Беларуская энцыклапедыя. – 2000. – 589 с.
7. Протыко Т.С. Становление советской тоталитарной системы в Беларуси 1917–1941 гг. – Минск: Тесей. – 2002. – 687 с.
8. Роголев А.Ф. Топонимия Беларуси: Гомельская область. Лоевский район. – Гомель: ПГУ имени Ф. Скорины. – 2015. – 317 с.
9. Коллективизация в деревне Уборак. Из воспоминаний старожила Казимира Никиты Андреевича 1883 года рождения. Материал из Уборковской сельской библиотеки.
10. Дзяржаўны архіў Гомельскай вобласці (далей – ДАГВ) – Ф. 509, вопіс 1, с. 177, л. 59.
11. ДАГВ – ф. 509, вопіс 1, с. 177, л. 76–78.
12. ДАГВ – ф. 509, вопіс 1, с. 177, л. 235–248.
13. ДАГВ – ф. 509, вопіс 1, с. 296, л. 12–16.
14. Дзяржаўны архіў грамадскіх аб'яднанняў Гомельскай вобласці (далей – ДАГАГВ) – Ф. 266, вопіс 2, с. 9, л. 6–22.
15. ДАГАГВ – ф. 266, вопіс 2, с. 9, л. 24–25.
16. ДАГАГВ – ф. 266, вопіс 2а, с. 104, л. 6–7.
17. ДАГАГВ – ф. 3, вопіс 1, с. 405, л. 189.
18. ДАГАГВ – ф. 3, вопіс 1, с. 442, л. 2.
19. ДАГАГВ – ф. 3, вопіс 1, с. 442, л. 16.
20. ДАГАГВ – ф. 3, вопіс 1, с. 442, л. 88.
21. ДАГАГВ – ф. 3, вопіс 1, с. 622, л. 270.

Механизация сельского хозяйства Лоевского района во второй четверти XX века

Панков Ю.В., Гомельский дворцово-парковый ансамбль, Гомель, Беларусь

Колос А.В., Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины, Гомель, Беларусь

Основным фактором роста сельского хозяйства является его механизация. Наличие механических транспортных средств в кооперативных хозяйствах дало советской власти преимущество над мелкими крестьянскими наделами. Целью данного материала является анализ наличия машинно-тракторной техники в сельском хозяйстве Лоевского района. Кроме того, изучение марок транспорта позволяет проследить, когда в регион поставлялась зарубежная техника, что дает представление об уровне развития машиностроения в СССР в обозначенный период.

Лоевский район был образован 8 декабря 1926 г., а первый трактор на территории Лоевщины был поставлен на 2 года ранее. В самое крупное кооперативное хозяйство «Днепровская коммуна» тогда еще Речицкого повета был передан колесный трактор американского производства марки «Титан» [1, с. 129]. Поддержанное государством хозяйство в 1927 г. смогло получить еще 5 колесных тракторов «Путиловец» – лицензионной копии американского «Фордзон-Ф». Использование техники позволяло проводить сев быстро, что повышало урожайность сельскохозяйственных культур. Активное использование тракторов повысило урожайность в коммуне – 9,6 ц/га против 6 ц/га в крестьянских хозяйствах [2, с. 34].

Новый процесс механизации начался с политикой коллективизации. Стоит отметить, что в Лоевский район после 1927 г. механический транспорт не поставлялся 4 года. На 1 июня 1931 г. в ранее упомянутой «Днепровской коммуне» насчитывалось 5 тракторов «Путиловец». О наличии в хозяйстве самого первого поставленного трактора в источниках не сказано [3, л. 13]. В д. Уборок в 1932 г. поступил американский «Фордзон», но по причине недостаточной квалификации работников на полях он не был задействован [4]. На 1934 г. в районе было 9 тракторов [5, с. 86].

С целью повышения зависимости от государства и повышения квалификации трактористов в 1935 г. в Лоеве была создана первая машинно-тракторная станция (МТС). Напрямую местные колхозы не владели автотранспортом и должны были арендовать его на станциях. Кроме аренды, МТС занимались ремонтом и обслуживанием транспортных средств. В первые годы работы МТС в ней насчитывалось около 24 тракторов (колесные «ХТЗ», «Универсал-2», гусеничные «ХТЗ-Т2Г», «СХТЗ-НАТИ», «ЧТЗ С-60»), а общее число машинно-тракторного парка к 1 января 1937 г. достигло около 48 единиц техники [2, с. 39–40]. Среди них 11 комбайнов (9 – 15-футовые «Коммунар», 2 – «СКАГ-5А») и 15 автомобилей [6].

Необходимо отметить, что кроме мужчин вождением сельскохозяйственной техники занимались женщины. Первой трактористкой стала София Ревенок. После окончания курсов за ней закрепили колесный трактор «ХТЗ». В 1936 г. она стала

первой трактористкой района, обработавшей 800 га земли мягкой пахоты. В том же году в Лоевской МТС работали две женские бригады [7, с. 4].

К началу 1939 г. в Лоевском районе была организована еще одна станция – Борщевская. Активная механизация сельского хозяйства привела к повышению урожайности культур. К примеру, урожайность в 1930 г.: рожь 5,5 ц/га, яровая пшеница 5,4 ц/га, овес 6,7 ц/га, ячмень 5,8 ц/га; в 1934 г.: рожь 7,5 ц/га, яровая пшеница 7,2 ц/га, овес 7,9 ц/га, ячмень 8,1 ц/га [5, с. 86–87]. Дальнейшему росту показателей помешала Великая Отечественная война.

Лоевщина стала одним из первых районов БССР, освобожденных от немецких войск. Городской поселок Лоев был освобожден 17 октября 1943 г. К концу года в районе началось восстановление аграрного сектора. Темпы экономического подъема сельского хозяйства зависели от наличия транспортных средств (тракторов, комбайнов, грузового транспорта).

К концу 1943 г. в районе были восстановлены Лоевская и Борщевская МТС. Анализ их годовых отчетов дает представление о комплектации сельскохозяйственных предприятий специализированным автотранспортом.

К началу 1944 г. в Лоевской МТС ощущался дефицит техники. В наличии имелось только 8 колесных тракторов, среди которых 7 «ХТЗ», 1 «Универсал II». Комбайнов и автомобилей вовсе не было [8, л. 10 об.]. Это не могло не сказаться на работе колхозов Лоевщины в первые месяцы восстановительного периода. Но стоит отметить, что такое положение не помешало работникам станции собрать денежные средства на постройку звена самолетов «Колхозник Лоевщины» для нужд Красной Армии [5, с. 525].

В комплектации машинного парка Лоевской МТС помогло руководство Мордовской АССР. Оно оказало станции материально-техническую помощь. Кроме того, помощь была оказана со стороны государства [5, с. 520]. Уже к началу следующего года МТС насчитывала 39 колесных тракторов (32 – «ХТЗ» и 7 – «Универсал II»), 5 гусеничных тракторов (2 – «АТЗ-НАТИ», 2 – «ХТЗ-Т2Г», 1 – «ЧТЗ»), 14 комбайнов (6 – 15-футовые «Коммунар», 6 – 20-футовые «Сталинец-1», 2 – «СКАГ-5А») и 3 грузовых автомобиля (1 – «ГАЗ-АА», 1 – «ЗИС-5», 1 – «Форд-6») [8, л. 10 об.]. Необходимо указать, что не вся техника находилась в рабочем состоянии. Из 39 колесных тракторов работали только 26. Не работали также комбайн «Коммунар» и автомашина «ГАЗ-АА». В течение 1945 г. из Лоевской МТС происходил отток техники в соседнюю Борщевскую МТС, в которой сказывалась нехватка транспорта. Туда поступали не только работающие экземпляры, поэтому рабочим приходилось самостоятельно заниматься их ремонтом.

К 20 июня 1945 г. тракторные работы Лоевской МТС были выполнены на 72,6 % от годового плана. В Борщевской МТС было выполнено 59,3 %. По этим показателям МТС Лоевского района заняли 10 и 23 места среди 33 МТС Гомельской области [9]. Первое место занимала Ново-Белицкая МТС с выполненным показателем 121,3 %, хотя еще к 1 января 1946 г. в ней насчитывалось только 15 тракторов (1 не работал) и 2 комбайна [10, л. 10 об.].

Отток и поломка техники Лоевской МТС привели к небольшому застою в развитии машинно-тракторного парка. К 1 января 1947 г. количество колесных

тракторов держалось на уровне 21 единицы (16 – «ХТЗ», 5 – «Универсал II»); гусеничных тракторов – 2-3 единицы (1 – «ЧТЗ», 1-2 – «АТЗ-НАТИ»), но работал только 1 «АТЗ-НАТИ» (рис. 1). Другое дело обстояло с автомашинами. К 1 января 1948 г. автопарк Лоевской МТС насчитывал 7 грузовиков (3 – «ГАЗ-АА», 1 – «ЗИС-5», 1 – «Форд-6», 2 – «Опель-Блиц») [11, л. 10 об.]. Вероятно, что в комплектации автомобильной техники помогали воинские части, т.к. американские «Форды» поставлялись в качестве военной помощи в СССР по договору ленд-лиза, а немецкие «Опели» считались трофейными. Уже к 1948 г. на станцию в Лоеве поступили в рабочем состоянии 8 американских колесных тракторов марки «Джон-Дир» (7 – модель «В» («би»), 1 – модель «Н» («аш»)) и 1 прицепной зерноуборочный комбайн «С-6» [12, л. 10 об.]. Данную ситуацию следует связать с выходом постановления Совета Министров СССР от 5 января 1947 г., в котором Лоевщина была отнесена к числу наиболее пострадавших районов в годы Великой Отечественной войны. Поэтому государство стало оказывать значительную материальную помощь [5, с. 521].

В Борщевской МТС ситуация с наличием техники менялась в течение 1945 г. После помощи Лоевской станции к 1 января следующего года в ней насчитывалось 15 колесных тракторов (13 – «ХТЗ», 2 – «Универсал II»), 3 гусеничных трактора (1 – «АТЗ-НАТИ», 2 – «ХТЗ-Т2Г»), 4 комбайна (3 – 15-футовые «Коммунар», 1 – «СКАГ-5А») и 6 грузовых автомобилей (1 – «ГАЗ-АА», 2 – «ЗИС-5», 2 – «Форд-6», 1 – «Шевроле») [13, л. 10 об.]. Следующий этап пополнения парка в д. Борщовка произошел одновременно с Лоевской МТС. От государства на станцию поступили американские колесные тракторы марки «Кейс» в количестве 3 экземпляров, а также 6 гусеничных «АТЗ-НАТИ». В отличие от Лоева в Борщевке к 1948 г. из-за неисправностей из состава машинно-тракторного парка выбыли 1 гусеничный трактор «ХТЗ-Т2Г», 1 комбайн «СКАГ-5А» и 3 грузовика (1 – «ГАЗ-АА», 1 – «Форд-6», 1 – «Шевроле») [14, л. 11].

В 1947 г. государственная помощь оказывалась не только машинно-тракторным станциям. Грузовые автомобили поступили также в 7 колхозов Лоевщины [5, с. 525].

Самоотверженный труд работников сельскохозяйственных предприятий, а также механизация труда позволили Лоевскому району постепенно восстановиться после Великой Отечественной войны. К примеру, в 1950 г. наибольших показателей в БССР по уборке зерновых достиг комбайнер Василий Ястребов с Лоевской МТС на комбайне «Коммунар» (рис. 2). Были отмечены также трактористы Петр Пузик, Александр Романов, Иван Губарь (Лоевская МТС) и Иван Мельниченко (Борщевская МТС) [5, с. 521, 525].

Суммируя вышеизложенное, подведем итог, что механизация сельского хозяйства Лоевщины началась в середине 1920-х гг., а пика своего развития достигла после создания МТС, которых в Лоевском районе было 2. Дальнейшему развитию региона помешала Великая Отечественная война. После ее окончания встал вопрос о восстановлении хозяйства и выходе темпов производства на довоенный уровень. Только спустя 3 года в районе была восстановлена довоенная посевная площадь [5, с. 527]. Машинно-тракторный парк по количеству единиц техники смог превзойти прежний уровень только к началу 1950-х гг. Сельскохозяйственная техника была в

основном советского производства, но определенный процент занимали тракторы американских фирм. После Великой Отечественной войны на Лоевщину поступали грузовые автомобили, поставившиеся в СССР по ленд-лизу, а также трофейные грузовики, захваченные у Германии. Хронологию поставок зарубежной техники следует разделить на два периода. Первый период – вторая половина 1920 – начало 1930-х гг. Это время, когда зарождалось советское машиностроение, и отечественная машинно-тракторная техника не могла в необходимом количестве поступать в сельское хозяйство Лоевского района. Поэтому первоначально туда завозились американские тракторы. Второй период – вторая половина 1940-х гг. – время, когда промышленность СССР восстанавливалась после Великой Отечественной войны и не могла полностью удовлетворить запросы сельского хозяйства, в том числе Лоевского региона. Поэтому туда вновь поставлялась иностранная техника, сохранившаяся в восточных регионах СССР с 1920-1930-х гг., а также экземпляры ленд-лизовских и трофейных автомашин.

Источники и литература:

1. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Рэчыцкага раена: у 2 кн. / рэдкал.: Э.Н. Гнеўка, Т.І. Літвінава (адк. рэд) [і інш.]. – Мн.: Беларусь, 1998. – Кн. 1. – 502 с.
2. Долатаяў А.С. Дапаможнік па краязнаўству Лоеўшчыны // Лоеў «Карані». – 2002. – 81 с.
3. Государственный архив Гомельской области (ГАГО). – Ф. 509. Оп. 1. Д. 291.
4. Коллективизация в деревне Уборок. Из воспоминаний старожила Казимира Никиты Андреевича 1883 года рождения // Архив Уборковской сельской библиотеки.
5. Памяць: Гісторыка-дакументальная хроніка Лоеўскага раена / рэдкал.: Г.П. Пашкоў, Л.В. Календа, В.П. Крупейчанка (адк. рэд.) [і інш.]. – Мн.: Беларуская энцыклапедыя, 2000. – 589 с.
6. Лоевская МТС. Историческая справка / Архив музея Сутковского детского сада – средней школы «Сутковский край».
7. Пятроў М.П. Першая трактарыстка // Серп і молат. – 1970. – 4 лістапада – С. 4.
8. Зональный государственный архив в г. Речице (ЗГАРеч). – Ф. 531. Оп. 1. Д. 2.
9. Гомельская праўда. – 1945. – 26 чэрвеня. – № 120 (3544). – С. 4.
10. ГАГО. – Ф. 2930. Оп. 1. Д. 5.
11. ЗГАРеч. – Ф. 531. Оп. 1. Д. 9.
12. ЗГАРеч. – Ф. 531. Оп. 1. Д. 11.
13. ЗГАРеч. – Ф. 635. Оп. 1. Д. 2.
14. ЗГАРеч. – Ф. 635. Оп. 1. Д. 4.
15. Фонды музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля. – Н/В 10499.
16. Фонды музея Гомельского дворцово-паркового ансамбля. – Н/В 11442.

Рис. 1. Озимый сев на полях укрупненного колхоза с помощью гусеничного трактора АТЗ-НАТИ, Лоевский район, 1950 г. [15].

Рис. 2. Ястребов Василий и Степанов Алексей – лучшие комбайнеры Лоевской МТС, 1950 г. [16].

Письма и дневники солдат и командиров Красной армии (1941–1945 гг.) как исторический источник

Смиловицкий Л.Л., д.и.н., Тель-Авивский университет, Тель-Авив, Израиль

К постановке проблемы

С началом советско-германской войны произошло перемещение огромных масс населения в разные регионы страны. Письма остались практически единственным способом коммуникации между людьми, оказавшимися в совершенно новой, непривычной обстановке. Роль полевой почты в годы войны трудно переоценить. Это была своего рода кровеносная система, питавшая сложный организм огромной страны, которая боролась за жизнь. За четыре года войны в Советскую армию были призваны или вступили добровольно от 490 до 520 тыс. евреев¹. Не менее 1,5 млн евреев были эвакуированы или бежали из районов боевых действий (Белоруссия, Украина, Россия, Прибалтика, Молдова, Крым, Кавказ) в области глубокого советского тыла (Казахстан и Средняя Азия, Башкирия, Урал, Сибирь, Дальний Восток) [2, с. 6–18].

Главные потоки писем в 1941–1945 гг. шли с фронта и на фронт, из районов массовой эвакуации и тыла. С помощью переписки происходил обмен информацией и эмоциональными переживаниями как военнослужащих, участников боевых действий, так и гражданского населения. После окончания войны в архивы и музеи попали лишь отдельные группы писем.

За последние семьдесят лет отношение к письмам как историческому источнику неоднократно менялось. Одни исследователи подвергали эпистолярный жанр острой критике за субъективизм, другие считали письма едва ли не наиболее достоверным источником по проблемам духовной жизни советского общества.

Послевоенные публикации писем в Советском Союзе представляли собой, как правило, издания, приуроченные к очередной годовщине разгрома нацистской Германии. Однако ни разу в советское время не было издано сборника писем о тяжелом материальном положении в тылу, безвозвратных потерях на фронте, отчаянном голоде и непосильном труде эвакуированных, обмане властей и служебных преступлениях, эпидемиях и детской смертности, каторжном труде в колхозах... Власти предпочитали все списать на войну. Считалось, что даже в голодном тылу положение было лучше – там не стреляли, не бомбили и не взрывали. А что происходило на самом деле? Были люди, которые вопреки всякой логике писали или передавали письма с нарочным, пользуясь случайной оказией, вели дневники.

Цели и задачи

Собирание, сохранение и изучение писем и других документов личного происхождения (наградные листы, служебные удостоверения, фотографии, грамоты, военные характеристики, похоронные сообщения и пр.) из семейных архивов участников войны и их потомков как исторического источника.

¹ Это количество не было постоянным в течение всей войны. Часть евреев, солдат и командиров Красной армии погибла в самом начале, другие были призваны в конце войны, в том числе из партизанских отрядов, и служили короткий срок [1, с. 36].

Создание базы данных, доступной для научных, просветительных и образовательных программ, связанных с историей Второй мировой войны.

Систематизация сведений, полученных из частной переписки о положении на фронте и в тылу, геноциде евреев, взаимоотношениях евреев и неевреев.

Освещение проблем эвакуации (организованной и неорганизованной), устройство и быт беженцев в районах советского тыла, обеспечение кровом, продовольствием, работа на оборонных предприятиях, вопросы образования, культуры и социальной активности.

Принципы работы

На хранение принимаются все письма, независимо от их количества (одно, два, три, десятки или сотни из одной семьи).

Сбор сведений об участниках войны (личные истории, воспоминания, свидетельства родных, фотографии и пр.) *только при наличии писем военной поры*, поскольку нельзя объять необъятное.

Коллекция содержит письма и источники личного происхождения участников войны, независимо от их национальности. С одной стороны, это дань уважения к заслугам всех солдат и командиров Красной армии (славянского и неславянского происхождения), а с другой – имеет прикладное значение (необходимость сравнительного анализа писем евреев и неевреев).

Основные этапы работы по формированию коллекции

Принимая на хранение письмо периода советско-германской войны 1941–1945 гг., мы просим дарителей заполнить анкету по истории семьи. Все поступающие документы сканируются, а затем переводятся из рукописного в печатный вариант.

Собранная коллекция будет иметь описание (на иврите, английском и русском языках), которое даст представление о том, чьи именно письма поступили в архив, в каком они состоянии и находятся ли они в открытом доступе для читателей и исследователей. Конспективно эту работу можно сформулировать следующим образом:

1. Поиск писем 1941–1945 гг. (связь с участниками войны, общественными и государственными музеями, частными лицами и семейными архивами).
2. Сканирование оригиналов писем и фотографий, дневников и воспоминаний.
3. Перевод рукописного источника личного происхождения в машинописный вид.
4. Подбор ключевых слов и написание комментария к содержанию писем.
5. Сравнительный анализ военной корреспонденции и составление типологии писем.
6. Сбор сведений о судьбе участников переписки военных лет.
7. Выяснение условий хранения писем и причин, по которым часть корреспонденции была уничтожена их владельцами и наследниками в послевоенные годы.
8. Изучение изобразительного ряда (конверты, бумага для письма, печати и штампы, марки), особенностей советской наглядной агитации на примере военной почты.

После публикации моего обращения «Невостребованная память» о создании Коллекции военных писем в Центре диаспоры при Тель-Авивском университете я получил много откликов². Меня самого отыскивали дальние родственники, которые были эвакуированы в годы войны из Белоруссии в Узбекистан, и сослуживцы матери, которые живут сегодня в Чикаго.

Поиск писем ведется ежедневно и порой сопровождается необычными историями. Из Германии одна женщина сообщила, что готова передать на хранение письма своего отца, погибшего на фронте. В разговоре выяснилось, что всего сохранилось три десятка писем, которыми в семье очень дорожили. Когда жена ветерана умерла, то ее дети разделили письма на три равные части и разъехались на постоянное место жительства в Израиль, США и Германию. Теперь все эти письма еврейского солдата соединились в Коллекции Центра диаспоры.

Еще один звонок из Кельна. Меня зовут Эдельштейн. Сохранилась только трудовая книжка отца из блокадного Ленинграда, нужна? Отвечаю, что да, очень. Прошу написать об отце и слышу, что он не может, потому что правая рука не работает. А жена? А она у меня слепая...

Маргарита Тимянская (1932 г.р.) из Магдебурга хранит 80 писем и открыток отца с фронта. Папа, Абрамович Михаил Соломонович, начальник штаба танковой бригады, был тяжело ранен во время штурма Будапешта и скончался 7 января 1945 г. Маргарита пишет воспоминания – только, по ее словам, лень мешает. Внуки просят – напиши, бабушка. Маргарита вместо этого предпочитает разгадывать кроссворды...

Письма хранят личные тайны. Эдуард Скульский, портной-модельер из Одессы, живет в Израиле с 1991 г. Всю жизнь он собирает сведения об отце, который погиб на фронте в 1944 г. Эдуард признался, что прочитал в письмах своего отца, как он уговаривал маму сделать аборт, чтобы не осложнять себе жизнь и обеспечить необходимым первого ребенка (старшего брата Эдуарда).

Разбираю переписку Моисея Еврейсона. Одно письмо залито кровью. Крупные бурые пятна по всему листу, но текст проступает четко, и дата – 18 августа 1943 г. Подпись – «Люблю, твой Моисей». Зову моего 15-летнего сына, чтобы показать редкое письмо. Спрашиваю, знаешь, что это такое? – указывая на бурые пятна. Нет, отвечает, да и откуда ему? Объясняю, что это кровь. Солдат носил на себе письмо, его ранило (или убило?), отсюда и следы. Реакция сына неожиданная – осторожно, там могут быть микробы! Объясняю, что за 70 лет никаких микробов не осталось. Только след от трагедии...

- Людей, предающих для Коллекции письма и другие документы (или их копии), можно условно разделить на несколько групп, в зависимости от того, сколько писем они хранят:
- Несколько писем или открыток с фронта и мест эвакуации, главным образом как автограф близкого человека.
- Десять и более писем.
- Несколько десятков писем, телеграмм, уведомления о почтовых переводах, похоронки, официальные уведомления о пропаже без вести.

2 Сообщение было опубликовано в печатных изданиях Израиля, США, Канады, Германии, России, Беларуси, Украины и в Интернете [3].

- Целые подборки, насчитывающие десятки и даже сотни писем из одной семьи.

Методы передачи писем:

- Большинство тех, кто откликнулся, выступают в роли дарителей.
- Другие соглашаются предоставить семейные реликвии для сканирования.
- Самая немногочисленная часть не готова расстаться с письмами даже на время. Такие люди соглашаются самостоятельно выполнить копии, высылать их по электронной почте.

Поиск и систематизация писем военного времени носит срочный характер. На наших глазах уходит последнее поколение свидетелей и участников войны, которые способны прокомментировать сохранившиеся у них документы личного происхождения.

По итогам этой кропотливой и многоплановой работы, рассчитанной на годы вперед, планируется издавать сборники писем и готовить монографии по истории полевой и гражданской почтовой службы в годы советско-германской войны.

Архивы писем

Всего в Коллекции военных писем Центра диаспоры собраны почтовые отправления и источники личного происхождения 332 участников войны. Наиболее ценную часть Коллекции составляет т.н. архив писем (28 папок), который включает собрание десятков и сотен писем, полученных от одной семьи. В них отражена почти ежедневная корреспонденция между фронтом и тылом. Переписка дает представление о переживаниях, чувствах, планах, надеждах, новостях повседневной жизни, реакции на известия с фронта, рассказы об учебе, работе, быте, эвакуации и, наконец, фронтовой жизни. Письма содержат много важных деталей и примеров, что позволяет прочувствовать атмосферу эпохи военного времени.

Назовем основные подборки писем из Коллекции:

Мартин Мартинсон (40), Абрам Резник (40), Яков Спивак (42), Левитан, семья (49), Анатолий Богатырев (52), Савиковский, семья (59), Марк Смехов (60), Абрам Шмидт (62), Мера Шифрина – Лев Нехамкин (69), Михаил Абрамович (70), Белла Рубинова (72), Рапопорт (78), Айзик Кучар (98), Борис Пекарь (107), Шевах Лapidус (109), Борис Йоффе (110), Сергей Дрейзин (134), Арон Мазлер (143), Песя и Овадия Йохельсон (Гринберг) (149), Натан Воронов (150), Леонид Горецкий (198), Моисей Гинзбург (221), Давид Пинхасик и Мария Ваганова (225), Айзенштат, семья (250), Инна Фруг (274), Эпштейн, семья (699), Ваил Беркович (1100).

На хранение принимаются как оригиналы, так и сканированные копии. Всего обработаны комплексы писем, полученные от 215 участников войны. Тексты писем набраны в программе «Word» и распечатаны (hard copies). Большинство писем снабжены фотографиями корреспондентов (детские, до призыва в армию, служба в армии и, если выжил – послевоенные, включая семейные) и комментариями. Письма дополняются источниками личного происхождения (справки по месту работы и службы, наградные листы, благодарности и грамоты, автобиографии, солдатские и офицерские книжки, мобилизационные предписания, похоронные сообщения и др.).

Типология писем

В Коллекции представлены тематические подборки писем:

Письма на идиш

Свыше 50. Их анализу был посвящен мой доклад на конференции в Яд Вашем 2012 г. [4].

Детские

Письма детей – родителям на фронт и родителей из действующей армии.

Стихи

Любительские, собственного сочинения или профессиональных авторов, переписанные из газет и книг, заимствованные у сослуживцев, солдатский фольклор.

Благодарности и грамоты

Персональные благодарственные письма и грамоты от лица командира полка, дивизии, командующего фронтом, Верховного главнокомандующего.

Германия и немцы глазами евреев

Письма, отражающие отношение евреев-военнослужащих к немцам после вступления советских войск в Германию.

Карикатуры

«На живца», рис. Бориса Ефимова; «Клещи в клещи», рис. Кукрыниксы; «Генерал-мороз», «Били, бьем и будем бить» и др.

Блокада Ленинграда

Быт блокады, работа на предприятиях, оборона города, связь с родными, иносказательные намеки на хронический дефицит продовольствия и страдания от голода.

Запросы о судьбе родных, оставшихся на оккупированной территории

Письма военнослужащих в советские органы власти на освобожденных территориях.

Лаконичные письма

Письма, содержащие минимум информации, состоящие из нескольких слов, только чтобы сообщить родным, что жив и здоров.

Уникальные

Письма, уникальные по форме написания и содержанию.

Холокост

Свидетельства о следах массовых преступлений нацистов против евреев, посещение гетто и концлагерей, письма бывших узников гетто, выживших и вступивших в Красную армию, солдат и командиров, услышавших рассказы от евреев, переживших оккупацию, евреев-партизан и др.).

Цензура

Письма с пометками цензуры, упоминания корреспондентов о запрете сообщать ту или иную информацию, подробности боевых действий, места расположения,

дислокации воинской части, способы обойти цензуру при помощи намеков и иносказаний, понятным только участникам переписки, и др.

Палестина

Переписка с Палестиной из областей советского тыла, куда были эвакуированы семьи евреев, сражавшихся с нацистами в рядах Советской армии, свидетельства о стремлении евреев уехать в Палестину как место убежища всех евреев.

Портреты

Работы самодеятельных художников, самоучек, студентов художественных институтов: выполненные карандашом, тушью, акварелью рисунки солдат и командиров, товарищей по оружию, созданные в полевых условиях и призванные заменить фотографии.

Открытие второго фронта

Письма, посвященные советско-американско-английскому военному сотрудничеству.

Бумага и письменные принадлежности

На чем писали письма? Какую роль играли письменные принадлежности? Это далеко не праздный вопрос. Перо, чернила и бумага, как и стол или табурет, были не всегда. Писали часто карандашом, на коленях, в окопе...

Бумаги и конвертов не хватало, корреспонденты часто просили прислать их друг другу. Находчивые люди приспособливали кусочки тонкого картона под импровизированные почтовые карточки. На одной стороне писали адрес отправителя и получателя и наклеивали марку, а на другой – сам текст письма. Конверты делали из оберточной бумаги, обоев, телеграфных бланков, формуляров технической отчетности (сметы расхода горюче-смазочных материалов, топографические карты, бухгалтерские отчеты, сводки сдачи урожая государству и пр.) или просто куска газеты. Материалом для написания письма домой могла послужить копия приказа Верховного главнокомандующего (в гигиенических целях или как курительная бумага она использоваться не могла). Наличие марки обязывало почтовых служащих принимать их к пересылке.

Заметно меняется внешний вид писем после 1944 г. Солдаты перестают просить родных присылать карандаши и почтовую бумагу. Красная армия перешла границу, появились новые возможности. Канцелярские принадлежности, включая бумагу для письма, конверты и почтовые открытки перестали быть дефицитом.

Конверты

Наиболее распространены были знаменитые «треугольники» – чисто советское изобретение, которое больше нигде не встречается. Как правило, из тыла на фронт письма шли в конвертах, а с фронта в тыл уходили «треугольниками», бесплатно. Фронтовикам конверты были не нужны. Военная цензура в СССР вскрывала все без исключения письма. Кроме того, треугольник без труда мог открыть и прочесть любой желающий (экспедитор, сосед, сослуживец...), туда ничего нельзя было вложить. Треугольники писали на том, что было под рукой. Коллекция Центра диаспоры хранит частные письма, написанные на бланках государственных

и административных органов, хозяйственных учреждений, на обрывках газет, приказах Сталина, инструкциях по ведению боя на лыжах, на страницах из школьного учебника ботаники, немецких картах и бланках и пр.

Если фронтовое письмо ушло в тыл в конверте (чаще самодельном) – значит, в нем или текста было больше, чем одна страница, или что-то вкладывалось (например, фото). Приносил и забирал почту почтальон, обходивший позиции. При этом бумаги важные, например документы, отправляли заказным письмом, но уже за плату. Можно было послать и телеграмму. Принимала почта и денежные переводы: многие солдаты и офицеры переправляли свое денежное довольствие семьям в эвакуацию.

Наглядная агитация

Конверты и почтовая бумага использовались как средство пропаганды. По их оформлению можно судить о многом. Подъем боевого духа армии и тыла, призыв отдавать все силы для победы, невзирая на любые трудности и потери. Почтовые конверты содержали призывы к бдительности (цветная или черно-белая строка по верху, иногда выразительная картинка), неразглашению военной тайны – «враг подслушивает», «болтун – находка для шпиона». Власти были заинтересованы держать население в неведении. Подконтрольная почта не позволяла роптать. Война тем временем безжалостно убирала свидетелей. Все, что было не записано, исчезало навсегда. Уходил человек, и вместе с ним исчезал целый мир, все, что он мог рассказать...

Коллекция военной корреспонденции Центра диаспоры располагает примерами конвертов (608), которые подобраны по темам:

Род войск

Пехота, ПВО, ВВС, ВМС, артиллерия, бронетанковые войска, кавалерия, связь.

Дети

Наказ отцам и старшим братьям – отомстить; мать с ребенком на руках – воин Красной армии – спаси; солдат с ребенком на руках – мы ведем войну справедливую!

Культура

Образование, просвещение, наука – в помощь фронту.

Памятные даты

1 мая, годовщины Красной армии, Октябрьской революции 1917 г.

Новогодние поздравления

Новогодний привет с фронта, с новым победным годом, с годом окончательного разгрома немецко-фашистских захватчиков и др.

Самодельные конверты

Склеенные из газеты, оберточной бумаги, старых писем, титульных листов книг, открытки на картоне и др.

Медицина

Нашим санитарам слава; медработник – фронту; хирург на посту и др.

В бою

Мотоциклисты на марше; очистим родную землю от гитлеровской нечисти; за страну советскую – бей зверье немецкое и др.).

Военачальники

Герои войны с татарами, тевтонскими рыцарями (12-13 вв.), польским интервентами 1612 г., нашествием Наполеона 1812 г., наследники Суворова, Кутузова, героев Гражданской войны 1918–1921 гг.

Партизаны

Народные мстители, слава советским партизанам и др.

Плакаты

За нашу Советскую Родину; знамя полка – честь полка; закурим, друг; за Родину-мать; смерть немецким оккупантам и др.

Воины герои

Стреляю так, что ни патрон – то немец; снайперы: еще один фриц готов; папа, убей немца – выполню, сынок; казак на запад держит путь, казак не хочет отдохнуть и др.).

Сталин

За родину, за Сталина; по призыву великого вождя народов – в народное ополчение; сталинские соколы; наследники Сталина; выполним заветы Сталина и др.

Поддержка фронту

Все для фронта – все для победы; дадим сверхплановый металл для пушек и снарядов; славному защитнику Родины от колхозников-сибиряков; героическому тылу – привет с фронта и др.

Подполье

Пионеры-герои, герои-комсомольцы, герои подполья; герои Краснодона – Молодая гвардия и др.

Победа

Суворов: русские всегда прусских бивали; Крым освобожден от врага; салют освободителям Минска, слава героям Ленинграда; советский народ-победитель и др.

Надписи на конвертах

Приведем для примера только одну тему – «воспитание ненависти»:

За папу! За маму!

За слезы сирот, за детей

Сполна заплатим фрицу!

Ищи его и в сердце бей.

И в землю вбей – убийцу!³

3 Это количество не было постоянным в течение всей войны. Часть евреев, солдат и командиров Красной армии погибла в самом начале, другие были призваны в конце войны, в том числе из партизанских отрядов, и служили короткий срок [1, с. 36].

*Воин Красной Армии! Судьба Родины решается твоим оружием и стойкостью.
Бей врага, не зная страха! Победа будет за нами!⁴*

*Громи врага! Иди на приступ!
Бей немцев яростно, боец.
Чем больше ты убьешь фашистов,
Тем ближе Гитлера конец!⁵*

Германские фашисты стремятся превратить русский народ в рабов немецких капиталистов и помещиков. Им это не удастся. Русский народ никогда не будет рабом пса Гитлера⁶.

*«Мы можем и должны очистить советскую землю от гитлеровской нечисти»
(И.В. Сталин)⁷.*

Надпечатки на конвертах, официальные лозунги во славу советского оружия и требование разгрома Германии оставляют неизгладимое впечатление, когда читаешь фамилии корреспондентов, которым адресованы письма (Иоффе, Айзенштат, Лившиц, Эпштейн, Авин, Шварц, Рабинович, Каганович, Либерман, Пинхасик и др.). Начиная с 1942 г. политика немецкого геноцида еврейского населения уже не была ни для кого тайной, поэтому призывы властей, которыми изобиловали конверты и почтовая бумага (отомстить, убить немца и др.), приобретали для советских евреев особенно глубокий смысл.

Уровень грамотности

Письма евреев старшего поколения изобилуют ошибками из-за плохого знания русского языка. В то же время письма молодежи, получившей образование в советских учебных заведениях, выгодно отличаются своей грамотностью и образностью описания. Отдельную группу составляют письма евреев, получивших образование до 1917 г. (архив семьи Эпштейн).

Если сравнивать письма евреев и неевреев в целом, то налицо разительный контраст. Письма неевреев часто содержат множество грамматических ошибок, многие из них односложны и примитивны по содержанию. И не потому, что евреи были умнее – сказывался разрыв между городской и сельской культурой. Общий уровень грамотности призывников вне городской черты оставался низким. Солдаты из сельской местности испытывали затруднения, излагая на бумаге свои мысли и чувства. Не хватало образования, многие научились писать только в предвоенные годы. Юноши призывного возраста, как и взрослые мужчины до 30 лет и старше (неевреи), одинаково плохо владели не только навыками письма, но и умением логично строить текст. Однако участники переписки не обращали на это внимания. С одной стороны, это была общая беда, а с другой – письма предназначались только своим домашним, редко друзьям и знакомым. Считалось, что «свои» поймут.

4 Письмо А.И. Авина, ПП 75601 «Л» – Б.Д. Рубиновой, Ленинград, 25 апреля 1943 г. [5].

5 Письмо А.И. Авина – Б.Д. Рубиновой, Ленинград, 5 марта 1944 г. [5]

6 Письмо М. Шварцмана ПП 35 «ХЧ» – Омская обл. Хоне Шварц, 24 июня 1942 г. [5].

7 Письмо В.М. Кагановича, ПП 17658 – Х.М. Каганович, Чкаловская обл., 25 сентября 1944 г. [5].

Главное было послать весточку о том, что жив, а как она написана – косноязычно, с ошибками, считалось делом второстепенным.

В наши дни малограмотность еврейских писем, отправленных с фронта и на фронт, оценивается неоднозначно. Приведу два мнения моих помощников, перепечатавших письма Арона Мазлера (1911–1945 гг.).

From: Michail Shifman
Sent: Sunday, June 15, 2014 3:58 PM
To: Leonid Smilovitsky

Как мне трудно переписывать безграмотные письма Мазлера, каждое слово нужно разбирать и понимать, что он хотел этим сказать...

From: Elkhanova, Elena
Sent: Monday, June 16, 2014 4:30 PM
To: Leonid Smilovitsky

Я сохранила лексику Мазлера, человек не очень хорошо владел русским, но это даже мило видеть, он практически переводит с идиша (так я могу вам писать, что...)

Действительно, письма Арона Ушеровича Мазлера (всего 143), погибшего в январе 1945 г., малограмотны. Однако насколько они искренние и пронзительные. Почти в каждом, несмотря на наивность, есть фраза или предложение, абзац, который трогает, берет за живое, проникает прямо в душу.

Исследователи советской эпохи, столкнувшиеся с массовой малограмотностью красноармейцев и младших командиров (даже на бытовом уровне), не торопились предавать это огласке. Выгоднее было подчеркнуть общий патриотизм писем.

Сохранность писем

До окончания войны письмами особенно дорожили. Для того чтобы почтовые отправления не растерялись при частых переездах, корреспонденцию (письма, телеграммы, отравные талоны о денежных переводах) крепили доморощенным способом. Одни сшивали нитками (семья Айзенштат), при этом каждое новое письмо крепилось сверху общей пачки дополнительным стежком. Другие – накалывали на проволоку по принципу примитивного скоросшивателя (семья Гинзбург). Практика показала, что эти усилия оказались оправданными. Закрепленные в едином пакете, письма сохранились и дошли до наших дней.

Всего, по данным Управления военно-полевой почты СССР, за время войны было доставлено около трех миллиардов писем (18 млн в день). Гигантские объемы, но в целом система советской военно-полевой почты с задачей справлялась. Когда фронт был стабилизирован, письма в одну сторону шли примерно десять суток.

Письма часто писали, приспособившись к любым условиям (в поле, окопе, землянке, вагоне), ручкой или карандашом, при свете дня или в полутьме. Срок жизни письма был ограничен, посылавшие его люди не рассчитывали на долгое хранение. Чаще всего это было сообщение о самочувствии корреспондента (о том, что он жив, о его состоянии здоровья, настроении, подтверждении любви

и верности). Со временем тексты, нанесенные простым карандашом, стали малоразличимыми, бумага побледнела (выцвела или выгорела). Разбирать такие письма – мука, но соблазн велик. Вдруг там кроется то, что раскрывает историю судьбы? Редкий пример, точная фраза, образное сравнение...

Писем и дневников 1941–1945 гг. с каждым годом становится все меньше. Часть корреспондентов уничтожали письма еще в годы войны сразу после прочтения, руководствуясь негативным опытом предвоенных сталинских репрессий. Приведем одно такое свидетельство:

From: Наталья Сулович
Sent: Thursday, June 19, 2014 4:35 AM
To: Leonid Smilovitsky

Моя мама сознательно уничтожала все папины письма, полученные во время войны. Она говорила, что не может забыть, как во время обыска при папином аресте (его арестовывали дважды – в 1935 и 1937 гг.) чекисты читали вслух их переписку, а поскольку вероятность нового ареста она не исключала, то и письма с фронта рвала сейчас же по прочтении.

Другие люди часто переставали хранить письма после того, как их близкие возвращались из армии домой, или когда переезжали на новое место жительства, или уходили из жизни... Евреи, собиравшиеся на постоянное место жительства в Израиль, жгли письма и рвали фотографии, поскольку считалось, что они уезжали навсегда, без права возвращения. Репатриация сняла немоту, люди начали делиться тем, о чем они молчали до тех пор. Но одновременно она уничтожила документальные свидетельства народной памяти. Остались устные свидетельства, удивительные рассказы, но не осталось многих писем...

Цензура

Большинство запретов военной цензуры не были оправданы. Формально в письмах запрещалось указывать: место отправителя, географические названия, маршруты следования, фамилии начальников, в тыловых письмах – цены, распорядок работы предприятий и учреждений и т.д. Соответственно, все, не подлежащее разглашению, вычеркивалось черной тушью. На каждом письме ставился штамп «ПРОСМОТРЕНО. Военная цензура №...». Подобные службы имелись в армиях всех воевавших стран. Однако в СССР, несмотря на то, что армейская цензура находилась в ведении Управления военно-полевой почты Народного Комиссариата связи, цензоры еженедельно подавали отчет в органы госбезопасности – замечено ли в письмах что-то подозрительное. Если да, то отправители и адресат брались на заметку.

Политработники инструктировали солдат и офицеров не писать правду о лишениях и потерях, избегать любой негативной информации. Это мотивировалось тем, чтобы не выдать «военную тайну» или не разочаровывать родных, которые выбиваются из сил, чтобы помочь фронту. Так скрывали просчеты и неудачи командования, неподготовленность и непрофессионализм, неоправданные людские потери. Отсутствие патриотического настроения, детали быта, не говоря

уже о смертельной опасности, потере товарищей, ужасах войны, трусости, несправедливости начальства, невзгодах окопных будней и пр. – грозили тем, что часть писем не доходила до адресатов. Как результат, в большинстве писем присутствовал минимум информации. Это сознавали и сами бойцы и командиры. Некоторые из них прямо указывали:

«Вы же знаете, в моих письмах о нашей жизни ничего прочитывать нельзя».

«Хотите узнать новости – читайте газеты».

«Вот встретимся, тогда МНОГО расскажу».

«Пишите вы, а мне писать нечего...»

Моисей Гинзбург 28 августа 1944 г. пишет родителям в Баку: «Пока я все там же. Работаю, живу, сплю, кушаю, что может быть нового в военной жизни? Да и не все можно писать...»

1 сентября 1944 г. на неоднократные просьбы родителей сообщить, где он находится, сын отвечает: «Сколько можно спрашивать, где я нахожусь и работает ли здесь нормально полевая почта?»

29 сентября 1944 г. Моисей пишет, что скоро он погуляет по Маршалковской, которая, по рассказам, не менее красивая, чем Крещатик в Киеве. Неизвестно, знала ли военный цензор, не вычеркнувшая это место в письме, где именно находится улица Маршалковская, в каком городе? (Намек на Варшаву – Л.С.).

3 октября: «У нас все тихо, но это ненадолго. Если вы читали в центральных газетах о польской пресс-конференции, то обратили внимание, что речь шла о городке, который переходил из рук в руки. Я видел этот городок, а теперь я вижу его издали в хорошую погоду, когда нет тумана...»

15 октября: «У меня все по-старому. Ничего нового нет, нахожусь пока все там же. *Этой* улицы пока еще не видно (Маршалковской – Л.С.). Никак не удастся по ней погулять...»

1 ноября: «Новостей никаких нет. Мы пока все там же, далеко не продвинулись. Можете прочесть о нас в сводке Совинформбюро от 28 октября 1944 г. – во всех этих деревнях я был...»

15 ноября: «Я пишу всякую ерунду только для того, чтобы не было больших перерывов, ведь я знаю, как вы беспокоитесь обо мне...»

25 ноября: «Маршалковская уже далеко, мы уехали южнее, в другое место. Новостей нет, по-старому».

2 декабря: «Новостей нет. Сейчас я там же, где был в августе».

25 декабря: «Живу по-старому. Работать приходится много. То чем я занимаюсь, напоминает работу папы в военном отношении. Часто приходится засиживаться над документами до поздней ночи»⁸.

Письма детей и детям

Большое значение имело то, кто писал: мужчина или женщина, юноша или девушка. Родители – сыну или дети – отцу на фронт. В этой связи можно выделить комплекс писем об отношениях родителей и детей. Письма детей написаны ученическим почерком, часто с картинками, иногда цветными карандашами. Характерные сюжеты – девочки рисовали букеты цветов, а мальчики – танки,

8 Письма Моисея Гинзбурга своим родителям в Баку [5].

пулеметы и оружие. Большинство содержало просьбу скорее разбить немца и вернуться домой. Опасность того, что солдат-отец или старший брат могли погибнуть, исключалось. Вернуться только живым и только с победой!

В свою очередь родители-фронтовики спрашивали об успеваемости и дисциплине, помощи по дому. Мысли о доме и детях присутствуют в большинстве писем. Не все фронтовики могли выразить свои чувства, но когда это получалось, мы имеем примеры поразительной силы:

Милая Раечка!

Ты просишь меня приехать в отпуск. Сейчас не время встреч. Война продолжается, и пока не закончим ее, и мечтать не приходится. А Марику!!! Ох, как хочется его увидеть. Единственная наша радость семейная, ведь он даже своего папки не знает. ...Почему мы такие несчастные, что не можем вместе воспитывать и растить свою плоть, свою кровь? Пока я жив, ты будешь обеспечена (а живым я вернусь из-за Марика, из-за тебя, из-за будущей жизни). Тебя Родина поддержит. Я всеми средствами буду помогать.

...когда речь заходит о Марике, я лишаюсь дара речи, я теряю способность мыслить, я перестаю владеть собой, и хозяином надо мной становятся... слезы. Да, слезы. Я не плачу, когда вокруг меня рвутся снаряды, не теряю я сознания, когда налетают черные коршуны и метают гром и молнии. Но когда мысль заходит о Марике, я теряю все свое самообладание⁹.

Военные дневники

Количество дневников военного времени очень невелико, особенно участников боевых действий, поскольку существовал запрет их вести (как на советской, так и на германской стороне). Авторы по-разному оценивали трудности войны. Для одних это было постоянное чувство опасности, к которому нельзя было привыкнуть. Для других – отсутствие полноценного питания, хроническое недосыпание. Для третьих – непомерные физические нагрузки. Не было гарантии, что эти откровения не станут достоянием гласности. В этих условиях нужно было бороться с соблазном поделиться тем, что волновало. Дневники, в отличие от писем, не имели обратной связи, что часто снижало мотивацию делать регулярные записи.

В архиве Центра диаспоры хранятся 10 дневников. Первая часть из них принадлежит участникам боевых действий (Лейзеров, Печерский, Окс), другая – описывает бегство и спасение, жизнь в эвакуации (Коган, Ляст, Драхлер, Подрабинник), третья – Ленинградскую блокаду (Рубинова) и четвертая – страдания евреев в гетто (Брук):

Аркадий Тевелевич Лейзеров (1922–2003 гг.), командир зенитно-пулеметной роты Отдельного дивизиона ПВО железнодорожных эшелонов (Венгрия, Австрия, Румыния, Югославия 1944–1945 гг.);

Михаил Адольфович Печерский (1904–1983 гг.), военный корреспондент фронтовых газет, сотрудник газеты «Правда» с 1932 г.;

⁹ Из писем Шеваха Лapidуса – жене Раисе, 18 марта и 15 июля 1944 г. [5].

Борис Давидович Окс (1908–1957 гг.), врач, история передвижного военного госпиталя (1941–1945 гг.);

Александр Лазаревич Коган (1895–1980 гг.), преподаватель музыкального училища из Одессы, эвакуирован в Куйбышев (1941–1943 гг.);

Ляля Брук (1927–1945 гг.), школьница, Минское гетто (1941–1944 гг.);

Моня Ляст (1928–1945 гг.), школьник, дневник 1941 г. (бегство из Дисны, Белоруссия), дневник жизни в эвакуации в Свердловске (1944–1945 гг.);

Леонид Зиновьевич Драхлер (1930 г.р.), школьник, эвакуированный из Одессы в Пензу (1941–1945 гг.);

Лия Ратнер (1929–2008 гг.), школьница, эвакуирована из Ленинграда в Молотовскую (Пермскую) область (1942–1945 гг.);

Белла Давидовна Рубинова (1924 г.р.), школьница, блокадный Ленинград (1941–1943 гг.);

Израиль Подрабинник (1929–2010 гг.), школьник, беженец из Борисова в Кустанай (Казахстан), (1941 г.).

Самоидентификация евреев

Еврей на войне чувствовал себя иначе, чем нееврей. Он вынужден был постоянно доказывать свою «полноценность» как патриота и бесстрашного бойца. В то же время евреям было присуще чувство особой коллективной ответственности. Если отдельно взятый еврей проявлял трусость, недобросовестность, допускал неопрятность в быту, совершал служебное нарушение, воровство или прочие недостойные поступки, то окружающими это немедленно переносилось на ВСЕХ евреев. Так было до войны, во время войны и после войны.

Многие евреи, лишённые традиции, оторванные от религии, не знавшие языка идиш (или отказавшиеся от него), искренне считали себя советскими людьми. В то же время государство и окружавшие их славянские и неславянские соседи (друзья, знакомые, сослуживцы, однополчане) продолжали выделять их как евреев. В годы войны набиравший силу в Советском Союзе государственный антисемитизм, подкреплённый бытовым антисемитизмом (в тылу и на фронте), делал еврейское население если не беззащитным, то в значительной степени уязвимым.

Источники сведений о геноциде

Сведения о нацистских преступлениях, убийствах мирных граждан и поголовном уничтожении евреев поступали из разных источников. Мы читаем об этом в письмах из районов глубокого советского тыла (Урал, Сибирь, Средняя Азия, Дальний Восток), куда были эвакуированы или бежали семьи, спасавшихся от военных действий. В свою очередь солдаты и командиры действующей армии описывали то, чему становились свидетелями. Много подробностей мы находим в письмах бывших узников, переживших гетто, мобилизованных или вступивших добровольно в Красную армию. Трагическими известиями о судьбах евреев, оставшихся на оккупированной территории (не сумевших, не успевших или не захотевших покинуть родные места) делились соседи-неевреи. Конкретная информация содержалась в ответах представителей органов советской власти (исполкомы сельских, поселковых, районных, городских советов) на запросы

из освобожденных районов. О пережитой трагедии советские евреи писали своим родным и знакомым за границу.

Приведем выдержки из некоторых писем:

Здравствуй, Басенька!

Желание у всех нас одинаковое: скорее свидеться живыми и здоровыми. Это возможно только после победы над подлым врагом-зверем. Сегодня я как раз прослушал ноту товарища Молотова [6, с. 9–32] о чудовищных зверствах, злодеяниях и насилиях, чинимых немецко-фашистскими захватчиками в советских оккупированных районах. Много из описанного я видел собственными глазами. Пока будет существовать на свете этот фашистский изверг, жизни на земле не сможет быть. Вопрос ставится им о полном НАШЕМ истреблении. В борьбе с ним действительно жизни не жалко. Пусть часть нас погибнет, зато наши дети смогут потом жить и мстить за нас. К новым боям мы, и, в частности, я готовы!¹⁰

Здравствуй, дорогая Раечка!

Мы приближаемся к Берлину. Ненависть к немцам велика, ведь они разрушили нашу жизнь, наше счастье. Из родственников остались только – Соля, Адольф и Фира. В отношении остальных – вспомнить тяжело (погибли в Минском гетто – Л.С.). Руки дрожат. Слезы текут. Нет сил вспоминать. Я пишу, но не верю в то, что пишу. Не могу, не хочу поверить. Не укладывается в голове, что все они погибли. Больно, нестерпимо больно об этом слушать, читать. Надо иметь железные нервы, чтобы все это перенести. Как же после всего этого не мстить? Какое же у меня может быть большее удовольствие в жизни, чем бить, давить эту фашистскую гадину!¹¹

Здравствуйте, дорогие!

Наступил долгожданный день. Нет границ нашему ликованию. Признаюсь, разве думал кто-либо из нас, фронтовиков 1941-42 гг., что можно будет вынести все эти муки и остаться в живых после такой все уничтожающей войны? Немец хотел истребить НАС (евреев – Л.С.), как и весь советский народ. Этого ему не удалось, да и не удастся. Весь этот славный венец наших побед явился возмездием, достойным завершением этой гитлеровской империи!¹²

Современное прочтение писем

Каково нам 50-60-70-летним, умудренным жизненным опытом, оценивать 18-20-летних, редко старше 30 лет, солдат Красной армии? Понять мотивы поведения, оценить их поступки? Какими глазами читают письма не успевших возмужать отцов их дети, которым 80 лет и старше? Они в любом случае воспринимают своих оставшихся навсегда молодыми родителей старше себя.

Есть письма, которые сегодня в силу определенных совпадений воспринимаются неоднозначно. Письмо М.С. Левиной из Минска 19 февраля 1945 г. начинается

10 Письмо Ваила Берковича своей жене Басе, 28 апреля 1942 г. [5].

11 Письмо Шеваха Лапидуса своей жене Раисе, 1 февраля 1945 г. [5].

12 Письмо Натана Воронова своим родителям 9 мая 1945 г. [5].

словами: «Родной мой Израиль!» Оно адресовано Израилю Самуиловичу Фишкину. На конверте штамп «Просмотрено военной цензурой». Война еще продолжалась, Минск лежал в руинах. В гетто Минска погибло не менее 100 тыс. евреев. Сама Левина, бежавшая к партизанам, выжила и нашла своего друга, солдата Красной армии. Конечно, никто не мог подумать, что через три года будет образовано Государство Израиль. Но мы-то это знаем. И поэтому обращение из Минска зимой 1945 г. в действующую армию со словами «Родной мой Израиль!» воспринимается по-другому, многозначительно¹³.

Несмотря на то, что я читаю частную переписку, нет ощущения, что я подглядываю в замочную скважину. Наоборот, есть чувство сопричастности к трагедии, которую пережили люди в годы войны. Наверное, это потому, что мы знаем, чем закончится война.

Письма – это неопровержимый документ эпохи. Они хранят в себе не только информацию для историков, но и сильнейший эмоциональный заряд. Возникают новые вопросы, на которые хочется ответить. История оживает. Привычные стереотипы и мифы требуют проверки. В центре писем – жизнь «маленького» человека, не героя, но участника событий. Нет показного патриотизма. Есть сомнения или вера. И большая надежда, что счастливый конец наступит.

Письма 1941–1945 гг. позволяют сделать ретроспективный взгляд на события ушедших лет. В моем архиве хранятся письма отцов, отправившихся на фронт, своим детям, которые их даже не видели и еще только учились говорить. Потом через несколько лет – учились писать, затем дети пошли в школу, а война еще продолжалась. Спустя 70 лет – дети войны уже умерли, и их внуки присылают мне рассказ об их послевоенной жизни...

Сколько возможностей мы упустили, пока рядом жили участники той Великой войны?! Не расспросили, не записали, не выслушали. Сколько документов личной истории не сохранили. Не придали значения, откладывали на потом, надеялись, что успеем. Не проявили настойчивости, не уговорили, не убедили, не заставили рассказать, написать. Да и кого интересует история современности, пока живы свидетели?

Часто слышу: писем с фронта не осталось, только из эвакуации, но разве это интересно? Интересно, очень! Письмо к письму, даже от разных авторов. Так восстанавливается мозаика прошлого. Знание контекста, понимание причинно-следственных связей помогают объяснить логику событий. Письма с войны – это пульсирующий ток крови, который оживляет восковую фигуру, смоделированную при помощи строгих архивных документов.

Что думали, на что надеялись, чего боялись и чем гордились люди военной поры? Чем жили? Тяжелый труд повседневности, часто непосильный. Нехватка предметов первой необходимости. Питание без витаминов и калорий (жиров, как тогда называли). Расцвет черного рынка, спекуляции, неверие официальной пропаганде одних и слепая вера других. Пренебрежение личной безопасностью и великая надежда (часто вопреки всякой логике), что все образуется.

13 Письмо М.С. Левиной И.С. Фишкину, 19 февраля 1945 г. [5, папка «Уникальные письма»]

Вывод

Военные письма и дневники из бывшего СССР распылены в разных музеях и архивах Израиля. Ни один из них не содержит специальных коллекций военных писем, обработанных, систематизированных и доступных, как для исследователей, так и для всех интересующихся историей Второй мировой войны. Опыт работы по созданию Коллекции военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете призван восполнить этот пробел.

Нацистский геноцид евреев на территории СССР собрал страшную жатву: была уничтожена почти половина советского еврейства – около 2,5 млн чел., не менее 200 тыс. евреев погибло на фронтах, в партизанских отрядах и плену. Десятки тысяч евреев умерли в блокадном Ленинграде и прифронтовой полосе, а также в тылу от голода и болезней.

Евреи не выделяли себя из общего ряда советских граждан. Однако, как следует из писем, их выделяли (бытовой и государственный антисемитизм). Прежде всего это касается проблемы национальной идентификации и отношения к геноциду. В каждой еврейской семье, пославшей своих детей, мужей, братьев и сестер в Красную армию, понимали, какой опасности подвергаются их близкие на линии фронта. Вместе с тем евреи, оказавшиеся в советском тылу, приняли самое активное участие в обеспечении фронта всем необходимым [7].

В годы войны временно были сняты запреты на переписку с заграницей. Однако в целом мировое еврейство имело самое поверхностное представление об иудаизме в СССР. В Красной армии еврейская традиция была исключена. Не могло быть и речи ни о каком соблюдении кашрута и еврейских праздников. В этом советский режим оставался верен себе до конца. Формальное соблюдение равных прав евреев и неевреев считалось самым большим достижением. Евреи, погибавшие от рук немецких фашистов и их пособников из местного населения, рассматривались сталинским руководством не как жертвы нацистского геноцида, а как пострадавшие советские граждане.

Большинство писем были написаны для решения сиюминутных задач. Каждое письмо существовало само по себе, но объединенные вместе, они позволяют увидеть законченную мозаику. Подспудно письма оказались частицей общего зеркала, которое отражает эпоху. Как это часто бывает, недостатки вдруг оборачиваются достоинствами. Письма людей самого разного культурного уровня, возраста, жизненного опыта, сопоставленные друг с другом, дают прекрасную пищу для размышлений историку, способному связать между собой и осмыслить эти разрозненные частички. В итоге возникает материал, который подкупает своей достоверностью и искренностью. Именно поэтому частная переписка, большая часть которой уцелела случайно, оставляет впечатление неискушенности. Работать с такими источниками очень трудно. Необходимо огромное терпение и запас времени.

С помощью военных писем исследователь составляет сложный пазл слов и путешествует в лабиринтах мысли. Он заполняет пропуски, догадывается подчас о том, что в действительности имели в виду авторы писем. В итоге мы получаем

возможность проследить, как формировалось представление о действительности людей военного поколения, что они что думали и чувствовали, на что надеялись.

Использование современных технических средств (цифровая печать и улучшение изображения) позволяет не только распознать трудночитаемый текст, но и восстановить визуальную ее сторону (внешний вид, почерк, бумага, марки, конверты, штампы цензуры и прохождения почты). Все это помогает Получить представление об эпохе, людях, изучить настроения в обществе и отдельно взятой семье. Подводя итог, можно сказать, что военная переписка – это источник, который сохранился вопреки времени. Включение в научный оборот писем, дневников и других источников личного происхождения открывает новые перспективы для исследователей в изучении всех сторон жизни человека на войне, знания о которой необходимы современному поколению людей.

Источники и литература:

1. Арад Ицхак. Они сражались за родину. Евреи Советского Союза в Великой Отечественной войне. – М., 2011.
2. Дубсон В.Б. К вопросу о масштабах эвакуации населения СССР во время Великой Отечественной войны // Материалы VI международной научной конференции 18 октября 2012 г. – Алматы, 2013.
3. Смиловицкий Л.Л. Невостребованная память // Семь искусств: электронный журнал. – 2012. – № 5 (30). URL: <http://7iskusstv.com/2012/Nomer5/Smilovicky1.php>
4. Smilovitsky L. Correspondence in Yiddish between personal in Red Army and their relatives during Soviet-German war, 1941–1945 // The Holocaust and the War in the USSR as a reflected in War-times letters and Diaries (Conference held by Yad Vashem International Insitute for Holocaust Research in Jerusalem entitled, 19–20 November, 2012).
5. Коллекция военных писем Центра диаспоры при Тель-Авивском университете.
6. Нота народного комиссара иностранных дел В.М. Молотова «О чудовищных злодеяниях, зверствах и насилиях немецко-фашистских захватчиков в оккупированных советских районах и об ответственности германского правительства и командования за эти преступления» (Москва, 27 апреля 1942 г.). // Документы обвиняют. Сборник документов о чудовищных зверствах германских властей на временно захваченных ими советских территориях. – Вып. 1. – М., 1943.
7. Мининберг Л.Л. Советские евреи в науке и промышленности СССР в период Второй мировой войны (1941–1945 гг.). – М., 1995.

Освобождение Комарина – первого районного центра Беларуси

Леоненко А.А., Шульга В.М., Комаринская средняя школа, Комарин, Беларусь

Освобождение Комарина, первого районного центра Беларуси, было продолжением наступательной операции советских войск после Курской битвы и послужило началом знаменитой операции «Багратион» по освобождению Беларуси.

Комарин был освобожден 23 сентября 1943 г. Его освобождение явилось важным этапом на пути к победе над фашизмом.

Почти десять месяцев продолжалась битва по изгнанию врага с территории нашей республики. В тяжелых условиях начались и проходили бои за Гомельщину. Преодолевая сопротивление противника на гомельском направлении, войска Центрального фронта под командованием генерала армии Рокоссовского 21 сентября 1943 г. своим левым флангом вышли к Днепру. Войска 13-й армии генерал-лейтенанта Н.П. Пухова 22 сентября 1943 г. форсировали Днепр и на следующий день освободили от немецко-фашистских захватчиков г.п. Комарин, деревни Новая Иолча, Берёзки и Кирово.

Сначала преодолели Днепр под огнем противника передовые соединения 15-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Людникова и десантный батальон 2-ой воздушно-десантной дивизии. С первыми подразделениями пехоты на плотках переправилась часть полковой артиллерии. С левого берега реки переправу прикрывала дивизионная артиллерия.

Битва в сентябре 1943 г. явилась небывалой по своему размаху и напряжению. От Новой Иолчи до Верхних Жаров действовали три дивизии 15-го стрелкового полка: 74-я генерал-майора О.А. Казаряна, 7-я – полковника П.М. Гудзя, 148-я – генерал-майора Мищенко, одиннадцать стрелковых полков.

При форсировании Днепра, захвате и расширении плацдарма на западном берегу большую роль сыграла 74-я Стрелковая дивизия. Несмотря на мощный обстрел, 22 сентября подполковник И. Сташек переправил своей 360-й стрелковый полк 74-й стрелковой дивизии на противоположный берег на подручных средствах. 23 сентября полк ворвался в Комарин и освободил его. 8-я стрелковая дивизия под командованием П.М. Гудзя форсировала Днепр в районе Верхних Жаров. Рота старшего лейтенанта Шеломцева освободила деревню Лукоеды (Кирово).

Враг подтягивал к плацдарму танки, бросил сюда много самолетов. Контратака сменялась контратакой. Но советские воины выстояли. В скором времени наши войска продвинулись на запад и овладели плацдармом, который имел по линии фронта 35 км, а вглубь – 30–35 км.

Отвагу и мужество на подступах к Комарину и на запад от него проявили воины роты, которую возглавлял младший лейтенант Ибрагим Дубин. Он со своим земляком сержантом Исмаилом Юсуповым, казахом Кашибаем Мамроевым ворвался в блиндаж около деревни Берёзки, где размещался штаб немецкой части, уничтожил офицеров, захватил секретные документы и рацию.

Севернее деревни Мнёв на широкий участок Днепра от деревни Новая Иолча до д. Радуль вышли части 61-й армии генерала Белова и 7-й гвардейский

кавалерийский корпус. В ночь с 26 по 27 сентября они с ходу начали форсировать Днепр. Уже на 30 сентября в пределах района было создано три плацдарма.

Мужеством и героизмом воинов отмечен в нашем районе боевой путь 76-й гвардейской Черниговской стрелковой дивизии генерал-майора А.В. Кирсанова. Среди воинов этой дивизии был житель г.п. Комарин Н.И. Пинчук, который за форсирование Днепра награжден орденом Красной Звезды.

В числе первых переправилась на правый берег Днепра группа бойцов пулеметного отделения второй стрелковой роты 234-го Черноморского полка под командованием сержанта Акана Курманова.

Первую группу бойцов 321-го гвардейского полка возглавил командир отделения гвардии сержант Н.Ф. Махов. Переправившись на противоположный берег и выбив врага с первой линии обороны, советские воины дали возможность для высадки других подразделений.

Во время прорыва «Днепровского вала» сражались воины различных национальностей. Примеры мужества и героизма проявили: русские В.И. Бояркин, А.П. Волошин, армянин Е.К. Гаранян, туркмен М. Байков, украинец К.Д. Грицинин, казахи А. Курманов и Ж. Кизатов, белорусы Николай Байков, уроженец деревни Щедрин Жлобинского района капитан Вихнин. Пулеметчик Н. Байков, когда фашисты закидали гранатами траншею, одну из них поймал и бросил обратно. Рядовой Байков был представлен к званию Героя Советского Союза.

Тысячи отважных сыновей Родины отдали свою жизнь за свободу и независимость.

Родина высоко оценила подвиги бойцов и командиров. За мужество и героизм, проявленные при форсировании Днепра и освобождении нашего района, звание Героя Советского Союза было присвоено 20 воинам. Это Фионов Иван Данилович, Сташек Николай Иванович, Новиков Николай Михайлович, Дубин Ибрагим Хусаинович, Сурков Григорий Николаевич, Филимонов Михаил Васильевич, Лазарев Архип Алексеевич, Юсупов Исмаил Аксанович, Яхогоев Михаил Ардашукович, Павлоцкий Михаил Аркадьевич, Павловский Федор Кириллович, Яковлев Николай Александрович, Некрасов Василий Александрович, Лапшин Алексей Степанович, Гречушкин Дмитрий Федорович, Бояркин Василий Илларионович, Басманов Гавриил Иванович, Аннаев Ораз, Грищенко Николай Данилович, Сихимов Эсмурат.

Тысячи солдат, сержантов, офицеров и генералов награждены орденами и медалями Советского Союза.

В братской могиле в Комарине похоронены 630 воинов-освободителей. Из них шесть Героев Советского Союза: О. Аннаев, Д.М. Гречушкин, В.И. Бояркин, Н.Д. Грищенко, Ф.К. Павловский, Н.А. Яковлев.

Герои Советского Союза своим подвигом внесли неоценимый вклад в победу над фашистской Германией.

Учащиеся Комаринской школы шефствуют над памятниками Великой Отечественной войны, участвуют в вахте памяти, проводят экскурсии в кабинете Боевой славы. Война ушла в прошлое, но белорусский народ помнит и чтит подвиги советских воинов.

Источники:

1. Материалы кабинета Боевой славы ГУО «Комаринская средняя школа».
2. Долготович Б.Д. Почетные граждане белорусских городов. – Мн.: Беларусь, 2008. – 368 с.
3. Навечно в сердце народном. – Мн.: Белорусская Советская энциклопедия им. Петруся Бровки, 1984. – 608 с.
4. Беларускі гістарычны партал [Электронны рэсурс] / <http://www.belhistory.com>

Этнолингвистические исследования в Полесье

Антропов Н.П., к.ф.н., Институт языкознания имени Якуба Коласа Национальной академии наук Беларуси, Минск, Беларусь

Комплексное исследование традиционной народной духовной культуры Полесья с целью создания «Полесского этнолингвистического атласа» (ПЭЛА), которое в течение почти двух десятилетий (1974–1992 гг.) проводила Полесская экспедиция под руководством академика Российской академии наук (РАН) Никиты Ильича Толстого, – одна из наиболее ярких страниц восточнославянской этнолингвистики последней трети минувшего столетия. Это исследование было, в первую очередь, направлено на сбор материала по единой программе ПЭЛА в специально определенных кругом известных исследователей Полесья населенных пунктах всех полесских регионов общим числом 148, которые составили предварительную сетку атласа. В полевой работе (с начала 80-х гг. – в рамках Координационного плана АН СССР) были задействованы научные и студенческие коллективы ряда академических учреждений и высших учебных заведений России, Беларуси, Украины и даже Эстонии (Тартуский университет). Масштаб проводимого полевого обследования в настоящее время не может не поражать: например, в летний сезон 1985 г. (то есть за год до аварии на Чернобыльской АЭС) в экспедициях приняли участие около 130 человек, которые работали в 17 полесских селах.

Результатом такой отлично организованной и целенаправленной экспедиционной деятельности явился, прежде всего, хорошо известный в славистических научных кругах Полесский архив (ПА) Института славяноведения РАН, в котором хранятся записи из почти 210 населенных пунктов Полесья 10 областей Беларуси, Украины и России: это 42 населенных пункта Брестской области, 47 – Гомельской, 19 – Волынской, 34 – Житомирской, 1 – Киевской, 24 – Ровенской, 15 – Сумской, 20 – Черниговской, 5 – Брянской, 2 – Калужской.

Нетрудно заметить, что несколько менее половины этого количества, именно 89, приходится на населенные пункты, находящиеся в административных границах Беларуси, причем это практически все (за исключением всего лишь пяти: четырех в Брестской и одного в Минской обл.), которые ранее были избраны для сетки ПЭЛА. Однако, к сожалению, систематическая работа над сбором материала для полесского атласа и, таким образом, над атласом вообще была остановлена Чернобыльской катастрофой 1986 г. Необследованными остались 34 полесских села, в частности, значительная часть украинских (9 из 20 запланированных

волинских, 8 из 17 черниговских и 5 из 14 ровенских), а также большая часть, именно 7, российских, поэтому полноценное картографирование по определенным параметрам в границах всего Полесья оказалось невозможным.

Тем не менее, накопленные в ПА материалы по традиционной этнокультуре этого исключительного по своей архаике и важного в рамках всей Славии региона затребованы в самой высокой степени и, прежде всего, в пятитомном этнолингвистическом словаре «Славянские древности» (Москва, 1995–2012), подготовленном и изданном коллективом авторов признанной в современной славистике Московской этнолингвистической школы.

Издание в 2008 г. образцового по текстовой фактографии и научному комментарию сборника «Полесские заговоры» (составление, подготовка текстов и примечания Т.А. Агапкиной, Е.Е. Левкиевской и А.Л. Топоркова) положено начало публикации материалов ПА. В настоящее время ее продолжает запланированный в четырех томах компендиум «Народная демонология Полесья» (составители Л.Н. Виноградова и Е.Е. Левкиевская), из которых три тома уже изданы (Москва, 2010–2016). Обобщенные в виде словаря записи, относящиеся к народному календарю, опубликованы С.М. Толстой в монографии «Полесский народный календарь» (Москва, 2005). Рубрицированные по отдельным темам материалы из ПА (преимущественно собственные записи) напечатал в Бостоне, США в нескольких выпусках редактируемого им ежегодника «Palaeoslavica» (International Journal for the Study of Slavic Medieval Literature, History, Language and Ethnology. Cambridge-Massachusetts) бывший участник полесских экспедиций А.Б. Страхов.

В середине 90-х годов прошедшего столетия под руководством А.А. Плотниковой, С.М. Толстой и А.М. Чеповского (программное обеспечение) началась работа по созданию компьютерной базы ПА; на сегодняшний день значительная часть архива, а это записи из 73 н. п., уже оцифрована и находится в научном обороте.

Все же в двух сборниках серии «Славянский и балканский фольклор» (Москва, 1986; 1995) осуществлено пробное картографирование отдельных элементов полесской традиционной культуры. Всего Н.И. Толстой, С.М. Толстая, Т.А. Агапкина, А.А. Плотникова, Л.Н. Виноградова, В.Л. Конобродская (Свительская), М.М. Валенцова, Е.Е. Левкиевская и В.В. Усачева подготовили 95 карт: 19 в сборнике 1986 г. и 76 – 1995 г.

Что показывает их «чтение»? Во-первых, наглядно, причем на специфическом этнокультурном материале, подтверждается членение Полесья по вертикальной оси на западное и восточное, однако с довольно существенными диффузными зонами в их смежных восточной/западной частях. Очевидный, уверенно выделяемый характер этой зоны, пусть и с размытыми границами, позволяет определить ее как центральное Полесье, что, безусловно, придает новое качество диалектно-культурному ландшафту полесского региона в целом. В такой же степени весомым следствием картографирования является возможность этнокультурного членения региона по оси горизонтальной, то есть на северную и южную части. Чрезвычайно интересным и в определенной степени новым следует считать противопоставленность Западного Полесья (но в основном Загородья, по

дефиниции Ф.Д. Климчука) центральной и восточной зонам, которые, в свою очередь, по отдельным параметрам представляют собой единый регион.

Что касается структурной характеристики полесской традиционной культуры, непосредственно связанной с диахронической стратификацией, то нельзя не согласиться с Т.А. Агапкиной, которая на основании подробного исследования весенней обрядности Полесья сделала вывод о ее современной гетерогенности, интерференционности, наличии в ней составляющих различной направленности и под. Однако следует, вероятно, констатировать, что каждая из этих составляющих имеет как раз архаический и исконно гомогенный характер – позднепраславянской, по меньшей мере, древности¹, что, кроме всего прочего (например, диалектной языковой картины Полесья), подтверждается необычайно большим количеством полесско-инославянских изодокс, то есть тех общих или близких обрядово-ритуальных практик, отдельных явлений, представлений и т.д., которые связывают архаику традиционной культуры Полесья с иными славянскими этнокультурными регионами, особенно южнославянскими. Как раз последнее придает полесской этнокультуре общеславянскую перспективу, на что уже неоднократно обращалось внимание, ср., в частности, многочисленные, ныне уже классические работы – статьи и монографии – Н.И. Толстого и С.М. Толстой, их коллег и учеников, а также исследования, выполненные в каждой из ветвей восточнославянской этнолингвистики (библиографию и обзоры со списками литературы см. в источниках 1–3).

Литература:

1. Толстой Н.И. Этнокультурное и лингвистическое изучение Полесья (1984–1994) // Славянский и балканский фольклор / Этнолингвистическое изучение Полесья. – М., 1995. – С. 5–18.
2. Славянская этнолингвистика. Библиография. Изд. 3-е, испр. и доп. – М., 2008.
3. Антропов Н.П. Основные направления белорусской этнолингвистики // Славяноведение. – М., 2008. – № 4. – С. 89–103.
4. Конобродская В.Л. Украинская этнолингвистика: направления развития, проблемы и задачи // Славяноведение. – М., 2008. – № 4. – С. 104–114.

¹ Ср. в этом смысле резонное замечание Н.И. Толстого: «Есть основания предполагать, что культурная диалектная дробность – явление весьма древнее, что она была характерна и для праславянской, дохристианской народной духовной культуры и что принятие христианства не разрушило, а скорее укрепило единство этой культуры – единство в диалектном разнообразии» [1, с. 14].

Днепровский паром

Материалы

научно-исследовательского полевого семинара «Культурно-исторический потенциал Восточного Полесья и перспективы развития регионального туризма»
(11-12 августа 2016 г., г. Брагин)

Международных историко-краеведческих чтений «Днепровский паром»
(8-9 августа 2017 г., г. Лоев)

Ответственные за выпуск:

Скакун Л.С.

Шпиганович О.Н.

В авторской редакции